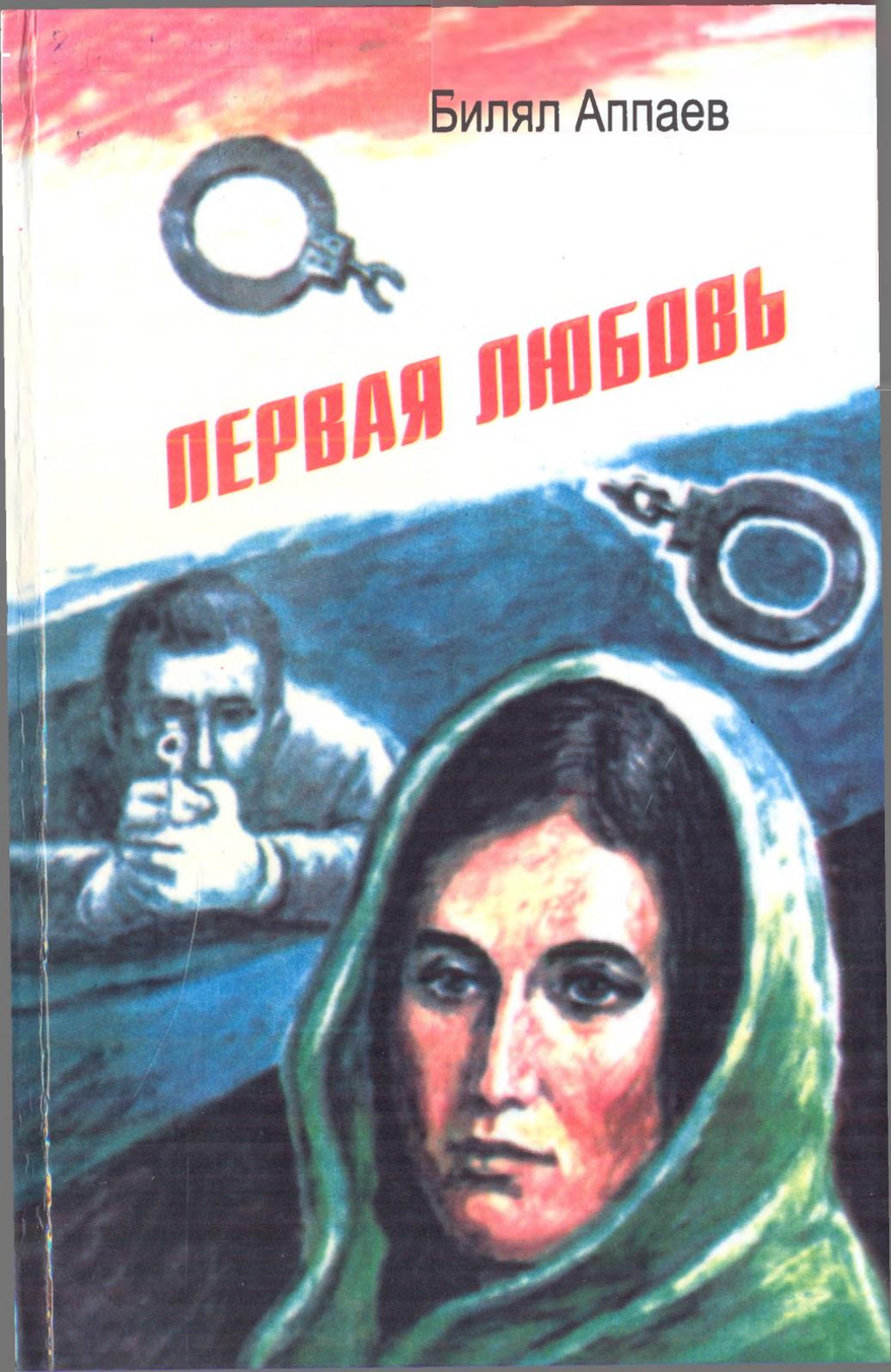

Билял Аппаев

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

БИЛЯЛ АППАЕВ

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Роман

Черкесск 2010

Роман народного писателя КЧР, заслуженного работника культуры Российской Федерации Биляла Аппаева «Первая любовь», который был написан в 1971–1973 годах, является и первым детективным произведением в карачаевской литературе. Первая часть вышла в 1975 году, а вторая в 1978 году. Учитывая спрос читателей, полностью был включен в книгу избранных произведений, которая вышла в 1989 году к пятидесятилетию писателя.

На русском языке выходит впервые.

ПРОЛОГ

Вернувшись с обеденного перерыва Сеит на рабочем столе обнаружил письмо. Желая выяснить обратный адрес, взглянул на конверт. На месте адреса отправителя увидел штамп. Но надписи прочесть не удалось. Да мало ли приходит таких конвертов в город Черкесск, в редакцию республиканской газеты! Сеит не спеша раскрыл его и вынул небольшую бумажку. Там было написано, чтобы он 20 апреля в девять часов утра явился в прокуратуру города Ак-Саут к старшему следователю Ивану Васильевичу Попову. Молодой человек посмотрел на календарь. Листок настольного календаря гласил, что сегодня - 19 апреля. У него в голове появились какие-то туманные мысли, и сердце забылось тревожней, словно почувствовало надвигающуюся неприятность.

Но мало ли что бывает в работе журналистов и в газете? И он, чуть успокоившись, с вызовом в руках вышел из кабинета и, даже не постучав, зашел к редактору. В это время редактор читал первую полосу завтрашнего номера газеты. Когда зашел подчиненный, он снял роговые очки и посмотрел на него отвлеченно, словно все еще не мог выйти из читаемого текста. А Сеит вместо ответа положил ему на стол вызов. Редактор тут же снова надел очки и несколько раз внимательно прочитал вызов.

- Почему вызывают? - тревожно спросил он, более внимательно, чем всегда, разглядывая журналиста.

- Понятия не имею...

- Раз сам не чувствуешь никакого греха, значит, ничего страшного. Коль вызывают, надо ехать. Но постарайся возвратиться побыстрее. Ты же знаешь, как сей-

час в редакции. Женщины, как им и полагается, умножают человеческий род, чтобы мы делали без них! Сафар болен, Ахмат завтра улетает в Ростов в командировку. А газету, хоть умри, но нужно выпускать...

- Да я...

- Понимаю. Прокуратура зря не потревожит. Но тем не менее...

* * *

Ровно в девять часов Сеит постучался в двери с надписью «Ст. следователь И.В. Попов». Когда он вошел, из-за стола поднялся средних лет мужчина. У него было очень приятное лицо. Сеит не успел даже поздороваться, как тот вышел навстречу, пожав руку, представился:

- Я, Попов Иван Васильич. Если не ошибаюсь, тебя зовут Сеит...

- Да, приехал по вашему вызову.

- Да, я вызывал, такова уж наша работа, что иногда приходится беспокоить людей... Садись, - он открыл сейф и вынул оттуда синюю папку, положил перед собой на стол. Потом, умелым движением раскрыв ее, обратился к Сеиту: - Вызывал я тебя, чтобы ты рассказал о Рае все, что знаешь.

- О Рае? - переспросил Сеит и внимательно посмотрел на следователя. - Я ее не видел несколько месяцев. Поэтому мне не известно, где она, как она и чем занимается...

- Это мы знаем. Но сейчас нас интересует то время, когда вы были близкими.

- А почему вас это интересует? - удивился журналист, недовольно пожав плечами.

- Не торопись, узнаешь. Наверно, ты впервые в прокуратуре и поэтому не знаешь порядков. Здесь вопросы задаю я...

- Собственно говоря, мне не интересны ваши порядки, я просто хотел узнать, что случилось и почему я здесь? -

ответил грубовато Сеит, задетый последними словами следователя. - То, что было между мной и Раей - это сугубо личные дела. Я не думаю, чтобы они имели государственное значение, и к тому же ими занималась прокуратура. Но если вам так необходимо знать, то скажу коротко. Я ее очень любил, да и сейчас люблю. Она тоже сперва говорила, что без меня не сможет жить. Но потом выяснилось, она просто водила меня за нос. И после этого я уехал в город Черкесск...

- Все это нам давно известно,- перебил его Иван Васильевич. Потом, подумав несколько секунд, спросил: - Неужели Рая до сих пор тебе так же дорога, как тогда? - Сеит, не зная, куда клонит следователь, утвердительно кивнул головой. - Выходит, не совсем приятная у меня обязанность, Но что поделаешь, я должен сообщить тебе печальную весть - Рая умерла...

Что-о-о? - придерживаясь двумя руками за край стола, поднялся с места Сеит. Но, чувствуя, что закружилась голова, тут же опустился. Он каким-то умоляющим взглядом уставился на следователя, надеясь услышать от него, что он шутит. Но Иван Васильевич, как будто переживал за свою незавидную миссию, смотрел вниз. Сеит почувствовал, как комок подкатился к горлу, и ему трудно стало дышать. Почему-то перед глазами мелькали розовые круги. Он протер глаза и тут же почувствовал, что по лицу текли слезы. Носовым платком вытер их и, даже не попросив разрешения, закурил. А потом обратился к следователю, который все еще смотрел перед собой, опустив голову.

- Как она умерла? - спросил дрожащим голосом.

- Она не умерла, а ее убили.

- Поймали его? Кто он?

- Нет, еще не поймали. Поэтому и вызвали тебя, - ответил Иван Васильевич. - Я уже давно работаю на этой должности, но такого запутанного, сложного дела не встречал. Если и ты не сможешь...

- Как помочь? Скажите, что я должен сделать, я на все готов.

- Ты, Сеит, журналист, поэтому и без моей помощи можешь подробно рассказать все, что тебе известно о ней. Притом, с первой и до последней встречи, ибо незаметная для тебя мелочь может иметь большое значение для дела. Имей ввиду, что нам нужно знать и то, как вы относились друг к другу, какое отношение было между вами...

После этих слов в кабинете установилась угнетающая тишина. Иван Васильевич ждал, а Сеит сидел, глубоко задумавшись. Через некоторое время он как будто с трудом поднял голову и сказал:

- Все, что вы от меня требуете, у меня давно уже написано...

- То есть как?

- Сейчас я в таком состоянии, что вряд ли вспомню подробности, - тихо ответил Сеит. - Но когда моя любовь кончилась так печально, я, чтобы еще раз пережить то радостное чувство, которое было у меня, сделал в дневнике кое-какие записи. Даже думал на старости лет написать книгу на основе этих записей.

- Это еще лучше. Завтра же, пожалуйста, доставь их мне. Да, не забудь зайти на работу и предупредить, чтобы тебя в ближайшие дни не ждали. А я отсюда позвоню в редакцию, что ты нам нужен.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗ ЗАПИСЕЙ СЕИТА

1

После окончания факультета журналистики в городе Баку меня направили работать в город с поэтическим названием Ак-Саут. Работники редакции встретили приветливо. На первых порах были внимательны, подсаживали, помогали советом и делом, знакомили с местными знаменитостями и городом. А он был приветливым и по-южному теплым. В ясную погоду высокие вершины Кавказского хребта, казалось, находились так близко, что протяни руку, и они окажутся у тебя на ладони. Как игрушечные или нарисованные в цветной детской книжке сказок. Наверно, поэтому и город казался сказочным, и люди смотрелись сказочными героями. И я первые месяцы никак не мог ухватить разумом жизненную реальность.

Меня назначили литсотрудником в отдел культуры. Заведующий отделом, мужчина в годах по имени Хамид, вкратце ввел меня в курс дела и указал на стол, который стоял у входа. Это было мое рабочее место. Хотя не очень удобное, но свое.

- Отсюда начинается карьера, - не то серьезно, не то в шутку сказал Хамид. - Постепенно можешь стать заведующим отделом, потом заместителем редактора или ответсекретарем. А там и до поста редактора рукой подать, если, конечно, проявишь себя, не сопьешься, вот как я, не скурвишься с бабами, не свернешь с центральной линии партии. Но и это еще не самое главное, главное - это надо быть убежденным, стойким и здорово писать статьи, очерки, зарисовки, репортажи, даже заметки и ин-

формашки. Иметь свой стиль письма, свое видение проблем и мира. Уметь держать нюх по ветру. И карьера твоя будет обеспечена на сто двадцать процентов. Запомни, сынок, наказания старого газетного зубра. Они никогда не помешают. И не задавайся даже при самых высоких взлетах и победах, всегда уважай товарищей по работе, помогай и сочувствуй, если допустят ошибку или попадут в беду. Это у нас, как клятва Гиппократова у медиков, негласный кодекс журналистской чести.

И советы бывалого газетчика мне потом пригодятся.

Прошло два дня. Я снял квартиру недалеко от редакции у старой женщины. Звали ее Мироновной. Она была одинокой. Видать, чем-то я ей понравился, и вскоре она начала относиться ко мне, как к родному сыну. Звала меня не по имени, а ласковым словом «сынок». Мироновна занимала половину четырехкомнатного дома. В этой половине одну из комнат занимал я и чувствовал себя так вольготно, будто турецкий султан.

Вскоре, кроме работников редакции, у меня появились и местные друзья. И в этом городке я стал чувствовать себя так, как в родном Черкесске. Так незаметно прошли осень, зима и наступила молодость природы - долгожданная весна. По обе стороны улиц и тротуаров росли кустарники и деревья. Осенью и зимой я как-то не обращал на них внимания. А весной они превратили город в райский уголок. По вечерам я часто один бродил в парке, по тротуарам, а иногда и с друзьями. Ребята говорили, что у меня хороший характер, но одна моя черта им явно не нравилась: у меня не было девушки, как у других. Были среди них такие, которые считались чуть ли ни супругами, и ждали удобного случая сыграть свадьбу. Некоторые также давно дружили со своими девушками, хотя и ещё не осмеливались предлагать им руку и сердце. И, наконец, третья категория, самая малочисленная, которые часто меняли девушек и почему-то не находили среди них надежных спутниц жизни.

Я не относился ни к той, ни к другой, ни к третьей, хотя по обстоятельствам примыкал то к одной, то к другой. Почему-то моя любовь заблудилась в горах и никак не может меня найти. Просто так проводить время с кем-нибудь я не привык. И вообще таких людей всегда считал несерьезными и легкомысленными. Вот так в одиночестве и шло время. Может, ещё бы продолжались эти беззаботные, спокойные дни, но неожиданно и самым странным образом в моей жизни наступил перелом. В течение нескольких дней яркие лучи солнца, искры от пламени, снежная буря - все это смешалось в моей ранимой душе. А началось это 30 апреля.

В тот день готовился серьезный номер нашей газеты, посвященный международному празднику. Дежурным был литсотрудник сельскохозяйственного отдела, мой близкий друг Азрет. Он считался самым энергичным в коллективе. Свою работу знал хорошо, что казалось странным, из любого трудного положения находил выход. Среди работников пользовался уважением, но у начальства не был в почете. Дело в том, что, как любит говорить наш редактор, дисциплина у него хромала на обе ноги. Азрет готов был на любое испытание, лишь бы его не заставляли сидеть на собраниях. Его так же угнетал собственный рабочий кабинет. Подвижный от природы, он больше получаса не мог сидеть за письменным столом. Азрет работал быстрее всех нас. Как только закончит свое дело, тут же исчезал из кабинета. А другие, хоть и меньше, чем он, готовили материалов, по восемь часов находились в кабинете. Эти и другие подобные черты его характера помогли дать ему прозвище «Анархист». Кто и когда «переименовал» его, неизвестно. По крайней мере, когда я поступал на работу, он уже звался Анархистом.

Так вот, 30 апреля, в 12 часов дня Азрет-Анархист ворвался (он умеренно вообще не мог ходить) в наш кабинет, взял меня за шиворот, и я не успел оглянуться, как очутился в коридоре.

- Ты сегодня вечером куда-нибудь пойдешь? - спросил он, как всегда без вступления.

- Нет, - ответил я. - Сегодня я свободен. А завтра после обеда поеду домой.

- Будь другом, Сеит, - начал он. Я тут же понял, что чего-то будет просить. Ко мне со словом «будь другом» он обращался в трех случаях: если за него нужно сидеть в кабинете и ждать телефонного звонка; если он собирался просить деньги; если у него много дел, но с Любой (его девушкой) необходимо идти куда-нибудь. Сейчас, стоя в коридоре, я думал, чего же из этих трех дел он попросит. Но услышал совсем другое.

- Сегодня вечером собирается хорошая компания, - сказал он. - Её мы готовили в течение недели. Как назло, меня назначили дежурным. Люба будет ждать, и от ребят неудобно. Подежуришь сегодня за меня, потом я обещаю два раза отдежурить за тебя. - При этом он, как никогда, серьезно посмотрел на меня. Мы оба знали, что он потом дежурить за меня не станет. Поэтому одновременно улыбнулись.

Однако мне все равно, где проводить праздничную ночь, а ему нужно уйти на вечер. Я согласился. Азрет вытащил из кармана какую-то длинную сигарету и сунул мне в рот, в знак благодарности хлопнув меня по плечу, побежал по коридору. На шум из кабинета вышел единственный наш пенсионер, зав. отделом писем Умаров. Он успел заметить чисто выбритую шею Азрета и по ней узнать его.

- Если этого Анархиста скоро не поженим, то он обвалит на нас здание, - сказал он и, подозрительно посмотрев в мою сторону, исчез в своем кабинете.

В первом часу ночи я подписал газету и вышел из типографии. В такое позднее время автобусы почти не ходили. Естественно, я отправился пешком. На центральных улицах и тротуарах еще было довольно многолюдно. Встречались и выпившие люди. Но они, как раньше, у меня не вызывали неприятных чувств, ведь завтра -

первомайский праздник. Если и кто выпил немного в честь этого, его можно простить...

Моя квартира была в стороне от благоустроенных улиц. По словам моих соседей, про нашу узкую улицу городское начальство просто забыло. Она не асфальтирована, даже днем можно споткнуться. Если сказать еще, что уличное освещение желает лучшего, то не привыкший человек ночью не раз будет падать и подниматься, пока дойдет до нужного дома. Во время дождей по нашей улице лучше не ходить. Есть опасения, что любой смельчак оставит в грязи свои туфли. В летние дни деревья, которые растут по обе стороны улицы, защищают прохожих и жильцов от горячего солнца. Но по ночам они заслоняют свет от редких электрических лампочек, висящих на столбах. Поэтому на нашей улице по вечерам очень темно. Многие жильцы держат овец, коз, коров, и в темноте можно наступить на их «шаньги». А соседский старик даже держит ишачка, и этот серый разбойник долго и навязчиво кричит по утрам:

- О-а-а, о-а-а!

Он будит меня чуть свет, и я недовольно передразниваю его: - Вставать пора-а.

Все это я описываю для того, чтобы читатели имели представление о том участке города, где я квартирую.

Итак, в ту предпраздничную ночь я завернул с центральной улицы на свою улицу. На душе было хорошо, ведь подписал праздничную газету. Дежурство прошло без ЧП. С двумя корректорами мы даже выпили шампанского (единственный напиток, который я пью), закусили. Стояла тихая звездная ночь. Лишь где-то на белом листке всполюшно вскрикивала сова-сплюшка: - Сплюсплю! В квартире ждет меня чистая постель, а завтра поеду домой проведать стариков. Я шел, глубоко дыша насыщенным кислородом воздухом. И у меня было хорошее лирическое настроение.

- Помогите! - неожиданно раздался громкий женский голос. Я вздрогнул, даже остановился. Голос повто-

рился. Он слышался где-то впереди. Человек звал на помощь, и я рванулся вперед. Собственно говоря, в эти секунды я даже не думал, кто она, что с нею и так далее. Это было слишком неожиданно, да и время не терпело. Шагов через десять-пятнадцать в тени деревьев заметил двоих борющихся на земле людей. Когда я приблизился, один из них вскочил и шагнул навстречу.

- Какого черта несешься, иди своей дорогой, - угрожающим голосом рявкнул он. Я не помню, что ответил ему. Второй человек только начинал подниматься, и по белому платью я узнал в нем женщину.

По-видимому, я что-то сказал в её защиту. В ту же минуту мужчина, который стоял в двух шагах от меня, вынул из кармана правую руку, и я заметил от лучей недалекой лампочки металлический блеск. Нетрудно было догадаться, что это нож или финка. Но отступить было поздно. Надеюсь на второй разряд самбо, который я получил в институте, не ожидая, пока он замахнется ножом, я первым кинулся на него. Но он все же задел ножом мою руку выше локтя. Однако я не почувствовал боли и, свалив его, закрутил за спину руки.

В это время из ближайшего дома вышло несколько человек. По-видимому, там был какой-то вечер. Не понимая, что к чему, они окружили нас. Кто-то осветил карманным фонариком. Нас растащили. В этой суматохе преступник исчез, да и той женщины я нигде не заметил. Эти люди поздно поняли суть дела. Один из них наложил мне повязку. И тут появилась «скорая помощь», и меня увезли в больницу. Там дежурный хирург осмотрел, почистил рану, зашил ее и дал понять, что задето что-то очень важное, и мне придется пролежать несколько дней.

С утра колонны демонстрантов начали стекаться к центру города. Я смотрел из палаты первого этажа. Отовсюду слышны звуки оркестров, баянов, гармошек и дружное пение демонстрантов. Не будь я одет по-больничному, несмотря ни на какие раны, присоединился бы

к демонстрантам. Вдруг отворилась дверь, и я подумал, что зашла медсестра делать укол старику, который лежал в моей палате, и даже не оглянулся.

- Кто здесь Сеит? - спросила она.

Я резко повернулся. На пороге стояла незнакомая девушка с букетом цветов в руках. Я бывал во многих городах, видел немало красивых людей, но не думал, что может появиться такая красавица на нашей грешной планете. Я смотрел и не мог оторвать от нее свой взгляд. Понимал, что нужно назвать себя, может, пойти ей навстречу, но язык не слушался меня, да и ноги прилипли к полу. Она мне показалась привидением. И стоит мне произнести хоть одно слово или двинуться, как оно исчезнет.

- Я Сеит, - ответил я через некоторое время. Тут она подошла ко мне и протянула руку. Я подал левую руку, так как правая была забинтована и плохо слушалась.

- Если бы сами не сказали, я бы и не узнала, - улыбаясь, заметила она. Потом положила букет на мою тумбочку и, внимательно посмотрев на меня, добавила:

- Ведь темно же было.

- Я и сейчас не узнаю вас...

- Бывает. Однако гостя обычно приглашают сесть...

- Извините, так неожиданно... - пролепетал я и указал на табуретку возле тумбочки, а сам сел на кровать.

- А теперь можно и познакомиться. Меня зовут Рая.

- А я - дурак из сарая.

- Ваше имя мне сказала медсестра. Сегодня ночью вы спасли меня...

- Вас? - удивленно спросил я. Но когда увидел, как мой сосед покидает палату, смело сказал: - Из-за такой красавицы, как вы, не только в больницу, но и в ад попасть - счастье.

Но тут же понял, что так говорить не следовало, почувствовал, как краснею.

- Спасибо большое, вы поступили как настоящий человек, - сказала она откровенно, пропустив мои слова мимо ушей.

- Любой бы на моем месте поступил так...

- Я уверена, что некоторые прошли бы стороной, - перебила она. - Я не знаю, как вас отблагодарить. Буду очень признательна, если позволите навещать вас. Ведь вы же из-за меня попали сюда, и меня мучает совесть...

- Что вы... Зачем вам себя утруждать...

- Это наоборот мне будет приятно...

- Недолго буду здесь, послезавтра обещали выписать. Так что...

Мы говорили около часа. Дошло и до случая этой ночью. Оказывается, вечером она случайно встретилась со знакомой женщиной Ритой. Раньше она тоже жила в городе Беш-Тау, где и Рая. Рита пригласила домой, познакомила со своим мужем Володей. Пришли еще соседи - муж и жена. Посидели, повеселились. Но тут Володя начал ухаживать за нею. Это не понравилось Рите. Чтобы у них не получилось скандала, Рая незаметно ушла. Когда спешила домой, какой-то выпивший парень, пользуясь темнотой, напал. Её крик я и услышал.

Когда рассказ её дошел до этого места, на пол упала тень человеческой головы. Мы одновременно посмотрели в открытое окно. К тому времени за головой появилось туловище, и в нем я узнал Азрета. Рая, по-видимому, подумала, что это какой-то ненормальный и, быстро поднявшись, отошла вглубь палаты. Я ничуть не удивился. Если окно будет открыто, он бы никогда не стал искать двери, просить разрешения у врача или медсестры, подобные «волокиты» его не устраивали. Ведь недаром же он Анархист. Он сперва встал на подоконник во весь рост, а потом, не боясь шума, прыгнул в палату.

- Лучшие люди города, думая, что ты тяжело болен, не пошли на парад, а ты в это время сидишь и раскрываешь душу перед девушкой, похожей на ангела...

- Да потише ты, врач услышит!

- Сегодня праздник, и шуметь можно, - отмахнулся он. Положил какой-то сверток в мою тумбочку, а затем

низко поклонился Рае. По-видимому, она тоже поняла, что Азрет не совсем дурак, и подала руку. - За мной идет основная делегация из редакции. Я их опередил. Ну, как себя чувствуешь?

- Почти нормально. А вы как узнали?

- Врач утром позвонил редактору. От него и распространился сигнал бедствия...

- Сеит, я, наверное, пойду, - подала голос Рая.

Я не стал удерживать ее. Если вдруг зайдут мои коллеги, ей станет неудобно. Я вышел с нею в коридор. Пока за Раей не захлопнулась входная дверь, смотрел на нее. В это время я забыл о празднике, и о ране своей, и о друге, который сидел в палате и ждал меня. Придет ли Рая еще раз или нет - только об этом я и думал.

2

Про любовь написано много книг, песен, ей посвящаются кинофильмы. Но испытать самому и читать в книгах, смотреть в кинотеатрах, оказывается, совсем разные вещи. Не буду скрывать, когда среди друзей заходила речь о любви, слушая их горячие споры, к этой теме я особого интереса не питал. Больше того, сомневался в существовании этого чувства. А когда слышал о любви с первого взгляда, я просто смеялся. В таких случаях Анархист говорил, что, как и всякого животного, любовь обошла меня, и когда я начну гореть, как сноп соломы, тогда пойму. Не скрою, что я не прочь был, наконец, узнать, что это за штука. Но, оказывается, она не обращает внимания, когда ее ищешь. А если вздумала прийти сама, то заковывает в свои железные цепи.

В книгах и в кино, которые мне приходилось читать и видеть, обычно парень и девушка познакомились на свадьбе, в парке, на улице или в подобных местах. А потом постепенно, иногда и с первого взгляда влюблялись. Но чтобы человека нашла любовь в больнице - этого я не читал в книгах и не видел в кино. По крайней мере, не

помню. Но, что сейчас мне известно, оправдались слова Азрета, черт бы его побрал! Вот я сижу на кровати, чувствую, что ритм сердца резко изменился. Оно вроде бы бьется нормально, но вдруг как бы подпрыгивает. В таких случаях кровь ударяет в голову, и глаза мои туманятся. Вообще какое-то дурацкое состояние. Раньше со мной такого не бывало. По-видимому, это и есть любовь...

Раздатчица пищи тетя Вера несколько часов тому назад принесла завтрак и положила на тумбочку. Я до него до сих пор не дотронулся. Смотрю на букет цветов, который подарила позавчера Рая. Он стоит на подоконнике в баночке с водой. Там несколько цветов уже увяли. Вчера я их отобрал, чтобы выбросить, но не мог и поставил опять в воду. На этот букет я смотрю, как на живую Раю. Обычно женщины, когда берут букет, подносят цветы к лицу, нюхают их и ласкают. Почему-то мне кажется, что Рая даже их целовала. И эти цветы мне еще больше дороги. Несколько раз мне в голову приходила мысль говорить букету то, что со мной творится. Я, может, бы и сделал это, но сосед почему-то не выходит из палаты. Не раз пробовал стыдить себя за глупые мысли, но какой толк, когда сердце все равно не помещается в груди?

Вчера, кроме тех минут, которые ушли на перевязку раны, все остальное время истратив во дворе - ждал Раю. Она не пришла, и мне стало так грустно, и я сам себе показался таким больным и никчемным. Больше половины ночи провел без сна, думая о ней. Когда глаза были открыты, мне казалось, Рая стоит передо мной. Поэтому не мог закрыть глаз. Какие только думы не передумал! Если завтра меня выпишут из больницы, увижу её потом или нет? А может, она сейчас сидит где-нибудь со своим парнем? И если даже у нее нет никого, ответит ли на мою любовь?

И еще черт знает, какие мысли приходили в голову. Думы, думы, думы... они откуда-то выходили, как туман

из узкого горного ущелья. Но ни на один из поставленных вопросов я не находил ответа.

А время идет. Только что яркие лучи солнца, входя в окно, ласкали стены палаты. Потом они оказались на полу. А сейчас, как будто обидевшись на меня, вообще вышли из палаты. С ними все дальше уходили мои надежды. Тетя Вера пришла собирать посуду и, видя, что я не притронулся к еде, сказала:

- Я бы не твоим месте и компот не стала пить...

В ее словах чувствовался и упрек, и сожаление, и тревога за мой желудок. Случайно зашел и хирург. Он дал знать, что после обеда сделает еще одну перевязку, и я могу уматывать. Но я не тороплюсь уходить. Наоборот хочу, чтобы моя рана показалась им опасной. Эх, если бы я точно знал, что Рая все-таки придет проведать, то на коленях бы просил, чтобы меня оставили в больнице.

Каждый раз, когда открывалась больничная или палатная дверь, я вскакивал с места, надеясь, что идет Рая. Много раз выходил во двор, долго смотрел на улицу, откуда она должна была показаться. Но все напрасно. Приближался вечер. Скоро вызовут в перевязочную, а потом... Потом выпишут. А когда же после этого увижу Раю? И где - тоже вопрос. А когда встретимся, она одна будет или... нет, нет, только не это! Увидеть ее с парнем я боюсь больше, чем собственной смерти. Появился звук. Открывается дверь и перебивает все мои мысли. Показалась медсестра.

- К тебе пришла девушка, - сказала она.

- Где она? - вскакивая, воскликнул я.

- Во дворе.

Когда я выбежал во двор, Рая стояла под расцветающей вишней. Увидев меня, улыбаясь, шагнула навстречу. Поздоровалась за руку. Я потерял дар речи. Куда-то исчезли подготовленные для нее слова и предложения. Смотрел на нее, не моргая, и молчал. Но она, по-видимому, поняла мое состояние и заговорила первой.

- Как ваша рука? - спросила она.

- Все в порядке, - ответил я, боясь ляпнуть лишнего.
- Сейчас, наверно, выгонят из больницы...

- А я еще вчера хотела прийти, но не получилось...

В это время меня вызвали к врачу. Я попросил извинения у девушки и сказал, что скоро выйду.

- Я посижу на скамейке, - успокоила она.

В перевязочной меня задержали недолго. Врач, осмотрев рану, сказал, чтобы на всякий случай пришел еще раз дня через три, и выписал мне какую-то мазь. Быстро одевшись, я вышел из больницы. Рая сидела на скамейке и читала книгу. Когда я подошел, она встала и положила книгу в сумочку. Мы вышли на улицу. Из-за ближнего угла вдруг вынырнул Азрет.

- Черт возьми! - воскликнул он прежде, чем поздороваться. - Иногда самого больного не выпускают из больницы. Поэтому торопился, но, оказывается, не успел... - Говоря еще какие-то слова, он пожал нам руки.

Я очень обрадовался появлению друга, потому что не знал, на какие темы вести разговор с Раей, и был в щекотливом положении. А Азрет всегда найдет тему для разговора, хоть хлебом не корми, расскажет выдуманные и действительные случаи из жизни, причем очень увлекательные. Так что с ним скучать не будешь. Ещё у него была одна хорошая черта (чего не скажешь в мой адрес). Пусть хоть земной шар перевернется, но он пока не побреется, не погладит брюки и рубашку, не повяжет тонкий галстук-сеledку, на улицу не выйдет. Кстати, я до сих пор не знаю, сколько у него галстуков. Но этого ему мало. И когда кто-нибудь из знакомых едет в командировку, обязательно попросит, чтобы тот привез модный галстук. Вот и сегодня он одет, как будто пришел не в больницу, а выбрать себе невесту.

Я посмотрел на свою одежду. По-видимому, на сохранение одежды в больнице не очень обращают внимание. Так что мои брюки, рубашка и пиджак до того были измяты, что я начал думать, не спал ли я в них. Пока я размышлял обо всем этом, Азрет болтал с Раей, как со

старой знакомой, и смело взял ее под руку. Тут он обратился ко мне.

- Если бы знал, что, как лягу в больницу, меня придет проведать такая девушка, как Рая, я бы хоть сегодня пошел туда, - сказал он. Потом, остановив меня посредине дороги, сам отошел в сторону и посмотрел на меня внимательно. - Ну и вид у тебя! - удивленно произнес мой друг. - В таком наряде идти с девушкой по городу... Ну и дуб ты...

- По-моему, дуб - это ты, - ответил я, смеясь. - Больница - не ателье мод.

- Так ты же мог мне позвонить, - рассердился он. - Я бы принес. А сейчас ты похож на алкоголика, который только что вышел из медвытрезвителя. Позоришь ты меня, понимаешь, - повернулся он к Рае. - Вообще странный тип. Не дай Аллах, влюбишься в него...

- Хорошо, что вовремя предупредили, - засмеялась Рая.

- За сегодня прошу прощения, - выдавил я, - в дальнейшем обещаю исправиться...

- Я уже потерял надежду насчет твоего исправления, но, может быть, если мы с Раей вдвоем возьмёмся - что-нибудь и получится. - Тут Азрет, как будто вспомнив что-то, остановился. - Кажется, я нашел выход, - сказал он. - За поворотом моя квартира. Дома как раз никого нет. Зайдем ко мне, приведем в человеческий вид Сеита, если это вообще возможно. После этого идите, куда угодно.

- Да уже темнеет, никто не увидит, - сказала Рая. Я был такого же мнения. Но Азрет не из тех, которые быстро отменяют свое решение. Он дотащил нас до калитки своего дома. Рая все же не захотела зайти в комнату чужого мужчины, и Азрет остался с ней на лавочке. Я зашел в дом, побрился, надел лучший костюм друга и вышел.

- А теперь вы свободны, - торжественно объявил Азрет. - Вы, наверно, думали, что я совсем глуп и не понимаю, что третий лишний.

- Да вы что, - начала Рая, но Азрет ее перебил.

- Во-первых, не вы, а ты. А, во-вторых, когда говорит старший, нужно слушаться. Так что я вам не нужен, но зато половина девушек города ждут меня. Салют!

- Он стал удаляться от нас и довольно громко декламировать:

Я иду по росе,
Босы ноги мочу.

Я - такой же, как все,

Я влюбляться хочу...

- Циник! - бросил я ему вдогонку.

- Что, если на сегодня мы перейдем к матриархату? - спросила она, когда мы вдвоем направились вверх по улице.

- Если я правильно понял, ты сегодня хочешь взять власть в свои руки? - полюбопытствовал я. Она утвердительно кивнула головой. - Готов выполнить любое поручение...

- Из тебя бы получился хороший солдат, - засмеялась она. - Раз ты такой послушный, то пойдем ко мне в гости.

- Куда? - переспросил я, не поверив собственным ушам.

- Как куда? На мою квартиру. Посидим, поговорим...

Все же я сперва подумал, что она шутит, и внимательно посмотрел на нее. Нет, она не шутила. В течение этих двух дней я столько думал о ней, переживал, волновался и вот теперь понял, что мои желания и мысли каким-то образом передались ей, возможно, при помощи телепатии. Может, по этой же причине она уже любила меня? Иначе почему приглашает домой, насколько я знаю так не принято? Когда эти мысли пришли мне в голову, то мое сердце почему-то странно встрепенулось. Меня бросило в жар, и я почувствовал, как лицо заливается краской.

- Почему молчишь? - привел меня в чувство вопрос Раи. - Или...

- Что ты, разве я... - поспешил я с ответом, боясь, что она передумает. - Я очень благодарен тебе, что, считая за человека, приглашаешь меня в гости. С радостью воспользуюсь твоей добротой. Но сперва необходимо зайти в магазин...

- Такой необходимости нет. Все, что нужно, есть дома, - возразила девушка. И по ее словам я понял, что она не даст мне что-либо купить.

Увлеченные разговором, мы даже не заметили, как свинцовые тучи окутали небо. Когда упали первые капли весеннего дождя, мы поняли, что вот-вот начнется настоящий ливень. Но мы уже были рядом с трехэтажным домом, где находилась Раина квартира. Поспешно вошли в подъезд. Она повела меня на третий этаж и ключом открыла комнату. Зажгла свет. Я оказался в довольно уютной однокомнатной квартире.

- Ты посиди, почитай газету, а я посмотрю, что у меня на кухне, - сказала Рая и плотно прикрыла дверь.

Азрет часто говорил, что если хочешь знать, что из себя представляет женщина, посмотри, как она содержит квартиру (чистота, порядок, убранство). Я почему-то вспомнил эти слова и посмотрел вокруг. Очень красиво убрана кровать, будто приглашающая тебя полежать на ее мягком ложе. На стене, хоть и недорогой, но вполне приличный ковер с разбежавшимися по нему дикими тюльпанами. Шифоньер с зеркалом, несколько стульев, в углу стоял фикус, упираясь верхушкой в потолок. Хотя вещей было немного, но все было расставлено со вкусом. А пол блестел, как зеркало. Все это располагало к душевному разговору и приятному отдыху. Если Азрет говорил правду, то вряд ли есть на белом свете более стоящая женщина, чем загадочная Рая.

Вместе с шумом дождя из кухни доносилась песня «Белые медведи», которую напевала хозяйка. Вдруг мне показалось, что она мне самый близкий человек и что я просто ее давно не видел. Сердце меня потянуло на кухню. Не знаю, кто бы победил - сердце или рассудок, но

вскоре вошла Рая. Она начала приносить из кухни тарелочки с разными блюдами. Последними принесла бутылку водки и две рюмки.

- Рая, скажи, пожалуйста, к чему все это? Так утруждать себя.

- Ты меня обижаешь. Извини, но я хотела после больницы жизни создать тебе хотя бы немного домашнего уюта, - сверкая белыми зубами, улыбнулась она.

Мне приходилось видеть улыбающихся мужчин и женщин, но эта улыбка меня пронзила насквозь и дрожью пробежала по всему телу. Подойдя легкой походкой к столу, она разлила по бокалам водку.

- За что? - невольно вырвалось у меня.

- За тебя, за меня и, наконец, если хочешь, за... - не договорив свою мысль и как бы выставляя напоказ оголенные коленки, она села на стул и жестом пригласила меня сесть рядом. - Ну...

- Так ты не договорила, за что. - Мне все же хотелось услышать из ее прекрасных уст, что она затаила в своей прекрасной душе. Я, конечно, догадывался, но все же хотел, чтобы она подтвердила мои мысли.

- А ты знаешь не всё, и не всегда можно говорить открытым текстом. Иногда нужно передавать взглядом и... Да ну тебя, давай лучше выпьем. - Она преподнесла бокал ко рту и, как львица перед прыжком, глубоко вдохнула, и я заметил, как её упругие груди, притесненные красным свитером, желая обрести свободу, выступили вперед. О, божественный дар природы спустился на эту грешную землю! Но как жестока природа. Неужели когда-нибудь она позволит завянуть этому прекрасному созданию?

- Я... я последую примеру хозяйки дома, - невольно вырвалось из моей взволнованной груди.

Мне стало как-то неловко напоминать ей, что моему желудку, особенно голове, не приходилось испытывать действие этого зелья. Да и она, я в этом был уверен, не выпьет, но через долю секунды мне пришлось убедить-

ся в обратном. Она легко опрокинула бокал и прищуренными глазами, не соизволив даже закусить, выжидающе посмотрела на меня. Мне ничего не оставалось, как последовать ее примеру. Нет, это была не водка, а расплавленное железо. Еще выпили по одной. Через некоторое время моя голова закружилась. Она о чем-то говорила со мною, но я ничего не слышал, да и перед глазами все двоилось. Посмотрел на часы, но безуспешно - ничего не смог разобрать. Тогда я окончательно убедился, что пьян. И захотелось как-то скорее уйти домой и завалиться в кровать.

- Мне пора, Ра... Раечка, - еле выговорил я три слова.

- Куда?! Уже полночь. Автобусы давно не ходят, и к тому же льет дождь. А у тебя, как я знаю, нет пока личной машины. Так что придется смириться с положением и... - не договорив, она прошла на кухню.

На что она намекает. Неужели хочет, чтобы я остался у нее? Может, смеется надо мной? Но эти глаза... Они говорили мне о многом. Хорошо, я останусь, но где же она думает меня уложить, ведь койка-то одна, а нас двое?

- Ничего, в тесноте, да не в обиде, - услышал я слова хозяйки.

Видимо, она поняла, о чем я думаю. Рая быстро приготовила постель и, даже не спрашивая моего согласия, сняла с меня пиджак и накинула на спинку стула. О женщины! Вы способны нас, мужчин, поднять ввысь космической ракетой и опустить оттуда метеором. Я почувствовал, что теряю самообладание. И, повинувшись какой-то доселе неизвестной силе, стал раздеваться. Она, видя мое смущение, стала убирать со стола, давая этим понять, что занята своими делами и что до меня ей нет никакого дела.

Не знаю, сколько я сидел с закрытыми глазами, но в тот момент, когда я открыл их, сверкнула молния и на миг осветила комнату, где я заметил оголенную Раю, сидевшую на краю постели. Жаром своего дыхания она

обдавала мое лицо и как-то странно смотрела. А может, мне это так показалось. Но в тот миг, словно молния, которая только что сверкнула, в мою голову пришла страшная мысль: «Что же будет дальше?» За долю секунды я продрог и вспотел, словно пошел снег в мае. Сделав вид, что сплю крепким сном, стараясь не выдать дрожь в теле, я решил ждать дальнейших событий.

Заскрипела сетка, и я почувствовал, что меня подвигают к стенке. Рая тихо прошептала: «Подвинься...» Я лежу и не подаю никаких признаков. Тогда, видимо, она решила отомстить мне, бросилась на мою грудь и стала неистово целовать.

3

Когда я открыл глаза, было светло, и солнечные лучи властвовали по всей комнате. В теле чувствовалась непривычная усталость. «Где я?» - невольно подумалось мне, но горячая рука, обвившая мою шею, заставила меня встрепенуться. Со мною лежала Рая и, похоже, спала крепким сном. Мне стало как-то неловко, будто что-то украл, и я вмиг закрыл глаза. Мне казалось, что это сон, а не счастливая действительность.

- Ты проснулся? - вскоре услышал я над ухом голос Раи.

- Да, - невольно вырвалось у меня.

- Да мы с тобой проспали. Отвернись, я встану, - и нежная её ручка коснулась моей головы. Я отвернулся. Через некоторое время и мне, следуя ее примеру, пришлось принять вертикальное положение.

Сели завтракать. Рая опять разлила в стаканы содержимое недопитой бутылки, и меня затошнило.

- Не только пить, но и видеть не могу, - невольно и грубовато высказал я.

- Похмелись. Это действует ободряюще. Не хочешь? Ну, смотри, потом не обижайся, - она опрокинула свой

бокал. - Ты знаешь, мне кажется, что сейчас на радостях смогла бы выпить и ведро водки...

- Почему?

- Потому, что ты рядом со мной.

- Этому я радуюсь не меньше тебя, но спиртное - не метод выражать свои душевные порывы. Согласись.

- Какие планы на сегодня? - спросила она, словно не слышала моих слов.

- Я в твоём полном распоряжении, делай со мной, что хочешь.

- У тебя больничный, а я не успела устроиться на работу. Так что, не боясь никого, можем прогуляться по городу.

Мы долго блуждали по городу, после чего мне захотелось завернуть на квартиру, встретиться с Миронов-ной и спросить у нее, не было ли писем из дому? Рая тоже изъявила желание, в чем я ей не отказал.

- Сколько раз говорила тебе, уезжая в командировку, сообщать мне об этом. Слава Богу, встретила твоего сумасшедшего (так она раз и навсегда окрестила Азрета), а не то хотела отправляться на поиски. - Она как-то странно и вопросительно посмотрела на Раю. Значит, Азрет, чтобы не тревожить Мироновну, сказал, будто я в командировке. Молодец Анархист.

- Кто она? - спросила Мироновна, задерживая меня при входе.

- Знакомая, - вырвалось у меня, и я почувствовал себя как-то неловко. За все время пребывания на квартире она ни разу не видела меня с женщиной. И часто говорила знакомым соседкам в беседе: «Мой сын, как некоторые, не дружит с водкой и не гоняется за каждой встречной юбкой». Видать, старушка сглазила.

Когда я стал уходить, Мироновна еле слышно с каким-то упреком заявила:

- Пусть простит Всевышний, если ошибаюсь, но мне кажется, сынок, что она девушка легкого поведения. Будь осторожен - от счастья до беды один шаг.

Я промолчал. Но те мысли, которые были у меня в голове, и слова Мионовны заставили задуматься.

Наша увеселительная прогулка закончилась просмотром кинофильма «Материнская любовь» в кинотеатре «Дружба».

- Оставайся, - как-то неуверенно сказала Рая.

- Не могу. Встретимся завтра. Есть неотложные дела.

Хозяйку не застал дома. Это меня обрадовало, так как каждый вечер она вводила меня в курс последних событий, услышанных на улице от соседских женщин. Зная, что ей одной скучно, я часто предоставлял ей это удовольствие - слушать ее. Но сегодня какие-то необъяснимые, непонятные мысли окутали мою голову, и вряд ли я бы был ей хорошим собеседником. К тому же она, как мне показалось, затеяла бы разговор и о Рае. Это нежелательно.

Я лег. До сих пор мне приходится видеть в кино, читать в книгах и слышать рассказы о взаимоотношениях мужчины и женщины, но такого... «Почему она позволила в первую же ночь остаться у нее - это порядочность?! Но почему я сам допустил это? Ведь не настолько был пьян, чтобы остаться у нее. Может, в той самой постели она обнимала до меня другого мужчину». Эти мысли пронзили меня насквозь. Разные дурные мысли приходили мне в голову. «Может, она одна из тех гулящих женщин, которая сошла со страниц книг Мопассана? Может, она начало конца моей жизни? Помню, как-то спросил ее: «Ты замужем?» Она ответила: «На лбу не написано, а для тебя не имеет никакого значения». Сколько бы я ни думал, все мысли, которые проносились одна за другой, были не в пользу Раи.

В мыслях как мог, так и очернил Раю. А кто же я сам? Может, вся вина лежит на мне? Она недавно в этом городе. Может быть, видя во мне свою опору, хотела держаться ближе ко мне? А то, что она немного выпила водки, так это не странно для двадцатого века. Я ее почти спас от позора или смерти. Может быть, она выпила, чтобы составить мне компанию? Короче говоря, как мог я,

так мало зная ее, даже в мыслях очернить Раю? Это безжалостно, если не больше.

Мое сердце, вооружившись любовью, одержало верх над разумом. Рая предстала передо мною во всей своей ангельской красоте. Чтобы я ни думал, как бы ни крутил и вертел, но убедился, что она вошла в самый затаенный уголок моего сердца дорогим и близким мне человеком. А все остальное решил выяснить потом. И сейчас, лежа в постели, пожалел о том, что с нею расстался так холодно. И мягкая пуховая постель мне показалась жесткой, будто набитая гвоздями. Несколько раз вскакивал и брался за брюки, чтобы пойти к Рае. Но какая-то неведомая сила вновь возвращала меня в постель. Мне казалось, за миг вчерашней ночи отдал бы все, все...

Словно полная луна, которая на миг выглянув из-за черных туч, освещает темную ночь, так образ Раи как-то неожиданно осветил мою встревоженную душу, и я заснул крепким сном здорового человека двадцати с лишним лет...

Утром проснулся с мыслями только о встрече с нею, но дела вернули меня к прозаической действительности. В редакции меня встретили так, словно я вернулся воскресшим с того света. Встретился с редактором, получил новое задание, так между делом и не заметил, как настало время обеда. Разумеется, первым делом поспешил к ней - так хотелось видеть. Ночь и полдня показались вечностью.

На мой стук двери открылись, и на пороге, о Боже, появилась моя индина, чистая, как будто впитала в себя все прелести весеннего дня. Она мокрой рукой провела по моим волосам и провела в комнату.

- Я ждала тебя и, не зная, как скоротать время, взялась за стирку... Я сейчас. - Она быстро стала полоскать белье.

Я сел недалеко на низенький стульчик и невольно стал созерцать ее юный лик. Ямочка на правой щеке, белая шея, которая постепенно переходит в плечи, упругое тело - все это предстает передо мною и манит к себе

непонятной силой. О, я завидую, даже ревную ее к тем мыслям, которые проникают в ее головку. Да, она молчит, а я тверд, как железо, и на таком расстоянии бесполезно сопротивляться - ее магнетизм сильнее моего всего. И в следующее мгновение она была уже в моих объятиях. Набрав пены, она свободной рукой провела по моему лицу, и мы оба засмеялись, как дети.

- Вот что, давай договоримся, - начала она, - отныне ты будешь носить ко мне на стирку свои вещи .

- Нет, - возразил я, - чтобы не мучить эти ангельские ручки, я готов всю жизнь ходить в мазуте. - С этими словами я ее влажную руку приложил к своей щеке.

- Нет, я не шучу. Вы, мужчины, без женщин, что рыба без воды - ни туда и ни сюда.

- И я не шучу.

- Помнишь Пушкина, как он говорил: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей». Может, и ты будешь придерживаться такого принципа, мой дорогой Онегин?

- Поверь, Раечка, такие слова мог сказать только тот, который не встречал такую, как ты. - Я нежно потянул ее за руку, мы прошли в комнату и сели.

- Ну, расскажи, мой корреспондент, чем сегодня ты обрадовал прессу?

- Рая! - невольно вырвалось у меня, будто не слышал ее вопроса. - Мы с тобой знакомы уже несколько дней, но друг о друге ничего не знаем.

- Ты о чем?

- Может, я самый скверный, не достойный даже твоего мизинца человек. Ты не знаешь...

- И знать не хочу... Если я правильно поняла, тебя интересует прошлое. В частности, мое, так как твое тебе уже известно.

- Да, так будет лучше обоим.

- Стоит ли ворошить прошлое, ведь мы не в шпионы поступаем? Мне кажется, время - лучший судья и ответчик. Но если это тебя интересует... - она вдруг погруз-

нела, отчего мне стало как-то не по себе. - Если говорить, то мое прошлое в анкетной строке займет самую малую часть. Отец погиб в аварии. Отчим не баловал меня отеческой заботой, и я, казалось, была совсем чужой среди своих людей. С горем пополам окончила семь классов и часто меняла место жительства. Так как каким бы милым ни казался родственник, через месяц надоедала, надо было переезжать к другим, чтобы найти там очередной приют. Подросла и с товарищами уехала на Целину. Через два года приехала в Беш-Тау к подружке. Город понравился, осталась жить и начала работать в кафе. Потом полтора года работала официанткой в ресторане. Вот, пожалуй, и вся моя биография.

- Но почему же ты приехала сюда, оставив такой город, как Беш-Тау?

- Была причина. - Что за причина, мне не было понятно. Она что-то скрывает. - Понимаешь, я должна была уехать оттуда.

Ее последние слова мне не понравились, но допытываться неудобно.

- Да, чуть не забыла, я должна сходить на завод на счет работы. - Она быстро оделась, и мы оба вышли.

Начальник отдела кадров завода сказал, что освободилось место, и она может хоть завтра выйти в цех. Но нужно было пройти медкомиссию. Он дал Рае какой-то бланк, где должны были расписаться врачи. По пути домой мы купили в магазине продуктов. Вечером она не отпустила меня. У нее в шифоньере я нашел хорошие книги, которые давно искал. Оказывается, и она любила читать. Рая чем-то занималась на кухне, а я углубился в чтение.

4

- Я забыла тебе сообщить, что получила письмо от двоюродного брата, - сообщила утром Рая. - Пишет, что приедет в гости

- Когда? - спросил я.

- На днях. Не буду от тебя скрывать, хоть он мне и брат, не хочу иметь такого гостя. - И, увидев мое удивление, объяснила: - Бездельник он. И сейчас нигде не работает. Любит выпить...

- Нежелательно иметь такого родственника, - согласился я, - но если приедет, то нужно встретить его как следует. Ведь он же приезжает к сестре...

- Придется... Куда же денешься? Да, еще одна новость. Вчера я случайно встретила с мужем Риты. Помнишь, я рассказывала тебе в больнице?

- Где ты была под праздник...

- Вот его зовут Володя. К нему же меня ревновала Рита. После моего бегства из той компании и встретился тот негодяй. Этот Володя сразу же рассказал, что разошелся с женой. Между прочим, он сообщил, что любит меня. - Она засмеялась. - Но я грубовато сказала, что у меня есть парень, и я собираюсь выйти замуж. А то не отвяжется...

- Кто такой, не знаешь?

- Кажется, на какой-то фабрике работает. Как только я увидела их, то сразу поняла, что они не будут жить. Друг другу совсем не подходят. Он красивый, а она совсем некрасивая...

- Где же у него были глаза, когда женился? - спросил я. - Между прочим, и кроме красоты есть нужные вещи для человека. Может, Рита умная женщина, прекрасная хозяйка, чего порой и красотой не заменишь...

- Да, это верно, но на первый взгляд прежде всего замечается внешность человека.

- Похоже, что не только ты Володе понравилась, но и он тебе.

- Нет,- сказала она, закрывая мой рот ладонью. - Тебя и на сто таких не променяю...

Их встреча, объяснение ей Володи в любви, слова Раи, в которых вроде бы чувствовалось, что ей понравился, ко всему этому я отнесся недоброжелательно. Но последние слова Раи пришлись мне очень по сердцу. Я

дал себе слово не думать больше так, что, может быть, она со мной только время проводит. Вдобавок еще и сильно пристыдил себя. Было видно, что если бы она не любила меня безмерно, то не ласкала бы так, не сводя глаз.

Мы оба были свободны (не было никаких важных дел). Точнее, свободна Рая. А я с тех пор, как работал в редакции, готовил сборник очерков. Сперва собрать документальную вещь, а потом, чем Бог не шутит - создать и художественную. Прошло уже много времени, как мне сказали, чтобы я представил сборник на обсуждение. Кроме того, уже со школьных лет меня тянуло к стихам. Надо сказать, что в Карачаево-Черкесии это обычное дело, ведь горские народы с поэтической жилкой. Хоть я стихов никому не показывал, но если собрать их вместе, то получилось бы около томика Пушкина. Сказать по правде, мне из них нравится лишь кое-что. Но с тех пор, как впервые увидел Раю, стихи, посвященные любви, постоянно вертятся в моей голове. Когда нет или большой радости, или большого горя, стихи трудно пишутся, говорил один мой знакомый поэт. А во мне было и то, и другое. Все это я говорю к тому, что если бы было время, мог сделать очень многое.

Однако Рая притягивала меня к себе, как магнит, даже больше, чем поэзия. Если бы она даже говорила, чтобы я шел на работу, занимался своим делом, уйти от нее, жить, не видя ее, у меня не было сил.

Мы погуляли по городу и поздно вернулись домой. Через некоторое время постучали в дверь. Рая пошла открывать. Вошла женщина, бледная, как смерть, среднего роста, худая, но обаятельная. Видно, когда-то она была красавицей, на которую каждый засматривался. Мы поздоровались, познакомились. Она оказалась женой Володи.

- Я пришла пригласить вас в гости, - сказала она, даже не садясь.

У меня было желание посмотреть, кто такой этот Во-

Володя, показать ему и себя, и то, что Рая моя. Но я еще ничего не успел сказать, как Рая ответила:

- У нас тоже есть возможность принимать гостей. Лучше вы приходите сюда.

Ничего не произнеся, кроме слова «ладно», Рита вышла.

«Видимо, она привыкла бояться мужа, выполнять все, что он скажет, поэтому ушла молча», - подумал я. Через некоторое время она вновь вернулась.

- В другой раз пойдем к ним, пусть сегодня придут сюда, просит он, - заявила Рита. - Да и выпивший он немного. И стол уже готов, пойдете, он ждет, посидите немного.

Пожалев женщину за ее вторичный приход, желая увидеть Володю, предупредив возможный отказ Раи, я поднялся, показывая этим готовность идти. Рая, глядя на меня, быстро оделась. Все трое вышли на улицу. Через некоторое время дошагали до большого дома. В его дворе стояла временка, крытая толем. Отворив дверь, Рита ввела нас в нее. Маленькая комнатка. На раскладушке, притиснутой к стене, спиной к нам лежал в одежде крупный мужчина. Нельзя было понять, спит он или нет. Словом, он не повернулся, не посмотрел в нашу сторону. Перед раскладушкой - сколоченный из плохо проструганных досок столик, ничем не покрытый. На нем выпитая до половины бутылка вермута. В тарелке немного печенья и конфет, рядом - три стакана.

«Пригласили ради такого стола?» - невесело подумал я. В это время Рита, стараясь растолкать мужа, говорила: «Вставай, гости пришли». Я искал стул, чтобы сесть. Но на единственном стуле, стоявшем у входа, уже сидела Рая. Кроме нескольких вещей, висевших на веревке, и кое-какой посуды, ложек на подоконнике, в комнате ничего не было. Рая говорила мне, что эта несчастная семья живет уже два года. И Володя, и Рита работают, но как же они не могут купить что-нибудь в дом, хотя бы несколько стульев?

- Может, умер, не просыпается, - услышал я слова Риты, прервавшие мои мысли.

- Давайте-ка я попробую, - предложил я, шагнув вперед. Не знаю даже, почему, но только как вошел и увидел эту обстановку, я изрядно разозлился. Когда я раз другой повернул и встряхнул спящего, Володя открыл глаза. Кто бы видел, как он живо вскочил, тот не сказал бы, что он только что спал.

- Извините ради Бога, - сказал он. - Когда наскучило ждать вас, я прилег и неожиданно уснул.

Володя оказался рослым, крупным и красивым человеком. Но мешки под глазами, цвет лица, разговор, манера держаться - все свидетельствовало о том, что он отвержен к спиртному.

Мы познакомились. Все четверо сели, уместившись на раскладушке и единственном стуле. Все, кроме Риты, распили полбутылки вермута. Она, оказывается, спиртное и в рот не брала. Володя говорил один, не давая никому из нас и раскрыть рта. А рассказы его были о поездках по многим местам, героизме, совершенном им в драках, о жизни людей, вооруженных пистолетами и живущих в этом городе, и тому подобном. Хотя он все немного хвастливо преувеличивал, но было понятно, что этот человек не побрезговал бы никакой подлостью, законченный проходимец.

«Зачем он все это рассказывает, хотя ведь и не так пьян?» - размышлял я. Может, старается показать Рае, какой он бесстрашный и отважный? Или думает устрашить меня и потом прибрать к рукам Раю? В то время я не мог дать полный ответ на эти вопросы. Но, кажется, заметив, что я несколько не уstraшен этими байками, что Рая не обращает особого внимания, он обратился к тихо сидевшей жене. Не вмешиваясь в разговоры, она прижалась в уголочке, как сиротливая козочка.

- Что-нибудь собери на стол! - грубо прикрикнул он. И Рита вскочила, взяла сумку и направилась в магазин.

- Нет, не беспокойтесь, - возразил я, - все еще впереди, будет время посидеть в другой раз.

Тогда хозяин вышел во двор. Не знаю, незаметно для

нас он дал знак Рите, или она сама решила, но тоже вышла из комнаты. Я не очень ясно услышал, как он сказал Рите, что велел же вызвать одну Раю, и ударил ее по щеке. Через некоторое время они оба вернулись в комнату. Мы с Раей встали, чтобы уйти. Мне хотелось поскорее избавиться от этой странной семейки.

- Вы встретились друг с другом, очень похожие один на другого, - высказался Володя, когда вышел на улицу проводить нас. Потом пристально посмотрел на университетский значок на лацкане моего пиджака и, даже не попрощавшись, повернул назад.

- Ты видишь глупость этой женщины, - сказала Рая, когда мы отошли немного, - каждый день отдает все, что у них есть, покупает питье и думает таким путем сохранить Володю в мужьях.

- Еще удивительнее то, что позвала тебя показать мужу.

- Почему меня? Нас обоих...

- Нет, до моего слуха дошло, что они говорили во дворе, - заметил я. Рая, видимо, и правда не слышала их разговора. И моему сообщению очень удивилась.

Поговорив об этой несчастной семье, проводив Раю, я пошел к себе. Мироновна спала в своей комнате. А в моей почему-то не потушила свет. На столе лежало письмо из дому. Давно не было писем от родителей. Как и всегда, его писала младшая сестра Абидат, самая любимая дочка отца. Пользуясь этим, она иногда на всех смотрит свысока, при этом требуя к своей особе теплого отношения. Однако я благодарен ей, ведь только она и пишет мне письма, сообщая все новости.

Все, кого я знаю, любят получать письма, но сами почему-то пишут с неохотой. Я тоже не составляю исключение. А вот Абидат другое дело. Хоть хлебом ее не корми, только дай писать письма. Наверно, вырастет дипломатом. Когда я был дома, она училась в четвертом классе. Всем родственникам, знакомым писала она и от имени всех. В этом году заканчивает среднюю школу. Каза-

лось бы, уроков много, ответственный год. Но нет же, когда два месяца назад я был дома, понял, что она не изменила своей привычке.

Так что же она мне пишет? Странно, в этот раз уложила на двух листах. А начинает так же, как раньше, без здравствуй, привет, добрый день: «Как ты поживаешь, дорогой брат? Где шатаешься?» «Ну, погоди, приеду домой, покажу тебе «шатаешься». «Мы живы, здоровы. Почему не пишешь, не приезжаешь? Мы еще ничего, но мать очень соскучилась по тебе. Если кто-нибудь из нас чем-то не угодит ей, она сразу начинает: «Только Сеит был самым хорошим, чутким, послушным, что делать, он далеко?». Однако ты этому не особенно радуйся, когда кого-то нет дома, о нем мать всегда так говорит. Могу по секрету сообщить новость: недавно на домашнем совете решили женить тебя. При этом было сказано, что есть дети младше тебя и им тоже пора думать о семейной жизни, и что ты мешаешь им. (Ну и ну! Моложе меня только она. Раньше подобные вещи не позволяла себе. А теперь считает себя взрослой). Если добровольно или там, или здесь найдешь себе какую-нибудь кривоногую и волосатоногую, - твое счастье. А если нет, мы всей семьей выйдем на улицу, и кто из девушек встретится первой, ту и приведем тебе в жены. Как видишь, я выдала тебе решение закрытого семейного собрания, за что ты должен найти мне книги Сергея Есенина и прислать. Если нет, то избранные лирические стихи Блока или Лермонтова». Значит, ударила в лирику. Нет, чтобы попросила учебники или что-нибудь полезное для учебы, а просит лирику. Наверно, втрескалась в кого-то. Вот приеду, покажу тебе лирику, пацанка!

А дальше что же она пишет? Как? Не может быть! Осман умер... Как же так, в тот раз, когда я приезжал, он был жив. Постой... Как же она пишет? «Позавчера похоронили Османа. Он и не болел. Ночью неожиданно скончался. Говорят, кровоизлияние в мозг. Знаю, сообщая очень печальную весть, но что делать?»

Читать дальше я не стал. Лучше бы она вообще не присылала письма. Осман - первый мой учитель. Учил с первого по четвертый классы. Не только я, но и весь класс любил его. Даже будучи взрослыми, мы по всем житейским вопросам обращались к нему. Учителя старших классов не скрывали своего недовольства в том, что Османа ставили выше всех. Редко кого встретишь из одноклассников в селе. Многие окончили институты, техникумы. Разъехались по Союзу. Но у нас неписанный закон - кто бы ни приезжал домой, прежде, чем зайти к родителям, заходил проведать Османа. Это дань особого уважения. Мы рассказывали ему о своих делах, мечтах, радостях и трудностях самостоятельной жизни. Любимый учитель подбадривал нас... А теперь не стало Османа. Не только мы, но все, кто знали, уважали, ценили его. Представляю, как переживают люди. Перед таким горьким сообщением, видимо, Абидат и решила написать больше шуток.

Да, странная штука жизнь. Ведь Осман еще не был старым. Работал, как и прежде. Сколько бы молодых людей воспитал еще! Может, смерть посчитала, что для этого селения его пребывание в этом мире - слишком большая честь? Наверное, поэтому безвременно оборвала его жизнь.

Я, может, и не всех знаю в селе. Но и среди них много таких людей, которые и мизинца Османа не стоят. Ведь сейчас все они живы. Так почему же один из самых нужных для земляков человек должен лежать в земле? Все мы когда-нибудь умрем, это понятно. Но почему же хорошие люди умирают раньше?

В нашем микрорайоне живут двое пьяниц. За свою жизнь они ничего хорошего не сделали. Не то, чтобы, как Осман, воспитывали чужих детей, даже собственных толком не знают. Всем они надоели. Раз проклятой смерти нужно было забрать кого-то из нашего села, почему же она не унесла этих двоих, не говоря уже о других, даже их родня радовалась бы, что избавилась от них.

А они спокойно разгуливают, надоедая всем, прося копейки на выпивку. А Османа нет. Где же справедливость? Но что делать? Из всех положений можно найти выход, но от смерти не найдешь. Раз так, нужно терпеть...

Я понял, что в эту ночь не скоро усну. Взял со стола сигареты, спички и вышел во двор.

5

Прошло несколько дней. За это время и в нашей жизни произошли изменения. Рая устроилась на завод. Работа предприятия трехсменная. В эти дни она ходила в первую смену. Хотя я радовался, что она, на мой взгляд, нашла в жизни свою дорогу, сама она не казалась особенно довольной. Я старался утешить себя тем, что думал - не привыкшему к такой работе человеку, видимо, тяжело вставать рано, по нескольку часов подряд стоять у станка, слушать дребезжащий гул и шум заводских механизмов. А меня неожиданно назначили зав. отделом культуры газеты. Когда я сказал редактору, что это мне не под силу, тот ответил:

- И я не родился редактором. Мы поможем. Понемногу научишься. - Показывая, что разговор окончен, он потянулся к телефону.

Прошло два дня. Так как нужно было подать в газету несколько срочных материалов, хотя и очень соскучился по Рае, я не находил времени встретиться с ней. И в пятницу, после работы, я пошел к ней. Ее не оказалось дома. Ведь ее смена давно окончилась, ей уже пора быть дома, где же она может быть? - раздумывал я, как вдруг увидел Раю, идущую домой с сумкой в руке.

- Где ты пропадаешь? - спросила она, пока я еще не успел поздороваться. Потом, посмотрев по сторонам и никого не заметив, поднялась на цыпочки и поцеловала меня в щеку. Мы вошли в комнату.

- После работы мне не захотелось ехать автобусом, а

потянуло пройти по свежему воздуху. По пути вернулась в магазин, - сообщила Рая, как бы оправдываясь, что не пришла домой вовремя. - Ты давно меня ждешь?

- Нет, только что пришел...

- На, положи это в карман, - протянула она второй ключ от своей квартиры. - Буду я или нет, в любое время сам откроешь и зайдешь.

Это было большое доверие. И мое сердце радовалось, и я был благодарен этому ее поступку, держал ключ в руке и признательно смотрел на нее. Вскоре постучали в дверь. Хозяйка пошла открывать и вернулась с молодым человеком среднего роста и плотного телосложения.

- Это тот, о котором я говорила, это мой брат...

- Борис, - представился молодой человек, пожимая мне руку. Было заметно, что он немного под хмельком. Расспрашивая о здоровье, о жизни, мы посидели довольно долго.

- Чем самому выпить, лучше сюда принес бы чего-нибудь, - заметила Рая. Мне стало неудобно перед гостем, и я чуть не сказал: «С ума сошла, что ли». И покосился на хозяйку.

- Это я сейчас принесу, - сказал гость, тут же поднявшись.

- Подождите, если дело дошло до этого, пойти должен я, - заявил я.

- Нет-нет! - возразил этот разгорячившийся человек и вышел из комнаты. Рая же, вцепившись в мою руку, никуда меня не пустила.

- Зачем ты так сделала? - спросил я, опускаясь на стул.

- Пусть несет. Завтра и послезавтра мы свободны, посидим немного, - ответила она. - Так или иначе, он все равно пропьет деньги...

- Но, как ты не понимаешь, стыдно так поступать с гостем, - пробормотал я, не скрывая, что рассержен.

Если бы ты была одна - еще ничего, а то ведь я здесь. Я бы пошел и принес, что нужно...

- Много чести для него! - перебила меня Рая. - Это пустяки, я о другом беспокоюсь. Как бы этот потерянный, устроившись здесь на работу, не стал для меня обузой.

- Он не похож на такого человека, - ответил я. С первого взгляда этот парень чем-то понравился мне. Рая махнула рукой и, уйдя на кухню, принялась готовить.

А я взял в руки газету. Через некоторое время с бутылкой водки и двумя бутылками вина вернулся гость. Все мы собрались на кухне и сели за стол. Рая оказалась между нами. Борис налил в рюмки водки. Увидев, что брат с сестрой быстро выпили рюмки, зажмурил глаза, опрокинул и я свою.

Вскоре они как-то странно начали разговаривать между собой. Первым заговорил Борис.

- Натяни платье на колени, - сказал он.

- Ты это оставь и лучше ешь, что перед тобой, - ответила сестра.

Брат покосился на нее и покачал головой. Потом раза два попробовал еду и добавил:

- Ты не станешь скромным человеком.

- А тебе что за дело?

- Да, черт тебя побери, кого же это будет касаться!

Шея открыта - ниже некуда, платье наоборот - выше некуда...

- Здесь нет чужих, - перебила она.

- Но это всем неприятно, - закончил свою мысль Борис.

- Ну, хватит теперь! - Повернувшись обняла меня.

Они оба говорят в таком духе, а я, не зная, что делать, молчу и время от времени тихо жую. Такого брата с сестрой никогда в жизни не видел. Даже меня не стесняются. Но хотя Рая, не обращая ни на что внимания, пререкается с Борисом, его слова я считаю правильными, если бы даже я хотел высказать, что мне думается,

но рассуждаю так, что раз брат тут, то мое вмешательство неуместно.

Мы кончили есть и пить, и они все это время не переставали ругаться. Вышли в комнату, посидели немного, после чего я сказал, что мне пора уходить.

- Оставайся здесь, - сказала Рая. - Я лягу на полу, вы на кровати.

- Нет, я пойду...

- Ну что же, если надо, иди, я тоже завтра уеду, - сообщил Борис.

Рая вышла проводить меня. Она была пьяна. На лестнице обняла меня и хрипловато спросила:

- Завтра когда придешь?

- После обеда...

На второй день, думая, как они там, я раньше обещанного пришел к Рае. Двери открыл Борис. Рая лежала на кровати, чему-то улыбалась про себя, в пальцах дымилась сигарета.

- Иди сюда, садись рядом со мной, - пригласила она. Я взял из ее рук сигарету, выбросил и присел на краешек кровати. Борис сел на стул возле нас. - Почему пораньше не пришел? Я соскучилась...

- Был очень занят, - ответил я, видя, что женщина опять пьяна, да и парень был «хорош».

- У меня есть три профессии, - сказал Борис, видимо, заметив мое смущение, хотел сменить тему разговора. - Шофер, слесарь, токарь. Приехал, думал устроиться здесь на работу...

- Не нужен ты тут и езжай домой, - перебила его сестра.

- Зачем же ему ехать, если находит работу, которая ему нравится, - сказал я, стараясь смягчить обстановку.

- Если останется здесь, замучит меня своими наставлениями. Пусть уезжает, - твердо сказала Рая.

- Поверь, уеду хотя бы для того, чтобы не видеть эту твою развязность и не слышать твои коллючие замечания, - выдавил Борис. Он и не сердился, и не повышал

голоса. Но видно было, что каждое его слово рождается в самой глубине сердца и пока доходит до языка, сжигает его всего изнутри. Он хотел еще что-то добавить, но Рая с отчаянной бранью вскочила и выскользнула на кухню. Борис пристально посмотрел ей вслед, потом повернулся ко мне и сказал: - Ты, друг, полюбил неважного человека.

Когда Рая вернулась из кухни, он поднялся и несмело сказал: «Что ж, я теперь пойду...»

- Может, утром поедешь, - заметил я и тоже встал.

- Пусть убирается, нечего ему тут делать, - как ножом отрезала Рая, и брат не ответил ей. Не простившись, направился к двери.

Я вышел проводить его, и мы оба зашагали на автостанцию.

- Ты, наверно, очень удивился нашему разговору, тому, как мы «ласкали» друг друга? - спросил он, часто затягиваясь сигаретным дымом. - Такому человеку, как ты, все это, несомненно, кажется некрасивым, позорным. Но что делать... Я не брат ей, а муж...

Когда я услышал эти слова, то непроизвольно остановился, словно ноги приросли к земле.

- Ты! Не может быть... - выпалил я.

- Может, - не согласился Борис, тоже останавливаясь. - Я ее муж, давай присядем.

Он взял меня за руку и повел к скамейке около ближайшего дома. Будь это возможно, я провалился бы от стыда сквозь землю. Даже подумал, не бежать ли мне от него, но не сомневался в том, что еще узнаю о Рае какие-либо сведения.

- После разрыва обычно муж жену, жена мужа охивают, каждый из них только обеляет себя, - заявил он. - Поверь, я не по этим правилам говорю. Мы, прожив с Раей год, разошлись три месяца тому назад. И пить меня Рая начала учить - сказала работа в ресторане. А потом я втянулся в это дело из-за переживаний. Долго боролся, пытаюсь исправить ее характер, заставить бро-

сидеть потреблять водку, страдать от легкого поведения. Ничего не вышло. Что скрывать, если бы не так любил, то ушел бы, спасая себя. Но что было делать, не представлял жизни без нее? И теперь так. Ну, когда ничего не получилось, развелся. Как рассказывали соседи, после моего ухода она начала приводить к себе каждую ночь разных кавалеров. Устраивала пьянки. Короче, из-за этого ее турнули с работы, потом выслали из города. Недавно, видимо, это было до вашей встречи, я увидел ее вновь там. Она сказала, что теперь поумнела, предложила помириться. Я подумал, что, видимо, действительно она кое-что поняла в новом городе, наверно, не нашла друзей, подобных себе. Кто знает, может, и уладится все у нас - с такими мыслями я и приехал сюда. Но вот видишь...

- Я ничего этого не знал, прости, если можешь, - выдал я через силу.

- За что тебя винить? Она внешним видом обманет и самого святого. Кто знает, хоть я не смог поставить ее на верный путь, может быть, тебе удастся. Попытайся, не бросай ее. Но будь осторожен, она может где-нибудь дико подвести. Если действительно любишь, то борись за нее. Если она станет человеком и вы останетесь вместе, поверь, я буду очень рад. Еще раз повторю: будь осторожен. Из-за нее мне сильно попало (он показал впадину на носу ниже лба), много неприятного услышал, терпел унижения. Я мог бы сказать еще многое, но для того, чтобы поразмыслить, тебе достаточно и услышанного, остальное увидишь и поймешь сам. - Он встал. И, простившись со мною за руку, быстрыми шагами, будто кто-то гнался за ним, пошел к автостанции.

6

Я был в состоянии опьянения, когда вдруг откуда-то появился Азрет.

- Салам алейкум, господин, - поприветствовал он и

сел рядом. - А чего у тебя повис нос, как у горца, у которого подох осел?

- Азрет всегда появлялся мигом, когда его совсем не ждешь. Но с тех пор, как я его знаю, не было случая, чтобы он не появился именно в такой нужный для меня момент, будто ангел-хранитель. Не знаю, как другие, но, по моему мнению, такого джигита, как Азрет, который находит выход из самого трудного положения, нет. Позавчера, судя по его разговору, у него самого кончилась самая (последняя) любовь, и он срочно искал другую, вновь напевая уже знакомую песню:

Я такой же, как все,

Я влюбляться хочу.

Хотя чувства его были также недолговечны, как ясное небо над горными вершинами, ни от любви, ни от страданий он в стороне не оставался. Наверное, поэтому наш друг Анаур не раз говорил ему:

- Напиши, пожалуйста, диссертацию о любви.

Но Азрет понимал страдающих от любви людей. И я от него вообще никогда и ничего не скрывал. Правда, иногда ругал, что слишком много любит женщин, что никогда не сомневается в том, что он всегда во всем сможет быть верным другом. Я очень обрадовался, что он в такой для меня трудный день появился так удачно. И, не скрывая ничего, от начала до конца изложил ему повествование Бориса.

- Честное слово, не было ничего странного, с чем бы я ни сталкивался, но такого не только не знал, но и не слышал, - признался он, глядя шаловливыми глазами. - Если бы нашел какой-нибудь заржавленный автомат, расстрелял бы всех женщин. - Это было самым любимым и популярным изречением Анархиста. Это он повторял всегда, когда из-за женщин попадал в трудное или щекотливое положение.

«Если он сказал свою излюбленную фразу, то мне, кажется, не сможет помочь советом», - подумал я и пристально посмотрел ему в лицо.

- Но все же ты не отчаивайся, подумаем, - сказал он. Потом выхватил из моего рта дымящуюся сигаретку, смачно затянулся и беззвучно затих. Оба мы, не зная, что сказать, что делать, молча посидели некоторое время.

- Что только осталось не проделанного над нами этими проклятыми женщинами, - резюмировал наконец Азрет, швыряя окурки под кусты. - Я считал, что в городе нет человека, у кого башка работает лучше моей. А в этом деле не могу придумать ничего, что могло бы помочь. Однако, если ты сделаешь то, что я скажу...

- Говори, чего тянешь! - стал я сердиться.

- Единственный выход...

- Чтобы я больше не появлялся возле Раи?

- Да! Забудь ее!

Я вздрогнул, думая, что ослышался, посмотрел на него изучающее.

- Да, только так ты должен поступить и не иначе.

- Нет, этого не будет.

- То есть как нет?

- Очень просто, я ее не брошу...

- Ну и что ты намерен с нею делать?

- Перевоспитать...

- Ну и дурак! - Азрет опять умолк. Я его понимал, согласиться со мной он не мог - не такой у него характер. Он тоже понял, что я не изменю своего решения. Так что спорить нам незачем. Мой друг тяжело поднялся и, не говоря ни слова, пошел вниз по улице. Посидев немного в одиночестве, и я направился к дому, где жила Рая.

Хотя до дома я шел очень быстро, недалеко от него остановился: не тянуло сердце идти дальше. Легко сказать, но трудно это сделать. Ладно, она выпила замуж, тот приехал за ней. Но почему не рассказала об этом мне и так опозорила перед Борисом? Почему обманула, сказав, что брат? Хорошо, что он умный мужик. А то что бы я делал, если бы, как и положено, он дал мне по морде, всыпал бы и Рае? Если бы он и поступил так, я ни в чем бы не

смог его обвинить. Или откуда мне знать, что я сам завтра не окажусь на его месте? Подумал, было, послушав совета Азрета, повернуться и уйти. Но, во-первых, она пьяная могла выйти на улицу и опозориться; во-вторых, я сомневался, что вытерплю, не увидев ее. И, самое главное, дал себе слово перевоспитывать ее. И, махнув рукой, быстро вошел в подъезд, хотя душу точил гнилой червь сомнения. Вспомнилась вещь Александра Куприна, кажется, повесть «Яма», в которой один студент из благородных соображений пытался перевоспитать проститутку. Только из этого, к сожалению, ничего не вышло. Но это, правда, было при загнивающим капитализме. А теперь совсем другой табак. И я, окрыленный надеждой, вошел в квартиру. Рая умывалась холодной водой.

- Борис сказал, что он мой муж? - взяла она с места в карьер.

- Нет...

- Год я жила с ним...

- Почему же не сообщила мне это? - спросил я, стараясь сдержать злость и говорить спокойно.

- Хотела сказать, но испугалась, что будешь ругать...

- Какая бы беда ни обрушилась в дальнейшем, никогда не обманывай, - сказал я убедительным тоном. И, боясь, что если еще немного задержусь, то могу выйти из себя, покинул ее квартиру.

Сейчас не помню, кто, но один из редакционных товарищей, услышав, что средний век журналиста короче века летчика и шахтера, что журналисты долго не живут, собирался переходить на другую работу. Он придавал большое значение тому, что какой-то ученый подсчитал, что в среднем они живут 50 лет. Сказать по правде, я далек от мысли так скоро умереть. Но то, что работа журналиста трудная и нервная, я узнал не понаслышке, а испытал на себе. Когда к этому еще прибавилась любовь к этой странной женщине, это стало тяжело отражаться на мне. Все, кроме Азрета, о моем состоянии ничего не знали. Поэтому часто говорили, мол, изо дня в

день худеешь, даже характер изменился, не принимаешь участие в коллективных разговорах. Хотя сам вроде здесь, а думы далеко. Я говорил, что ничего не случилось, вам так кажется. Однако, не забегая вперед, все расскажу по порядку, как было.

Вернувшись от Раи, выпив стакан чаю, налитого Мионовной в термос, лег с мечтой уснуть и все забыть. Но не получилось, как я хотел. Ворочаясь с боку на бок, я долго мучился. С трудом уснул лишь в полночь. Наверно, все, что было, осталось в памяти, и мне стали сниться какие-то кошмарные сны.

Где мы были, толком сказать не могу. Я и Рая сидели на пне в глухом лесу. Я что-то ей говорю, она молчит и смотрит в сторону. Похоже, обижается на меня. Я начинаю нежно гладить ее руку. Через некоторое время наши руки прилипают одна к другой.

- Почему ты так сделал? - строго спрашивает сердитым голосом Рая, повернувшись ко мне. Я не успел что-либо сказать, как из леса выходит здоровенный парень с черными усами и смело подходит к нам.

- Почему вы здесь сидите? - грозно восклицает он.

- Какое твое дело? - недовольно отвечаю я. И в это время он вплотную подходит к Рае.

- Черт возьми, я не узнал, оказывается, это ты, - удивленно говорит он: - Я давно тебя ищу...

Рая как бы прося защиты, плотнее прижимается ко мне.

- Уходи сейчас же! Какое ты имеешь отношение к Рае? - заявляю я.

- То есть как «какое отношение»? - удивляется парень. - Она же моя жена. - При этом он хватает ее за руку и тянет к себе.

- С тобой не пойду, я люблю Сеита, - говорит, чуть не плача, Рая. Но пришелец не отпускает ее руку. В это время наши с Раей руки разъединяются.

- Не отдам тебе, Раю! - кричу я и грозно встаю, но откуда-то появляются еще два парня, и каждый начинает

тянуть Раю к себе. При этом оба говорят, что Рая их жена. Я теряюсь, однако тут же трое мужчин отходят от нас и начинают ожесточенно лупить друг друга. Воспользовавшись этим, Рая мне шепчет, чтобы мы оба бежали отсюда. Так и делаем. Бежим по лесу, перепрыгиваем через старые пеньки. Но недолго. Споткнувшись оба падаем.

Тут я вздрогнул и проснулся. Еще несколько раз вздремнул, но всякий раз, чего-то испугавшись, нервно просыпался. Чувствуя, что больше не усну, встал. Когда я пришел на работу, вид у меня был такой, будто всю ночь тесал камни.

Вызвал редактор. Убедившись, что я не хвораю, решил послать меня в командировку, в дальний уголок республики. А я хотел узнать состояние Раи. Но не получилось, опоздал на рейсовый автобус. В командировке находился два дня. Возвратился в город разбитым, пропыленным. Даже не пошел в баню, решил почиститься у Раи. Она должна была работать во вторую смену. Но у меня находились ключи от ее квартиры. Отдохну с дороги, а к тому времени подойдет и она. Удивительно, когда я вошел в комнату, Рая полулежала на диване с газетой в руках.

- Где ты пропадал? - спросила она, крепко обнимая за шею.

- Был в командировке, - ответил я.

- Разве такая командировка бывает? Ты же не говорил, куда и зачем едешь. А мне какие только мысли не лезли в голову!

- Неожиданно послали, поэтому не мог сообщить, - оправдывался я. - А почему ты не на работе? -

- Я и сама не знаю. Да ведь работа - не Алитет, в горы не убежит, - с улыбкой ответила она, села за стол и предложила сесть рядом мне. - Не получается у меня с этой работой.

- А почему?

- Слишком тяжелая.

- А как же терпят другие?

- Наверно, привыкли, втянулись. Я же не могу. Поищу другую.

- Ты же работаешь без году неделю, и уходить так быстро как-то неудобно. Поработай хотя бы два-три месяца, потом посмотрим.

- Столько не могу, - призналась Рая. - Если ты меня действительно любишь, то найди более легкое место. У тебя много друзей и знакомых в городе. Ты же не хочешь, чтобы мне было трудно?

- Чтобы тебе было трудно? Пусть лучше мне будет плохо, - ответил я.

Я хотел, чтобы она трудилась на прежнем месте. Тогда ходил бы к ней на работу, помогал бы, поддерживал. Хотя поначалу трудно, постепенно можно втянуться. Если она начнет часто менять производства, то я боюсь, что опять попадет в сложную ситуацию. А этот коллектив, где она устроилась, очень слаженный, спаянный. Считается лучшим в городе.

- Давай поступим так, - предложил я. - С завтрашнего дня начну искать тебе новое место. А ты пока работай на старом.

- Ну, а когда найдешь?

- Не знаю, но уверен, найду...

- Спасибо, я знала, что ты так скажешь. Только дело в том, что я третий день не бываю на заводе. Могут уволить, - сообщила она. - Если бы могли у врачей достать бюллетень...

7

Я никогда и никого не обманывал, не искал легких путей. Если вдруг кто-то прочтет эти строки, то пусть не подумает, что я хвалю себя. Это заслуга моих родителей. Делать то, что предлагала Рая, было выше моих сил. Первые мысли были поругать ее, пристыдить. Но этого нельзя было допустить. Я поднялся. У меня был знако-

мый врач. Хорошо, если он работает во вторую смену. Надо его застать. Об этом сказал Рае и вышел на улицу.

Доктор сидел у себя в кабинете. Я без вступления попросил освобождение от работы одной девушке на три дня. Он удивленно посмотрел на меня. Но, увидев растерянность, смущение на моем лице, ничего не сказал. По-видимому, понял, что меня привело сюда безвыходное положение. Только спросил, каким числом. Я сказал - задним. Он покачал головой. Но бюллетень оформил. Я поблагодарил его. Бумажка, которая лежала у меня в кармане, казалась раскаленным металлом, обжигала тело. Стараясь выглядеть веселым, я принес бюллетень Рае.

- Я думала, ты ничего не нашел, так быстро возвратился, - легко защебетала она, как будто ее судьба не висела на тонком волоске. - И подумала, с тобой вообще нельзя спорить, - добавила она.

- Это как понять?

- Ты хоть говоришь правду или неправду, заставляешь человека верить... Наверное, устал с дороги, на лице пыль, сам грязный. Я приготовила ванну. Умойся, поешь и отдохни. Не считай за труд, все это сделай сам. Сегодня я сама не своя. Голова трещит. Я сейчас же лягу в постель.

- Ты умница, - похвалил я. У меня немного прошла злость. Пока я умывался, пробовал пищу, приготовленную Раей, прошло немало времени. Но когда я вышел к ней, она лежала с раскрытыми глазами.

- Я очень соскучилась по тебе. Не могу уснуть, пока не ляжешь рядом, - улыбнулась Рая.

Я тоже был усталый, и ее слова пришлись мне по душе. Потушив свет, лег в постель. Мы оба хотели быстро уснуть, но три дня, проведенные в разлуке, давали о себе знать. Нашлось много слов, и сон ушел прочь.

На другой день после обеда я отпросился и зашел к Рае. Хотел ее провести до ворот завода, боялся, что не пойдет на работу.

- На заводской стороне у меня живет друг, хотел навестить его, - сказал я Рае. - Пройдемся вместе.

Она была готова и с радостью пошла со мной. Когда я возвратился на свою работу, на скамейке возле редакции сидела женщина. Увидев меня, она встала с места и направилась навстречу. Я узнал в ней Риту.

- Что ты здесь делаешь? - спросил я с тревогой.

- Жду тебя, - ответила она.

- Я слушаю.

- Опять с Раей встречаешься?

- Да, ну и что?

- Как что? Если не можешь держать в руках эту протитутку, то не смейся людей, - сказала она с нескрываемой злостью.

- Что ты мелешь?

- Пусть не разбивает мою семью. Люди видели, как она несколько раз встречалась с Володей.

- Может, случайно на улице встретились? - предположил я.

- Если бы я не убедилась в этом, к тебе бы не пришла.

- Я не верю сплетням женщин! - заявил я и, не прощавшись, направился в редакцию. Женщины обычно не любят тех, кто красивее их. Стараются навязать что-нибудь плохое, распускают нехорошие слухи. Если оставят их любимые или мужья, то обязательно думают, что их бросают по вине красивых женщин. Рассказ Риты я понял примерно так.

Поскольку Рая работала на заводе вечером, я всегда вовремя бывал дома, чему была очень рада Мироновна. Хотя она открыто не спрашивала, я чувствовал, Мироновна думала, что я с Раей встречаюсь. Рая к нам заходила раза два. Интересно то, что с первых дней Мироновна невзлюбила ее. Она была недовольна не только тем, что я встречаюсь с Раей, но хотела даже, чтобы Рая не жила в этом городе. Старушка была человеком с открытой душой, приветливой. Всех она любила, и все уважа-

ли ее. Почему же она в отношениях с Раей вела себя так странно?

После долгих размышлений я пришел к выводу, что тут имеются две причины. Первая: в первый раз, когда увидела Раю, Мироновне в ней что-то не понравилось, и это продолжается до сих пор. Вторая: по-моему, она думает, что кроме нее и моей собственной матери, никто не имеет права любить меня. А тут появилась Рая. Может быть и третий вариант. Она привыкла в свободное от моей работы время видеть меня возле себя. С тех пор, как познакомился с Раей, я обычно приходил домой поздно или совсем не приходил. Но как бы там ни было, я уверен, она хотела видеть меня примерным для всех парней. Однако мне не нравилось, что с Раей она вела себя не совсем тактично.

Прошло два дня. За это время мы несколько раз разговаривали с Раей по телефону, но не встречались. В пятницу на час раньше обеденного перерыва я вышел из редакции. До того начал скучать по Рае, что даже не мог подождать до вечера, и направился к ней. Я решил своим ключом потихоньку открыть дверь и, неожиданно появившись, обрадовать ее. Но связки ключей в кармане не оказалось. Торопясь скорее увидеть любимую, я забыл ключи в кабинете. Пришлось нажать на кнопку звонка. Никто не открыл. Сперва я подумал, что хозяйки нет в комнате. Но тут пришлось разубедиться - в замочной скважине виднелся ключ, который был вставлен изнутри. По-видимому, она спала. Я несколько раз нажал на кнопку. И наконец услышал шаги Раи. Сердце забилось быстро-быстро, и я невольно подался к двери. Секунда, которая прошла, пока не повернулся ключ, мне показалась вечностью. Рая открыла двери. Она была в халате. Я ожидал, что она бросится на шею, и приготовился обнять ее. Но она, когда увидела меня, отшатнулась. И ее лицо побледнело, как белая бумага. Я никогда не видел, чтобы так растерялся человек. Однако я сперва не обратил на это внимания. Видя, что

она не торопится броситься ко мне на шею, этот радостный, волнующий миг решил отодвинуть, пока не войду в комнату. И, как всегда, смело шагнул к порогу.

- Подожди минуточку, - остановила меня хозяйка и перед моим носом закрыла двери. Тут же повернула ключ.

Я что-то хотел сказать ей, пока она не исчезла, но не успел. И стоял с открытым ртом. Я не знал, что делать. Почему-то разозлился на букет цветов, который держал, и бросил его на цементный пол лестничной площадки. Потом встал на него ногами и, прислонившись к проему двери, отрешенно закрыл глаза. Я от души проклинал этот дом, и эту квартиру, и Раю, и этот квартал города. Нужно было немедленно уходить и больше не возвращаться. Но надо взглянуть, что происходит внутри. Я не сомневался, что в комнате кто-то есть, скорее всего - мужчина. Но кто? Этот вопрос требовал незамедлительного ответа. В те тревожные, горькие минуты как я не совершил какую-нибудь глупость и как не сошел с ума, до сих пор не пойму. По-видимому, как говорит Азрет, у меня были стальные нервы. Как бы там ни было, и сердце, и голова работали уверенно и четко. Уже вскоре чувствовал себя так, словно и не попадал в такое глупое положение, а попал кто-то другой, и я наблюдаю издали...

Я стоял, прислонившись к проему, а жильцы дома проходили мимо меня. Мне неприятны их любопытные взгляды, но я твердо решил дожждаться. И через несколько минут дверь открылась. Рая вышла на площадку. Я понял, что она хочет о чем-то переговорить со мною и тут же выпроводить. Но нет, такой номер не пройдет. Отстранив Раю со своего пути, я вошел в коридор. Она тоже последовала за мной. Осмотрев комнату, кухню, никого не обнаружил. А хозяйка ходила за мной, как моя собственная тень, спрашивая, что со мной, почему так сердит? Но я не отвечал. Я опять вышел в коридор, где были двери ванной и туалета. Мне захотелось их обсле-

довать. Открыл ванную - никого не было. Чувствуя, что сейчас открою и туалет, Рая опередила меня и встала возле двери. Я грубо оттолкнул ее и взялся за ручку двери. Она была закрыта изнутри. Сильно рванул на себя, видать, сорвал запор, и дверь распахнулась. За нею стоял Володя.

- Ради Бога, прости! Я свинья, я осел... Прости... - Он выбежал из квартиры и последние слова уже произнес за порогом.

У меня начала кружиться голова, глаза затуманились. Я почувствовал, что вот-вот упаду, и спиной прислонился к стене коридора. Когда пришел в себя и открыл глаза, я стоял уже в комнате. По-видимому, меня завела туда Рая. А сейчас она, крепко обняв меня, плакала. Я только теперь понял все, что со мной приключилось. Ведь она несколько минут назад обнимала другого, а сейчас меня... От этой мысли дрожь пошла по моему телу. Я резко оторвал ее от себя и левой рукой ударил по щеке. Она отшатнулась, но тут же, рыдая, произнося слова прощения, шагнула ко мне, намереваясь обнять. Все это взбесило меня, и я опять ударил ее. На этот раз правой рукой и чуть сильнее. Она, как подкошенная, упала на пол. Первая мысль была, скорее покинуть эту проклятую квартиру и Раю, которая в этот момент оказалась мне хуже змеи. Когда я сделал шаг к двери, лежащая на полу Рая обхватила мои ноги руками.

- Хочешь, бей, хочешь, убей, только не покидай меня...

- Отпусти! - бешено заорал я на нее и членораздельно произнес: - Прости-тутка...

- Пусть даже так, мне легче умереть, чем потерять тебя... - И она еще сильнее прижала мои ноги к своей груди. Я не мог их освободить. Можно было нагнуться и руками помочь, но не хотел прикасаться к ней. Вместе с этим чувствовал во всем теле странную усталость и не мог освободить ноги, пока она сама не отпустила их. Я упал на стул, который стоял рядом. Рая встала на колени и, положив лицо на мои колени, еще громче заплакала.

- Хватит реветь! Перестань сейчас же! - приказал я. С малых лет я плохо переносил слезы. - Ты не способна так сильно переживать, иначе не поступила бы так подло...

- Прости, очень прошу, прости-и... не бросай меня...

- Нет, это не прощается. - Я уже пришел в себя. Не кричал на нее, а говорил, обдумывая каждое слово. - Да, не прощается.

- Я тебя люблю... Люблю больше жизни, понимаешь?

- Все это пустые слова. Да и как ты смеешь произносить, расстрига, слово «любовь» после такого коварного предательства?! У таких, как ты, любви не бывает, у них только суррогат любви.

- Ну, ладно, говорю, убей...

- Встань, садись на стул, - перебил ее я.

- Нет, не встану, пока ты не ответишь.

- Так какой же ответ ты ждешь? Ведь ты сама ответила на все вопросы.

- В этот раз... - дальше она не нашла, что сказать, и впервые посмотрела в лицо глазами, полными слез. В них отразились раскаяние, покорность, откровенное горе и переживание. Я понял, что она этот поступок совершила просто так, как бы неумышленно, по старой привычке. Я уверен, что Рая и особенного значения этому не придавала. Может быть, и такой реакции с моей стороны не ожидала, так как в том кругу, где она раньше вращалась, такие поступки были чуть ли ни в порядке вещей. Поэтому и девушки, и ребята за измену так сильно не переживали. Отсюда вывод: она впервые попала в такое тяжелое положение. По ее глазам, по тому, как она себя вела, я понял, что этого больше никогда не повторится. Но от этого мало радости. Ведь она уже растоптала мою любовь, да и меня самого. Такие случаи у нас в горах единичны. Раньше за это убивали людей или, посадив на осла, возили по аулам. Я хоть и человек двадцатого века, но считаю, что за такой поступок можно применять любую кару, ведь измена женщины - это самая большая

обида и оскорбление горца. Так как же мне ее простить? А как быть с ее перевоспитанием? Однако слезы Раи не на шутку действовали на мои нервы и жалость, откуда-то предательски появившуюся в моей твердой душе. Нужно было побыстрее уходить и все крепко обдумать.

- Рая, мы взрослые люди, - сказал я. - Факт свершился, и от этого никуда не денешься. В дальнейшем между нами ничего не может быть. Забудь о моем существовании. - Я встал. Она тоже поднялась и склонила голову на мою грудь.

- Я без тебя не могу жить, - тихо прошептала она, с трудом сдерживая рыдания.

В каком-то уголке моего сердца стало появляться сострадание к этой несчастной женщине. Какое бы преступление ни совершил, любимому человеку должны делать какие-то уступки.

Жалость к ней, потеря своей собственной любви - все это вместе начало терзать меня. Выхода из создавшегося положения пока не находилось. В моих глазах невольное тоже появились слезы.

- Ладно, - сказал я, как можно мягче, - ты подумай о своем поступке, проанализируй. Дай мне тоже прийти в себя после такого безжалостного удара. А потом поговорим...

- Так дай слово, что зайдешь...

- Нет, такого слова дать не могу. Пойми, как можно прийти в комнату, где остались отпечатки ног чужого человека... - Я остановился, не зная, что говорить дальше. - Мы оба опаздываем на работу. Встретимся где-нибудь и поговорим...

После этих слов я выбежал из комнаты.

* * *

Не помню, от кого и где слышал, что алкоголь помогает в горе, и когда его употребляешь, то проходят грусть,

печаль и прочие недуги. Когда эта мысль пришла ко мне в голову, я сразу же изменил маршрут. На работу я не пошел, а завернул в другой переулок, где находилась «Минутка». Там продавали вино, водку. Было и несколько столиков для тех, кто хотел выпить тут же и брал на разлив. Я ни разу не был в «Минутке». Между прочим, кого видели здесь два-три раза, того уже считали пьяницей. «Зайдешь на минутку, выйдешь через сутки», - шутили в городе. Действительно оттуда многие попадали в медвытрезвитель. Короче говоря, это заведение не пользовалось авторитетом. Но сегодня я не думал обо всем этом. Когда зашел в помещение, там было четверо клиентов. Трое сидели за столом в дальнем углу. Они были изрядно выпивши и громко разговаривали. Рядом, у входа, сидел четвертый и пил вино. К нему я и подсел с бутылкой сухого вина. Один за другим выпил два стакана, но не почувствовал ни хмель, ни запах, ни вкус. По-видимому, от этого толку не будет, подумал я и взял еще какого-то вина. Выпил стакан. И только теперь заметил пристальный взгляд сидящего напротив меня.

- Будь прокляты эти стервы! - выплеснул он заплетаящимся языком. - До чего они нас, мужчин, довели! Вижу, что тебя тоже, как и меня, бросила жена?

Я не ответил, но вылил ему в стакан остатки вина и вышел из «Минутки». Услышал доносящийся из парка небольшой шум и направился туда. Там в основном бывали дети и пенсионеры. Вот и сейчас их было немало. Я сел на свободную скамейку. Закурил. Очевидно, вино еще не начало действовать, и голова работала четко.

Часто по аллеям проходили женщины, и я с презрением смотрел на них. Еще бы, ведь все они казались мне обманщицами, неверными, подлыми. Да как же мне думать иначе после всего... От волнения, переживания я вспотел, хотя и сидел в тени деревьев. Однако и вино вроде начало делать свое дело. Голова слегка кружилась, но только что пережитое горе все еще цепко держало меня в своих крепких лапах. Может, опьянение не дош-

до до кульминационного момента, когда я забуду то, что было? Может быть, эта радость впереди? А что, если я обманулся и вино ничем не поможет? Ну, черт с ним, что будет, посмотрим, а сейчас я в трезвом уме, и мне приходится думать. Да, оказывается, любовь - трудная и сильная штука. Не знал я, что человек может на все смотреть равнодушно, даже с ненавистью, и все из-за нее. Мне кажется, что отпущенная мне природой любовь кончилась. По-видимому, я расстался с нею навсегда. Даже если когда-нибудь и найдет меня, то я не должен поддаваться ее соблазну. Раз забыть, больше не любить женщин, не верить им - это моя клятва. Сiju долго, вот уже наступает вечер, но я почти что трезвый. По-видимому, когда горе слишком большое, то и алкоголь не помогает. Глубоко вздохнув, я встал и зашагал домой.

На другой день решил не выходить в город. Взял какую-то книгу и в маленьком садике Мироновны сел на траву и попытался сосредоточиться. Но это мне не удалось. Мысли мои были далеки от книги. Вдруг в ворота постучали. Я вышел. Там стояла Рая. Я даже не успел опомниться, как она обняла меня. Прохожие удивленно смотрели на нас. Но ей было все нипочем - она просто была сильно пьяна. Мироновна находилась в комнате. Если она увидит, не знаю, что с нами сделает. Какие только ласковые слова я ни говорил Рае, чтобы увести ее подалее. Во что бы то ни стало, ее нужно было проводить домой. Но как? Она еле стояла на ногах. А расстояние-то порядочное - чуть ли ни с одного конца города до другого. Я решил взять ее под руку. Многие ребята и девушки так ходят. Может, никто не заметит, что она пьяна и что я поддерживаю ее. А если увидит кто-нибудь из наших сотрудников? От этой мысли волосы на голове встали дыбом. Однако другого выхода не было. Я взял ее под руку, и мы зашагали. Боясь, что она опять начнет обнимать или совершит какую-нибудь глупость, я ей всю дорогу объяснялся в любви, хвалил ее, высказывал все лас-

ковые и приятные слова, которые имелись в моем лексиконе.

Кое-как мы добрались до ее квартиры. Я уложил Раю в постель. Она сразу же уснула. Я посидел возле нее полчаса. Было, над чем подумать. Черт возьми, с таким же успехом в один прекрасный день она может зайти в редакцию. Тогда хоть вешайся. Да мало ли где пьяный человек может опозорить. Неужели ее невозможно исправить? Надо было принять какие-то экстренные меры. Я оставил ей записку с просьбой, чтобы она завтра вечером пришла к кинотеатру, и вышел, закрыв на замок дверь.

Говорят, когда кому-нибудь расскажешь, что угнетает твою душу, то становится легче. Поэтому я тоже решил опять открыться Азрету и еще раз посоветоваться с ним, хотя и знал, что он меня поругает за то, что еще не бросил ее. Но его не нашел. Возможно, он был в «подполье», как сам говорил, когда исчезал в выходные дни. Это означало, что он день-два веселился в какой-то компании или уехал куда-нибудь с женщиной. Но я не хочу клеветать на своего друга. Он редко стремится к мимолетным знакомствам. Но женщины сами находят его. Однако я отвлекся.

Итак, я опять один со своими мыслями. Хотя вчера и оставил записку Рае, но будь, что будет, не пойду на встречу с нею. Вообще надо кончать эту комедию.

Конечно, любовь очень быстро входит в сердце человека, но уходит медленно. Ведь нелегко забыть Раю. Несмотря ни на что, я ее до сих пор люблю. Но в дальнейшем ни одному ее слову не буду верить, хотя один буду в ее комнате, все равно буду думать, что под кроватью скрывается любовник. Коли так, то нечего и мечтать о совместной жизни. Даже если и будем просто так встречаться, и то больше будет переживаний, чем радостей. Значит, сразу нужно рубить с плеча. Ладно, я буду гонимый месяц, ну год, ну два, но в конце концов забуду, по крайней мере не буду так сильно переживать и изво-

даться. А что я сделал, чтобы перевоспитать ее? Собственно говоря - ничего. Значит, виноват и я...

Думая так, я долго бродил по городу. Сам не заметил, как очутился возле кинотеатра. Рая ждала меня. На ней было черное шелковое платье, которое особенно выделяло ее прекрасную фигуру. На голове повязана черная косынка, которую я раньше не видел. Наверное, она в эти дни много плакала, глаза были опухшие и воспаленные. Все это я заметил в один миг. Она стояла, опустив голову, будто виноватый ребенок. По-видимому, ей было совестно поднять ее и посмотреть мне в глаза.

- Видать, ты надела траурный наряд по моей умершей любви, - сказал я ей вместо приветствия. - Давай отойдем. - Я, резко повернувшись, зашагал в сторону детского парка.

Пока я шел, ни разу не оглянулся назад. Я не знаю, куда она смотрела, но сам смотрел под ноги, словно боялся, что впереди - пропасть. Между прочим, был бы рад, если бы оказалась пропасть. О чем я буду с ней говорить? Тут вдруг вспомнил строки из стихотворения А. С. Пушкина: «Расставанье нам было трудно, встреча будет еще трудней». В это время Рая догнала меня и взяла под руку. Я с неприязнью вырвал свою руку с такой быстротой, как будто что-то вонзили в нее острое. При этом посмотрел ей в лицо. По побелевшим за последние дни щекам Раи текли слезы.

- Куда ты дела косынку? - почему-то спросил я.

- После твоих слов я ее бросила в лужу, - ответила она. - Любовь наша еще не умерла и никогда не умрет.

Я ничего не ответил. Мы вошли в парк. Сели на скамейку. Как будто сочувствуя мне, тучи окутали небо. Мы сидим и молчим. Она беспрерывно плачет, я беспрерывно курю. Но мы пришли сюда не сидеть вот так. Кто-то должен начать разговор, и я его начал.

- Перестань плакать, черт возьми, - разозлился я. - Не верю твоим слезам и в дальнейшем никогда не поверю.

- Я сделаю так, чтобы ты поверил мне, - уверенно

произнесла она. - Очень прошу тебя, прости в этот раз, в последний раз...

- Такие вещи не прощаются...

- И все же прости. Я всю жизнь буду просить прощения и не сделаю шага без твоего разрешения.

- Скажи мне откровенно, как ты могла так поступить? - спросил я после минутного молчания.

- Клянусь, чем хочешь, но не могу ответить на твой вопрос. Сама не знаю, как и почему...

- Может быть, я надоел?

- Ты мне никогда не надоешь...

- Ведь Володя неплохой парень, любит тебя. Лучше выходи за него замуж и оставь меня в покое.

- Он мне совершенно не нужен, а нужен лишь ты. Я только тебя люблю, - утверждала она и, снова рыдая, положила голову мне на плечо. Я, называя вещи своими именами, выложил все, что думал о ней. Она не защищалась, не оправдывалась, только просила прощения...

Начало моросить. Вскоре все, кто был в парке, ушли. Остались мы вдвоем. Когда почувствовали, что скоро промокнем, пересели на другую скамейку под большим деревом. Она снова положила мокрую голову на мое плечо. Я не отодвинулся. Кажется, такая близость даже была приятна. И я опять понял, что люблю Раю, как и прежде. Однако...

- Если даже я прощу этот поступок, но есть много вещей, которые не дадут нам дружить, как раньше, - сказал я ей. - Как Володя зашел в твою квартиру, может, вы вместе зашли, я не знаю. Несомненно, видели соседи или же еще кто-нибудь из тех, кто был во дворе. Если теперь они увидят, как я захожу, что они скажут? В городе ходить вместе нам также нельзя. Ведь твой Володя покажет нас своим друзьям, и все они будут смеяться надо мною. Я ведь тоже не из последнего десятка.

- Я еще раз повторяю, что ты во всем прав, - перебила меня Рая, этим самым как бы выбивая из-под меня прочную опору своей правоты. - Но тебе больше не

придется краснеть из-за меня. С тех пор, как мы начали встречаться, я во многом изменилась. Раньше пачки сигарет мне не хватало на сутки. Теперь я совсем не курю. Любила и выпивать. И это зло, считай, бросила. Вчера я пила потому, что иначе не хватило бы смелости прийти к тебе.

- Хорошо. Но что ты советуешь мне делать?

- Если потеряю тебя, то опять вернусь к прежней жизни. - Она вытерла глаза. В это время дождь прекратился, как бы давая сигнал, что пора прекращать все обиды и споры. Тучи тоже куда-то уплыли. Хотя солнце и давно скрылось, но стало светлее. Подул свежий ветерок, как будто принесся душевное обновление. Качаясь от этого, омытые деревья сбрасывали последние капельки дождя. Рая часто смотрела на меня, ожидая ответа. А я, не зная, что ответить этой несчастной женщине, упорно молчал. Мы вышли из парка. Недалеко была автобусная остановка. Мы пошли туда.

- Я хоть и не совсем верю тебе, но мне кажется, что ты уже поняла, насколько некрасиво поступила со мной, - заявил я, вроде бы начав отступать. - Теперь дай мне тоже подумать. Ты завтра утром пойдешь в первую смену. После обеда позвони мне... - В это время подошел автобус. Не обращая внимания на толпившихся на остановке людей, она обняла меня и смачно поцеловала в щеку. И я не успел опомниться, как она рыбкой нырнула в автобус.

Я простоял еще несколько минут. Потом направился домой. До этого у меня было много мыслей в голове. И я чувствовал, как они давят на меня, не давая поднять головы. Устремив свой взгляд на тротуар, как будто боясь споткнуться, я шагал не торопко. Вдруг сердце тревожно забилося, что-то предчувствуя. Я резко вскинул голову. Навстречу шел Володя. Наверное, у него тоже были какие-то мысли в голове, и он не заметил меня, пока не подошел близко. Собственно говоря, я его не считал своим врагом. Если подумать, он тут ни при чем. Виновата

Рая. Володя мне не родственник, не друг, чтобы беречь мою честь. Так что я решил пройти мимо, как будто не знаю его. Но, по-видимому, он смотрел на эти вещи с другой точки зрения. Почему-то Володя резко завернул во двор какого-то дома и исчез. «Еще не совсем потерял совесть», - подумал я.

8

Молодость - пора дружбы и любви. Видимо, люди так созданы, что именно в это время девушки и парни встречаются друг с другом, чтобы поговорить, рассказать о своих планах, ходить в кино и на танцы. Некоторые из них любят друг друга по-настоящему, становясь на всю жизнь неразлучными спутниками. Другие же из них становятся друзьями, в трудное время помогают друг другу. Все эти парни и девушки, в основном выросшие в одном ауле, городе. Эти строки я пишу не потому, что они новы. Нет, все, что я говорю сейчас, известно людям, притом очень давно. Но только я одного не могу понять. Прежде, чем начать разговор про то, что я не понимаю, хочу еще раз напомнить вам. Парни и девушки, даже граждане средних лет, которые успели развестись по одному разу (среди них есть такие, которых я хорошо знаю), встретившись друг с другом, боятся, как бы их не увидели люди, и уходят в закоулки, безлюдные места. По слуху, который ходит, можно понять, что они бы этого не делали, если бы люди не распространяли о них сплетни, недобрую молву. Видимо, есть и другие причины, чтобы они прятались от людей, словно что-то украли. Тех парней и девушек, которые, оказавшись одни в безлюдном месте, целуются, ничуть не брезгуя, а при людях даже боятся встречаться, я не совсем понимаю. Я никогда не стесняюсь проходить по дороге с девушками, которые учились со мной. Не боялся открыто встречаться и с Раей.

Сегодня, когда я повел Раю в безлюдное место, она удивилась и посмотрела на меня. Молчала, ни о чем не

спрашивала. На окраине города горели редкие огоньки. Возле неизвестного дома мы остановились и присели на скамеечку. Мне было тяжело, грустно, но я не подавал ей виду. Старался выглядеть веселым. А она радовалась, думая, что все пошло на лад. Мы говорили обо всем много и долго. Но никак не могли завести разговор о наших с ней отношениях. Начать этот разговор тяжело было и ей, и мне. Будь моя воля, я бы об этом никогда не вспомнил, чтобы не расстраивать душу. Ночью, около десяти часов, боясь, что меня могут увидеть люди, прячась за деревьями, я проводил Раю домой.

Не подходя близко ко двору, я хотел уже вернуться, но у меня не получилось. Не отпуская мою руку, она завела меня во двор. Когда я вошел туда, то, боясь, что меня могут увидеть люди, нырнул в подъезд. Раньше, когда мне случалось близко подходить к этому дому, то казалось, что этот дом самый красивый и приятный на свете. Но сейчас, после того, как я перешагнул порог этого злощастного дома, почувствовал себя словно в тюрьме. Мне казалось, что на меня со всех сторон смотрят злые змеи. Меня бросило в дрожь. Я был как в тисках. Мне почему-то казалось, что Рая заметила мою тревогу и боль, и в ее глазах появилась грусть. Я пытался ни о чем не думать, но не мог.

Немного погодя, она вскипятила кофе и поставила на стол. Мы выпили кофе, а когда закончили разговор о делах, работе, то было уже около двенадцати часов. Эти дни у меня были очень тяжелыми. Я не отдыхал и не спал. Выглядел очень усталым. Автобусы уже не ходили, а идти пешком на окраину города мне, усталому, не так-то легко. За то, что я зашел в дом, что не ушел вовремя, я долго ругал себя. И не знал, что делать.

- Мне утром рано на работу, а ты, как вижу, очень устал, - сказала мне Рая. Я ничего не ответил. Но она уже постелила постель и потушила свет. Когда догадалась, что я не собираюсь ложиться, она заплакала. - Моя жизнь, не как у всех, чиста, - сказала она. - Живи и про-

клинаю каждый свой день. А когда спросят - почему? - не могу ответить на этот вопрос. Мне надоело жить. Я устала от всего. А в последнее время хочется наложить на себя руки. Я ненавижу себя. Я бы покончила с собой, но из-за тебя не могу этого сделать. Ты останавливаешь меня от самоубийства. Когда представляю, что после смерти я не смогу видеть тебя, то... - Она больше не вымолвила ни слова, рыдая, не раздеваясь, упала на кровать.

Я разделся и лег. Подушка была мокрой от ее слез. Я перевернул ее на обратную сторону и положил под голову. Рая немного успокоилась, обняла меня рукой и умолкла, словно боясь меня разбудить. Я не спал. Мои мысли кружились, как грозный рой. Вдруг я представил, что подушка, которая лежит под моей головой, недавно была и под Володиной головой. Какая-то боль, непонятная грусть охватила мое сердце. Я вскочил с постели, словно в мое тело воткнулись иглы. Рая тоже села.

- Я прошу тебя, не мучай меня. Если я не пожалела тебя, то хоть ты пожалей меня. Ведь ты же мужчина, ты сильный, - тихо выговорила она сквозь слезы.

- Я очень хотел бы все позабыть, но не могу. - Я сел на стул и закурил. - Прости меня, Рая, что я тебя расстраиваю. Первый раз в моей жизни было такое. Я не могу забыть, а ночевать тем более не могу. - Я начал одеваться, собираясь уходить.

- Когда ты будешь дома?

- Я домой не поеду. Останусь у кого-нибудь из ребят.

На этот раз Рая меня быстро поняла и начала тоже надевать свои туфли.

- Зачем ты одеваешься? - спросил я.

- Поеду с тобой.

- Нельзя этого делать...

- Нет, можно! Здесь, в этом районе, у тебя нет знакомых, друзей. Я сомневаюсь, что ты благополучно доберешься до дому. До рассвета ты будешь ходить по улице или просидишь где-нибудь.

- Ты не беспокойся за меня, лучше отдохни. Тебе ведь утром идти на работу.

- Не беда, если одну ночь останусь без сна. В городе так много хулиганов, я боюсь тебя одного отпускать.

- Ну, конечно, если ты будешь со мною рядом, то никто не посмеет ко мне подойти, - сказал я Рае. Мы вышли из дому. Было тепло и тихо. Двигались молча и медленно. Дойдя до скамеечки, стоявшей под густыми ветками дерева, мы сели.

Наступило утро, люди начали спешить на работу. Рая встала и ушла домой, чтобы переодеться и уехать на завод. Я медленно направился в сторону парка. Мне очень хотелось спать. Глаза закрывались сами. В парке было небольшое озерко. Я хотел искупаться, чтобы прогнать сон. Затем я завернул в кафе, чтобы выпить бутылку кефира. Когда я шагал по дороге в сторону редакции, меня встретила жена Володи. Я не знаю, может быть, она и ждала меня, но я, сделав вид, что не заметил ее, хотел пройти мимо. Однако та остановила меня.

- Володя ушел от меня, - почему-то призналась она.

- А я при чем?

- Он говорит, что если не женится на Рае, то убьет себя...

- Не только он, если даже и ты себя убьешь, я ничего не имею против, - вымолвил я, оставив ее посередине дороги, и ушел. В коридоре, где обычно вывешивали объявления, я прочитал, что сегодня состоится собрание, и зашел в кабинет. Сидел один Азрет и что-то писал. Не отвечая на мое приветствие, он спросил:

- Почему у тебя глаза красные, словно у бешеной собаки, или в сортир хочешь? И вид у тебя, будто с того света сбежал.

- Оставь меня в покое, лучше займись своим делом...

- Как же я могу оставить тебя в покое, ведь твоя жизнь нужна народу, а я его представитель, и вот от имени его говорю...

- Что может быть общего между тобой, повесой, и народом?

- Что за глупости, слушай? Я же ведь сын народа, человек..

- Какой ты человек? Шайтан ты, а не человек. Ты же ведь...

- Спасибо за мягкую затычку. Но от тебя остался один скелет. Если в ближайшее время не отправят на курорт, когда дунет ветерок, ты можешь упасть и не подняться. Как червяк, поползешь. И все из-за этой проклятой дуры. Надо меньше в голопузика играть.

- Ты все сказал?

- Нет, я еще не сюсюкнул, что тебя вызывает редактор.

- Что он хочет?

- Разве ты не знаешь, зачем вызывают начальники? На профилактику, чтобы была броня крепка и танки наши быстры. - Азрет еще что-то добавил мне вслед, но я не расслышал.

Я зашел к редактору. Он протянул сданную мною вчера статью и сказал:

- Переделай заново. Нельзя писать серьезные вещи левой ногой. В таком виде не пропускаем незрелые статьи.

Я взял статью и вышел недовольным, хотя винить было некого. То я не спал целую ночь, когда у меня было плачевное положение, когда мне было тяжело, то встреча с этой женщиной, то с Володей. А сейчас грозный редактор возвратил мою статью. Мне стало не по себе. Я понял, что не только не смогу переделать серьезный материал, но даже не смогу написать элементарную информацию. Но я не мог сидеть без дела и сложа руки. Мне стало стыдно от товарищей, решил просмотреть письма, пришедшие сегодня. Я не знал, как закончится для меня сегодняшний день, но его начало ничего хорошего не обещало.

Собрание, как всегда, началось вовремя. Крикуны-лизоблюды сидели на своих местах. На нем шла речь о

напечатанных статьях и материалах. Доклад сделал сам редактор. Говоря о недостатках, он дошел и до меня.

- В последнее время, - сообщил он, - Сеит очень холодно относится к работе. Из-за слабости, из-за незрелости мы недавно возвратили ему два материала. Сегодня я тоже ему вернул один, чтобы переделал заново. Мы все помним его фельетоны, статьи, очерки. Они шли в номер без единой поправки. А теперь? Что же с ним происходит? Или, когда он уже стал заведомом, решил: все, что он напишет быстрой, зрелой рукой, не требует доработки? Уже прошло около месяца, а этот отдел еще ни одной настоящей статьи не написал, за которую можно было похвалить.

Он еще немного говорил обо мне и закончил свою речь. Я думал, что обо мне больше не будут говорить, но вдруг сотрудник промышленного отдела Магамет встал и заявил:

- Я ничуть не удивляюсь, что в этом отделе дела идут плохо. Вы можете спросить - почему? Отвечу. Заведующий отделом ведет себя не так, как полагается журналисту. Если точнее, он позорит нас. Приведу пример. Недавно он до того напился, что еле держался на ногах, и проходящие люди смеялись ему вслед. А однажды он шел, обнявшись с какой-то, как и он сам, пьяной женщиной. Он даже меня не заметил, когда прошел мимо. Все это, конечно, печально, бросает тень на наш светлый коллектив.

Все были ошарашены словами Магамета. Они смотрели на меня, словно спрашивая: "Неужели это все верно?" Больше никто не выступил. И я молчал от смущения, от стыда не было сил поднять головы. Председателем собрания, к счастью, был Азрет. Он, словно пользуясь своими правами, ни у кого не спрашивая, встал и пошел к маленькой трибуне.

- Магамет, - заявил он, - мы знаем, что ты иногда говоришь необдуманно, но я не думал, что ты способен так

облить человека грязью. Если бы ты сказал, что Абдул шел пьяный, или же Азрет шел, обнявшись среди белого дня с женщиной, то люди могли бы поверить. Но Сеит из другой категории ценностей.

- Ты защищаешь своего шефа, - с места подал голос Магамет. (Азрет тогда работал в моем отделе.)

- Нет, - ответил Азрет. - Все, что ты говоришь, происходило при мне и было совсем по-другому. В тот день, когда Сеит шел "пьяным", ко мне приезжал мой земляк, и мы все трое сидели у нас и пили пиво. Тут я не могу скрыть от высокого собрания, кроме Сеита, мы опрокинули по одной стопочке водки. Всем известно, что водку он не пьет. Если можно опьянеть от одного пива, то Магамет прав. Но мы же не из промотдела. А день, когда он нес женщину на себе, то в субботу мы пошли прогуляться по свежему воздуху и увидели женщину. Она стояла, прислонившись спиной к столбу. Рукой держалась за сердце. Увидев ее бледное лицо, нам стало тревожно за нее. Мы подошли и спросили, что с ней случилось. Она сказала, что у нее плохо с сердцем. "Может, вам "скорую" вызвать?" - спросили мы. Но она отказалась. Однако попросила, если у нас есть время, проводить ее до дому. В этот день у меня были неотложные дела, и женщину проводил интеллигент Сеит...

В конце своего эпохального выступления Азрет признался, что я в последнее время чувствую себя плохо, хотя не подаю виду, и незрелость моих материалов происходит лишь из-за этого. Я был очень удивлен сказкой Анархиста и на некоторое время растерялся. Но когда он закончил речь, я поднял руку, чтобы сказать несколько слов, но Азрет запротестовал.

- Не надо тебе выступать. Видимо, ты и сегодня "пьяный", можешь все перепутать, - сказал он и резко махнул мне рукой, чтобы я сел. Азрет и здесь добился своего. Сидящие в зале засмеялись, и из общего шума до меня донесся голос: "Сегодня мы о тебе слишком много гово-

рили. Хватит, ты и этого не заслуживаешь, несчастный пьяница, не будем зря терять время”.

9

Природой еще не создан человек, чтобы в его характере, в работе не было недостатков. Кроме тех, кто находится в сумасшедшем доме, я разделял бы людей на две группы. К первой группе я бы отнес людей, уважаемых народом за их доброту, за их знания, преданность делу до конца своей жизни. А ко второй отнес бы тех людей, которые не ценят все дорогое, живут только сегодняшним днем, не думая о завтрашнем. Эти люди плывут по течению, гнутся туда, куда тянет ветерок.

С тех пор миновало несколько месяцев, как я знаю Раю. Я ее не могу приписать ни к первой, ни ко второй группе. Между первой и Раей нет ничего общего. Об этом и речи не может быть. Она далека от них. Не могу отнести ее и ко второй группе. И вот эта неопределенность меня мучает. Зная поведение, характер, все-таки можно было бы отнести ее ко второй группе и поставить точку. Но иногда она неожиданно скажет такое, что ее мысли, как лавина, сорвавшаяся с огромной высоты, разрушают все мои убеждения. В них есть какая-то наивность, непонятные мне намеки или детали.

- Знаешь, - сказала она мне однажды. - В Беш-Тау жила одна семья. Муж и жена вместе прожили десять лет. Я удивляюсь, как можно столько лет жить и не надоесть друг другу!

В тот день я прочитал небольшую лекцию, хотя и не был уверен, что ее смысл дойдет до этой женщины. И так в последнее время я очень много с ней говорил о гордости, о чести, о человечности. Я хочу, чтобы она поняла свои ошибки. Я не только с ней беседовал, но даже приносил книги, которые могли помочь ей в этом. Эти книги лежали у нее на подоконнике. В свободное время она читала их. Мне казалось, что они рано или поздно заста-

вят ее серьезно задуматься. В этот день я говорил с нею много и долго. Все, что знал сам, переливал в ее душу.

- Разве я тоже тебе так быстро надоем? - полюбопытствовал я в конце.

- Не знаю, - призналась она. Тогда мне казалось, что она шутит, но потом я понял, что говорила всерьез. Тогда-то я и начал читать ей лекции. В этот день, боясь, что слишком перегнул, я завел речь о другом.

- Где твой альбом? Видимо, там есть твои фотокарточки. Если можешь, то покажи мне, хочу полюбоваться юной Раей.

Она не вымолвила ни одного слова, встала и достала из шкафа большой альбом, протянула его мне и вышла на кухню. В альбоме я увидел девочку, точь-в-точь похожую на Раю. Она сидела у нее на коленях. Ей было годика два - три. А когда хозяйка вернулась из кухни, спросил у нее:

- Это твоя дочка?

- Да, - ответила она, немного смущаясь. - Я тебе этого не говорила, теперь ты сам...

- Ты же обещала, что от меня ничего не будешь скрывать...

- Я боялась, что тебе будет неприятно. И что ты меня...

- А где она сейчас?

- У матери...

- А кто ее отец?

- Кто еще может быть, кроме того парня, которого ты видел?

- Ведь вы столько лет не прожили вместе?

- Как не прожили? Больше трех лет мы были вместе...

Я не стал с нею спорить, но и в этот раз почувствовал, что она обманывает меня.

- Я на твоём месте привез бы дочку. Пусть живет здесь.

- Такая мысль была и у меня. Ведь я очень скучаю по ней. Но так, как моя мать, не смогу ухаживать за ней.

Девочке с ней лучше. - Потом она внимательно посмотрела на меня и спросила: - По глазам вижу, тебе не понравилось, что у меня ребенок...

- Почему же? Это даже хорошо. Холостяцкий налог из моей зарплаты не будут удерживать, - желая ее успокоить, ответил я.

В этот день, в девять часов вечера, Анархист должен был зайти ко мне на квартиру. Да и без этого, после того случая, я все время старался уйти пораньше. Ей это не нравилось, но, зная, что я еще не простил ей измену, по-малкивала. И в этот раз, когда я встал, чтобы уйти, она глубоко вздохнула, но ничего не сказала.

Хоть и шел десятый час, Азрета все еще не было. Он всегда был точным. Может, виновата больница. Да, я забыл, что наш уважаемый ловелас угодил в больницу самым неожиданным образом. А дело было так. Его вызывали в военкомат на комиссию. Врачи заподозрили у него зачатки какой-то нервной болезни. Да и разве не будет ее, коль он каждый день заводит новых шмар? Азрет старался доказать, что он здоров, что хоть сейчас готов отправиться служить. Но, к сожалению, в этот раз ни его способность шутить, ни его сердитая интонация не помогли. После того, как эскулапы написали свое мнение в военкомате, не долго думая, приказали лечь в больницу. И вот уже в течение нескольких дней он томится там. А всего лежать около месяца. Особенно он переживал оттого, что попал в неврологическое отделение. А мы, когда ходили его проведать, "успокоили" тем, что его надо было отправить в психбольницу, а он по счастливой случайности попал сюда. Он злился, ругался, но на это никто не обращал внимания. Ему мстили за его скверный характер. И его не выписывали из больницы.

Хотя он считался лежачим больным, довольно часто появлялся в городе, даже заходил в редакцию. Оказывается, Азрет и в больнице остался анархистом. В тот день, когда в военкомате заседала комиссия, по разным

пустяковым причинам несколько ребят тоже попали в то отделение. Но каким-то образом первым из ребят явился Азрет. Когда он переодевался в больничный наряд, умудрился спрятать брюки. Потом в надежде, что еще кто-нибудь придет, начал дежурить у ворот своего отделения. Пришли еще двое. У одного из них Азрет снял безрукавку, а у другого туфли. Все это спрятал под забором, в гуще крапивы. Короче говоря, он укомплектовал одежду для одного человека. Азрет от природы честный, открытый, как любит говорить, “жертва правды”. Так вот он составил график на троих. По этому графику поочередно днем и ночью исчезали ребята из больницы. Сегодня вечером была его очередь бежать в самоволку в город. Позвонив на работу, он сообщил мне об этом и между прочим сказал, что есть серьезный разговор.

Долго я ждал друга в тот вечер. Когда, уже потеряв надежду, собрался лечь, наконец, он появился. Боясь, что разбудим Мироновну, на цыпочка вышли на двор и сели на лавочку.

- Почему ты опоздал?- спросил я.

- Уговаривал врача, чтобы тот с любым диагнозом выписал меня,- ответил Азрет. - Но бесполезные хлопоты. Что делать? В последнее время люди перестали понимать меня. Когда по-хорошему не вышло, поругался с ним...

- Зачем это было нужно?

- Чтобы отвести душу. Да и чего бояться - я же “нервно-больной”, могу и в лоб заехать, - засмеялся он. - Врач обещал завтра же пожаловаться в военкомат. Я ответил, что тот может жаловаться даже министру обороны. И что я все равно удеру. Ну, ладно, черт с ним, этим отделением. Понимаешь, я влюбился...

- Ты? Да ведь ты всех девушек в городе любишь.

- Нет, это серьезно. И в этом виноват ты!

- Как это я?

- Ты же, идиот, первым влюбился в больнице...

- И кто же она?

- Хирург. Даже дал ей знать. Она, по-моему, не против выйти замуж за сына моей матери. Как только выйду из больницы, женюсь.

- Так быстро?!

- Дурак же я, что пришел посоветоваться с тобой, - разозлился он. - Не перебивай, послушай до конца. Чего, собственно, я буду тянуть резину? Ведь даже птицы сооружают себе гнезда и заводят семьи. А я - человек. Может, если бы не познакомился с ней, то еще бы ходил в холостяках, а теперь...

- Ну, хорошо, что я должен делать?

- Во-первых, завтра приходи в больницу, посмотри на нее и скажи свое свежее мнение. Во-вторых, послезавтра поезжай к моим старикам, предупреди их, что свадьба будет в ближайшее время. И еще попроси редактора, чтобы он вытащил меня из больницы, а то я не ручаюсь за себя. Иначе - я, человек горячий, или действительно заболею, или дам по морде врачу, опозорю и себя, и вас...

Я обещал выполнить все его поручения. Азрет очень торопился, так как сегодня ночью дежурила та девушка. Он намеревался как-то проникнуть в хирургическое отделение и серьезно поговорить с ней, поэтому, забрав пачку сигарет, ушел.

Как назло, назавтра у меня была уйма дел. Поэтому в редакцию отправился пораньше. Техничка мыла полы. При виде меня она выпрямилась и вынула из кармана халата тетрадный листок.

- Только что принес какой-то парень и попросил передать лично вам, - сообщила она.

Я зашел в кабинет и развернул бумагу. Сразу узнал почерк Володи. От него на днях тоже получил послание. Тогда он писал, что если я не брошу Раю и не уберусь из этого города, то убьет и ее, и меня. А в этот раз он писал следующее:

“Ты или шейх, или чёрт, или гипнотизёр, или еще что - то в этом роде. Иначе я должен был убить тебя за то,

что ты заморочил голову Рае, которую я люблю больше жизни. Но почему-то чувствую, что ничего не могу с тобой сделать. Я ведь смелый парень, был в разных переделках. А сейчас как будто мои руки и ноги связаны цепью, и не могу ничего с собою поделывать. Мало того, когда иду по городу, боюсь встретиться с тобой. Не думай, что я стесняюсь или боюсь тебя, - нет, просто не могу выдержать твой взгляд. Раз встал в отношении к тебе никуда не годным, не буду дальше мучить себя. Да, именно, мучить, ибо любовь - это мучение. После долгого раздумья решил уехать куда - нибудь. Если я смогу забыть Раю, твое счастье, а если нет - то или умру, или Рая будет моей. Будь ты трижды проклят..."

Не знаю, почему, но это послание я положил в папку, где лежали более нужные бумаги, и замкнул ящик.

10

Может, все так делают - не знаю, но лично я все невзгоды, обиды, которые встречались на жизненном пути, стараюсь забыть. Даже если кто - то когда-то мне сделал зло, и то хочу забыть, для чего стараюсь вспомнить все лучшие черты того человека. С течением времени и в отношении Раи эта моя черта победила. Между прочим, и она в последнее время сильно изменилась. Так, например, в ее поведении как человека никакого изъяна я не видел. Она привыкла к коллективу, характер стал совсем другой. И мое сердце опять ей открылось. Мы, как и раньше, начали везде ходить вместе.

Большинство сотрудников газеты, друзья из города знали Раю. Мы часто с нею бывали на вечерах и концертах, где присутствовали и мои знакомые со своими женами или девушками. В таких случаях Рая пользовалась общим вниманием. Ее красота, обаяние покоряли мужчин, что женщинам не нравилось. Но они молча терпели, надеясь на мою строгость. Что мне в последнее время еще нравилось в Рае? Это то, что она, разговаривая с

нибудь, смеясь ли, часто смотрела на меня, словно спрашивая взглядом – правильно ли себя ведет? Более близкие мои друзья, осмелившись иногда, осматривали ее с головы до ног и, обычно вздохнув, говорили:

- Какой ты счастливец!

Бывали и случаи, что по какой-то причине Рая не приходила в компанию. В таких случаях мужчины ругали меня. “Без нее наша компания, как ночью без лампочки”, – говорили они. Как бы там ни было, скупая природа расщедрилась и сделала ее слишком приятным человеком. К тому же, из моих друзей только Азрет знал о ней правду. Но, мне кажется, если бы они слышали что-либо плохое о ней, не поверили бы, думая, что такое прекрасное создание не способно на это. Хотя Азрет и лежал в больнице, каждый раз, когда я приходил проведать его, он спрашивал о ней, и мы вместе составляли план дальнейшей работы с Раей.

После случая с Володей начавшая угасать любовь вернулась ко мне с новой силой. Те дни и ночи, которые я проводил возле Раи, были самыми счастливыми в жизни. В последнее время, как бы я ни был занят, если хоть раз в день не увижу ее, не найду себе места. Она тоже всячески старалась, чтобы состоялись наши встречи. Много делала, чтобы угодить мне, не совсем понимая, что этим самым исправляет и себя. Как я вначале говорил, она очень часто курила. А теперь просила, чтобы я не дымил возле нее, ибо запах табака ей неприятен. Насколько я мог понять, она забыла и привычку употреблять спиртные напитки. На праздниках, вечерах, хоть немного, но женщины пьют. А Рая в последние дни не делала и этого. Иногда старший стола или кто –нибудь еще обращался ко мне, чтобы я попросил ее выпить, как другие женщины. Собственно говоря, я понимал, что неприлично не поддерживать компанию. Но одновременно был доволен устойчивостью Раи. Поэтому я и не говорил ей ничего, а отвечал друзьям, что женщин природа соз-

дала такими, и они не только людей, но и самого Аллаха не слушаются, если сами не захотят. И еще какими-то шутками отделялся.

Рая сильно увлеклась книгами. Поэтому мы всегда носились с ними. Их мы брали в библиотеке, у друзей. Рая говорила, что некоторые соседи подозревают, что мы тронулись на книгах. Слава Аллаху, что телевидение тогда еще только входило в быт и не разлагало так россиян. А однажды она принесла маленького котенка. Его, по-видимому, кто-то бросил, а Рая нашла в кустах. Я родился и рос в ауле. С ранних лет у меня появилась любовь ко всему живому. Но почему-то к кошачьему племени относился с особым уважением и любовью. Может, потому, что они грели в постели мой бок холодными зимами и были ласковыми и доверчивыми. Так что в этом выяснилась наша общая черта. А котенок очень привык к нам, быстр рос. Рая с ним разговаривала, как с человеком, в свободное время играла с ним. Он любил совать мордочку в ее тапок или босоножек. И, фыркая, полз вместе с ним, как маленькая танкетка или бронетранспортер. Со стороны это смотрелось так забавным и интересным, что я от души смеялся, а Рая возилась с ним, как с равным, и по-детски радовалась, аж на глазах выступали слезы. Но радость ее была короткой. Когда однажды я пришел к ней, она сидела как будто в трауре.

- Что случилось? - с тревогой спросил я.

- Вчера вечером котенок вышел со мной во двор. Я думала, сам вернется, но он не пришел. Искала везде, спрашивала у детей, но все напрасно. Как будто сквозь землю провалился...

- По-моему, тебе нужно обратиться к психиатру, - заметил я, хотя и сам переживал не меньше Раи, чтобы успокоить ее. - Стоит ли из-за котенка грустить? Я завтра же принесу тебе другого. - Как я и ожидал, после моего обещания она успокоилась. И в это время она сама чем-то походила на пушистого и ласкового котенка.

Мы должны были пойти в больницу проведать Анар-

хиста. Она начала поспешно одеваться. Это диктовалось тем, что вчера заведующий отделением позвонил редактору и пожаловался на Азрета. Он все время надоедал лечащему врачу, чтобы тот выписал его. Врач, естественно, не соглашался. А вчера Азрет пообещал устроить ему темную. В тот день он доказал всем, что недаром лежит в неврологическом отделении. После ссоры с лечащим врачом наш приятель по инерции зашел к заведующему, но и тот не понял его. Тогда Азрет, решив, во что бы то ни стало, добиться “правды”, явился к главному врачу больницы. По-видимому, день был неудачным, и у главного ему не повезло. Азрет, убедившись, что на земле “нет правды”, объявил голодовку. “Бунтовщика” поддерживали двое его друзей, быстро попавших под его дурное влияние. Таким образом, как говорил редактору зав. отделением, все трое вторые сутки ничего не берут в рот. Дело принимало нехороший оборот и для отделения, и для “бунтовщиков”. Врачи были и сами не прочь избавиться от Азрета, но дело связано с военкоматом, так что больного должны обследовать до конца. Редактор сразу же пригласил Азрета к телефону, но тот и слушать не захотел. Ай да Анархист...

- Ты знаешь, что мне сказал этот наглец? - сердито произнес редактор.- Если вы, говорит, так болеете за меня, то заберите из этого ада. Как будто я совмещаю должности главврача и военкома. Короче говоря, вся надежда на тебя. Поговори с ним...

Когда мы с Раей пришли в больницу, то солнце уже близилось к закату. В ее дворе на траве сидели Азрет и двое его приятелей. Они играли в карты. Увидев нас, Азрет бросил карты и встал. Сперва он поцеловал в щеку Раю, а потом пожал мою руку.

- Не ругают вас за то, что играете в карты на виду у всех? - сразу же спросил я.

- Пусть ругают, нам-то что? - мужественно произнес один из приближенных Азрета.

- Назло им же делаем, пусть сходят с ума, - сказал

он и повел нас вглубь двора. Мы сели на скамейку. - Трудно стало жить, - пожаловался он. - В истории всегда было так: люди с глубоким умом не ценились, их просто не понимали современники. То же самое наблюдается и сейчас, жертвой чего оказался и я. В этом проклятом здании не остался ни один мыслящий человек. Говорю им, что моя душа не помещается в четырех стенах палаты, а они успокаивают, что я привыкну.

- Ах, бедненький! - воскликнула Рая с самым серьезным видом. - Ты даже похудел тут.

- Тут не только можно похудеть, но и сойти с ума...

- У тебя нет ума, так что не с чего сходить, - остановил я его порыв. - Лучше скажи, что тут происходит?

- То есть?

- Нам сообщили, что ты объявил голодовку и с трудом волочишь ноги.

- Как бы не так, - засмеялся он. - Через квартал есть магазин. Тайно от медперсонала ходим туда, покупаем еду. Да еще раз в день выходим в город, там, слава Аллаху, столовая, ресторан, кафе. Так что, братцы, насчет моих ног, которые я с трудом волочу, вас неправильно информировали.

В это время к нам подошла медсестра и сказала, что его вызывает врач.

- Девушка, душа моя, мне врач ни к чему, если я ему нужен, пусть придет сам.

Медсестра ушла, обидевшись. Я начал разговаривать с ним по-хорошему. Когда это не помогло, повысил голос. Но и это ни к чему не привело. Тогда я начал угрожать. Но он твердо стоял на своем: будет бунтовать, пока не выпишут. Мне пришлось обмануть его. Я сказал, что кое-кто ведет кое-с кем переговоры, и это поможет вырвать его отсюда. Но для этого нужно терпение дней на пять. Я не думал о том, что потом скажу ему, но Азрет как будто успокоился. Мы оставили ему то, что принесли, и удалились. Проводив Раю, я пошел к своему дому. На другой день утром я должен был

уехать в командировку, к тому же Мироновна болела. Нужно было купить продуктов ей и лекарств, что я и сделал.

На другой день вечером я пришел к Рае. Открыв двери своим ключом, я вошел в комнату. Рая сидела на кровати и о чем-то думала. Я спросил у нее, какие она решает международные проблемы.

- Как хорошо, что ты появился! - обрадовалась она. В это время из-под шифоньера выбежали два котенка, начали играть на полу. - Вот о них думаю...

- Откуда же они взялись?

- В том и беда, что не знаю.

- Не сама принесла их?

- Нет же. Когда я пришла с работы, они тут гонялись друг за другом. Сперва подумала, что кто-то забросил их через форточку. Но живу - то на третьем этаже. Может, у кого есть ключ, который подходит к моей двери. Вот уже час думаю об этом, но ничего определенного сказать не могу.

- Зря ты так мучишься, - выговорил я. - Зная твое положительное отношение к кошачьему племени, Аллах тебе их подбросил с неба.

- Сегодня я и так злая, а ты...

- А откуда же они взялись тогда? Неужели ты все-ррез думаешь, что днем кто-то будет открывать двери из-за котят. За это можно заработать решетку. Тем более, у тебя из квартиры ничего не исчезло. Значит, это сделал Аллах. - Я с трудом сдерживал смех. А она думала, переживала, ругалась со мной. Потом мне стало жалко ее, и я сказал правду.

А дело было так. Когда пришел на работу, отменили командировку. Я сидел в кабинете и читал свежую газету. Вдруг услышал мяуканье котят. Вышел посмотреть. Котята скрывались во дворе в небольших кустах. Кто-то бросил их, наверное, здесь. Я быстро поймал их, завернул в газету, взял редакционную машину и поехал на квартиру Раи. Открыв своим ключом дверь, запустил их

туда. Нашел в квартире стакан молока и налил в блюдце. А потом, закрыв дверь, ушел.

- Так чего же ты, сумасшедший, принес двоих? - спросила она, когда я закончил свой рассказ. - Одного бы хватило.

- Ну что ты, Рая. Я же знаю, как ты их любишь. Одно-го было бы мало, и разлучать их не хочется. Между прочим, можешь радоваться, один мой друг обещал принести еще двоих...

- Покорно благодарю, хватит и этих, - засмеялась она и тут же начала играть с ними.

- Слушай, может, одного котенка действительно надо убрать? - спросил я через некоторое время.

- А какого?

- Это уж решай сама. Какой тебе больше нравится, того и оставь. - Рая внимательно посмотрела на резвящихся котят.

- Оба хорошие, - заключила она. - Пусть живут. А с тобой мне что-то нужно сделать за то, что сразу не сказал и столько мучил меня.

- Любое наказание сочту за счастье.

- Тогда сегодня забудь Мироновну и оставайся здесь.

11

Пока я думал о Рае, о себе, о нашей будущей жизни, пока был занят работой, незаметно приближалась осень. К тому времени и Азрет вышел из больницы. После долгих обследований врачи признали его "нормальным человеком", хотя многие в редакции были с этим не согласны. Вскоре он женился на той девушке, которая работала хирургом. Ее звали Аллой. На их свадьбе присутствовали все наши сотрудники и мы с Раей. Сейчас Азрет занят поисками новой квартиры. По его словам, в той комнате, где они живут, не помещаются даже платья Аллы. За это время в характере и поведении Раи тоже произошли большие перемены. Работала добросовест-

но, в разговоре и рассуждениях, в манере держаться никаких отклонений от нормы я не находил. Только один раз неожиданно открылась еще одна страница из ее прошлой жизни. Но это было прошлое. Однако я хочу и об этом написать.

Как-то мы сидели в ее квартире. Кто-то постучался. Когда Рая открыла двери, вошла почтальон и подала хозяйке какую-то бумагу. Та подписала, после чего почтальон, оставив деньги (сколько их было, не знаю), удалилась. Когда я спросил, откуда деньги, она ответила, что это алименты за дочку. Но я знал, что Борис не работал и потому не мог присылать деньги. Сперва она хотела отделаться молчанием, но, поняв, что я не отстану, сказала правду. Оказывается, у нее был и первый муж. Он инженер и живет в Краснодарском крае. Конечно, это тоже для меня было неприятно. Но я и так знал, что в прошлой жизни Раи хорошего не было. Поэтому успокоился тем, что сейчас она исправилась.

Рая работала в три смены. Когда бывало свободное время, я провожал ее на завод или же встречал у проходной. Она сама иногда просила об этом и радовалась, когда я ее ожидал.

Вот и сегодня в одиннадцать часов вечера я подошел к проходной. Рая работала во вторую смену и, спустя несколько минут, вышла. Увидев меня, очень обрадовалась, и мы, не ожидая автобуса, отправились пешком. По обе стороны улицы в этом микрорайоне были частные дома. Хотя время было позднее, на лавках возле домов было много сидящих стариков и старух. По-видимому, их по ночам мучила бессонница, и они не торопились ложиться спать, когда мы проходили мимо них, то они нас провожали каким-то добрым взглядом. Наверно, вспоминали свои молодые годы. Но некоторые из них говорили и вслух: "Достойная пара". "Друг другу подходят". "Дай Бог им счастья". И подобные слова мы слышали несколько раз. И нас это очень радовало.

- Сегодня чуть не поругались с мастером, - сказала

Рая, когда мы пришли к ней на квартиру. - Понимаешь, требует, чтобы я еще одну неделю работала во вторую смену.

- А почему?

- Девушка одна, видите ли, готовится сдавать экзамены в какое-то учебное заведение. За нее, значит...

- Этому нужно радоваться...

- То есть, как радоваться?

- Да так, ведь подруга получает образование.

- Ну и ну. Понимаешь, до сих пор я не пойму, что ты за странный человек? - удивилась она. - Ты делаешь такие неожиданные выводы... Да разве я против? Пусть кончает даже аспирантуру, только не трогает меня.

- Но в жизни так не бывает, - мягко возразил я. - Если не будут болеть друг за друга, если не помогут друг другу, что это за коллектив? - И тут же я вспомнил, что за все это время почти не интересовался, как она ведет себя на работе, как там к ней относятся? Эту сторону воспитания я совсем позабыл. И этот недостаток нужно было исправлять. Придя к такому решению, я сказал ей:

- Вот ты недовольна тем, что подруга поедет сдавать экзамены, а ты будешь за нее работать. Ведь она тем же ответит, когда будет нужно тебе. Да, кстати, насчет учебы, ты сама-то думаешь что-нибудь в этом вопросе?

- Не совсем поняла.

- Учиться, спрашиваю, ты думаешь? Хотя бы техникум нужно закончить.

- Ты это серьезно?

- Конечно, серьезно. И в свободное время помогу.

- В свое время не могла осилить, а теперь как же я буду...

- Время еще есть. Учиться никогда не поздно.

Но она, по-видимому, не надеялась на себя. Поэтому не захотела дать мне слова. Мы долго говорили на эту тему.

- Ну, если ты уверен в моих способностях, то я попробую, - согласилась она. И это обрадовало меня, хотя я и

не знал, убедил я ее или она сказала так, чтобы я отвязался.

На другое утро я пришел на завод. Когда в проходной показал свое удостоверение, мне выписали пропуск, после чего прошел на территорию предприятия. Там какой-то рабочий показал мне, где находится ее цех. Проходя по нему, я увидел сбоку дверь с надписью "Начальник цеха" и направился туда. Когда я вошел, там занимался чертежами мужчина средних лет. Он начал рассказывать мне об успехах и недостатках в работе коллектива, назвал фамилии передовиков. Я делал вид, что записываю в блокнот, а сам думал, какой бы вопрос поинтереснее задать ему, чтобы он рассказал о Рае. Но не придумал такого вопроса.

- По вашей информации выходит, что в цехе трудится спаянный коллектив, - подытожил я, - но среди ста с лишним работников есть, наверно, и такие, которые не совсем хорошо ведут себя, нарушают трудовую и производственную дисциплину, с прохладцей относятся к порученному? Это не для печати, просто интересно.

- В семье не без уroda. Встречаются и такие, - ответил начальник цеха. - Но и они, видя, как ведет себя большинство, стараются исправиться. А если кто делает не так, есть начальство, общественные организации, товарищи. Поговорят, покритикуют, поругают, и все становится на свои места. За исключением единиц, как правило, все понимают, что к чему. Я здесь уже два года. За это время за плохую работу, за моральное разложение никого не выгоняли. Между прочим, в последние месяцы такого человека вообще не было. Нет, кажется, одна была. Точно! Зовут ее Раей. Но мы ее приняли, а специальности у нее не было. Первые дни относилась к работе спустя рукава. Очень красивая, ребята стали обращать больше положенного внимания. По-моему, ей это нравилось. Нескольким раз приходила с опозданием, старалась уйти пораньше. Но сейчас она, можно сказать, исправилась.

- Он немного задумался и прибавил: - Признаться, го-

ворить неудобно, но за всеми трудно уследить.

Я вышел из кабинета начальника. Вот-вот должна была прийти на работу Рая. А то, что она могла увидеть меня здесь, не входило в мой план. Потому, поспешно выйдя с завода, я направился в административный корпус. Кабинет секретаря комсомольской организации предприятия Юрия Власова был в этом здании. Но с ним я встретился во дворе корпуса. Мы были знакомы. На вид он был хрупкий парень лет двадцати. Юра всегда куда-то торопился. В нем чувствовалась неиссякаемая энергия и стремление узнать все. Он вроде вечно улыбался, но глаза оставались серьезными и всегда бегали, будто что-то искали. В то же время он часто останавливал на ком-нибудь взгляд, смотрел с осуждением или одобрением, чего узнать было невозможно.

Завод считался одним из крупных в области. В нем было много цехов, участков и отделов. Каждый день Юра обходил все эти коллективы. Об это как-то говорила и Рая. Встречался с комсомольцами, узнавал новости, находил инициаторов ценных починов, которые комитет комсомола одобрял и рекомендовал цеховым организациям поддержать. Иногда секретарь неожиданно появлялся и ночью, чтобы быть в курсе дел жизни заводской молодежи. Нередко занимал чье-нибудь рабочее место и час-полтора работал на нем.

Секретарь горкома комсомола Чикатуев однажды сказал, что Юра не только знает имена и фамилии молодых рабочих завода, но и одежду, в которой они придут на какой-либо вечер. То есть секретарь знал молодежь, как свои пять пальцев. Зная, что он всегда торопится, я сказал, что к нему имею дело.

- Говори, если думаешь, что я могу помочь, - ответил он. И мы с ним тут же сели на лавочку. Я, не утаив ничего, рассказал ему о Рае. Не скрыл и наших отношений. Он внимательно слушал.

- Когда она только поступила на работу, у нее был странный характер, - сообщил он. - Два раза я с нею

поговорил. А потом почистили ее в бригаде. И она довольно быстро исправилась. Сейчас, на мой взгляд, у нее единственный недостаток – еще пока низкое сознание. Старается делать свою работу, а там хоть завод пусть взорвется – ей дела нет. Коль в коллективе трудишься, значит, всей душой должен болеть за него. А у нее эта черта коллективизма отсутствует. Не стремится повысить свою квалификацию. И тут у комсомольцев еще много работы. До сегодняшнего дня, к сожалению, я ничего не знал о прошлом ее. Теперь, когда она на работе, буду присматриваться к ней более внимательно. А в остальное время ты не упускай из виду. Мы должны посеять в ее сознании семена коллективизма. Слышал, у нее хороший голос. Просили участвовать в художественной самодеятельности, не согласилась. Уговори ее.

В редакции я говорил, что иду писать статью о заводе. Поэтому был свободен до вечера. Рая была на работе, а пойти куда-нибудь одному не хотелось. Поэтому я решил зайти на ее квартиру, почитать книги, отдохнуть. Ключом открыл дверь и вошел в комнату. В глаза сразу бросился конверт на столе. Наверное, его раньше не было, потому и обратил внимание. Рая почти ни от кого не получала писем. На месте обратного адреса стояла подпись. Если бы в конверте было что-то секретное, Рая бы его спрятала. Конверт был раскрыт. Значит, ничего такого нет, что бы привлекло мое внимание. Я бросил его на прежнее место, но тут же опять взял. Ведь за время знакомства с нею чего только не узнал и не видел. Стал очень недоверчивым и осторожным. Я поспешно вынул из конверта тетрадный листок и начал читать. Приведу текст таким, каким запомнил.

“Рая, пишу тебе с одной просьбой. Но я не хочу слышать твоего имени, тем более – видеть. Ты – демон с ангельской внешностью. Но у тебя ребенок моего сына, вот почему пишу. Если будут мужчины, тебе не нужны ни ребенок, ни родня, ни знакомые – и это я знаю. Когда ты жила в Беш-Тау, до нас доходили слухи, что ты связана

с преступным миром, и часто с обыском твою квартиру навещала милиция. По-видимому, воры и карманники с тобой еще держат связь и бывают у тебя. Кто-нибудь по пьянке может задушить ребенка, им это ничего не стоит. Даже если он будет расти благополучно, то с тобой ребенку не стать человеком. В семье, где каждый день пьянка, разврат, какое воспитание может получить ребенок? Да и какое воспитание можно требовать от тебя – конченого человека? Отдай дочку нам, ей будет легче у нас, да и у тебя развяжутся руки для полной безобразной жизни...”

Письмо было от первой свекрови Раи. Оставив письмо на столе, сняв верхнюю одежду, я прилег на кровати. Это письмо помогло вспомнить мне одну вещь. Несколько дней тому назад мы пошли в гости к одной знакомой семье. У них был телевизор. Не помню, что нам показывали, но вдруг дали слово какому-то работнику отдела УВД. Он рассказал о том, что опасный преступник по кличке Ёжик сбежал из колонии. Есть опасения, что он может навестить и эти места. В конце информации показали его фотографию. Рая сидела возле меня, и когда показали фото преступника, вздрогнула от неожиданности. Когда работник милиции закончил свое выступление словами “Если кто увидит такого человека, сообщите нам”, я спросил Раю, почему она вздрогнула?

- Неприятный тип, - с отвращением ответила она.

Тогда мы вернулись поздно. Вечер у знакомых провели хорошо, но с Раей что-то творилось. Веселая от природы, она, пока мы шли до квартиры, ни разу не улыбнулась, не вступала в разговор, на вопросы отвечала односложно, как будто боясь чего-то, смотрела по сторонам. Когда вошли в квартиру, она сказала, что ужасно болит голова, и легла. Тогда все казалось естественным. А сейчас тот случай показался мне в другой краске. Не Раин ли знакомый этот Ёжик? Но тут же засомневался в этом. Какая же свекровь любит невестку? Такого я никогда не

слышал. Может, старуха написала от злости, при этом надеясь, что если есть у нее кавалер, то и тот прочтет. Куда бы завели меня дурацкие мысли, не знаю, но кто-то постучался в дверь. Я встал и открыл ее. В ней стоял Азрет собственной персоной, которого я меньше всего ожидал. В руках у него было несколько книг. Сразу накинулся на меня.

- Безобразие, все работники редакции думают, что он где-то на боевом посту, а он в рабочее время шатается по квартирам. Когда же это кончится? - Он оттолкнул меня и шагнул в комнату.

- Ты, наверное, и в аду меня отыщешь, шайтанский сыщик, - ответил я. - Нет от тебя спасения.

- Ты мне так нужен, дорогой...

- Что за книги у тебя?

- Где Рая? - спросил он, не отвечая на мой вопрос. Когда я сообщил, что она на работе, он положил книги на стол и сел. - Она просила, чтобы я нашел учебники 6-8 классов. Кажется, собирается в техникум, да? Или ты не знаешь?

- Да, собирается. Если мы и забудем, то Аллах не забудет твою доброту. Их в магазинах не было, где ты нашел?

- Отобрал у братишки жены, предварительно узнав, по каким предметам сдаются вступительные экзамены в техникум. - Немного подумав, он спросил: - Слушай, в этой квартире не водится хотя бы глоток спиртного?

- Нет, не водится...

- Где ты обитаешь, там даже воды не будет...

- Подожди ругаться. За то, что ты принес учебники, все-таки поставлю сто грамм.

- Мало, - недовольно покачал он головой. - Имей совесть, купи хотя бы вдобавок пачку сигарет. - Я не всегда понимал, шутит он или говорит правду. Поэтому спросил:

- Что, в карманах действительно ветер гуляет или...

- Женишься - узнаешь, - ответил он свысока, подняв голову, как довольный индюк. Потом, забрав из моего рта

только что зажженную сигарету, поднялся рывком. И мы покинули квартиру Раи.

12

Однажды ночью, проснувшись в поту от каких-то кошмарных снов, я заметил, что Рая плачет. И не на шутку испугался. Начал успокаивать ее, но ничего не выходило. Видя такое дело, спросил:

- Что случилось?

Она сперва не хотела говорить, но потом все же ответила, что соскучилась по дочке. В последние дни я не раз видел, как она брала в руки маленькую куклу и часто смотрела фотографию дочки. Но откуда мне знать, что творилось в материнском сердце? По-видимому, человек, который не имеет своих детей, тем более мужчина, не может понять этого. Теперь я убедился, что Рая ни на минуту не забывала дочку. Очевидно, не зная точно, какое будет в действительности отношение с моей стороны, молчала. Оказывается, она так часто вздыхала из-за дочки, и при виде детей ей становилось грустно. Когда она грустила или переживала, ее глаза становились темнее. А когда радовалась, светлели, даже казались серыми. И я не раз ей напевал слова из знакомой песни:

До чего ж ты хороша, сероглазая!

Как нежна твоя душа – понял сразу я.

Люблю твой взгляд, улыбку, звонкий смех.

В мире ты, клянусь, лучше всех!..

- А почему не говорила, что сильно соскучилась? - начал я упрекать ее. - Не такое уж большое расстояние до нее, можно было и съездить.

- Да ты хоть и знал, но ничего не говорил, потому я... - она стала плакать еще громче. Я начал обвинять себя во всем происходящем. А вслух сказал:

- Я ведь тоже человек, просто забыл, а может, не обратил должного внимания на этот факт. Одним словом, я упустил из виду. Ты же могла сама напомнить о дочке.

Ну, перестань... В субботу поезжай. Возьми ее и в воскресенье возвращайся. А если нет, поедем вместе и сразу же вернемся.

- Зима уже на пороге, ухаживать за нею не всегда будет время, - успокоившись, высказалась Рая. - Ведь я еще рабочий с низкой квалификацией. Нужно больше внимания уделять повышению профессионализма. К тому же, в техникум готовлюсь. Так что до весны ее давай оставим с матерью. А в субботу проводи меня, поеду проведать...

Сразу я ей не ответил. Надо подумать о том, как будет лучше. Но пока нашел нужный вариант, положив голову на мое плечо, она заснула. А я никак не могу уснуть. Вряд ли есть человек, который не любит своих детей. Нет сомнения, и Рая душою с дочерью, в Краснодарском крае. По-видимому, и зима, и то, что она не может сейчас ухаживать за нею, - все это были слова. А причина, как мне кажется, заключалась в том, что она хочет получить следующий разряд и учиться. Может, я ошибался, но от такой мысли обрадовался. Ведь тогда можно будет сказать, что она уже исправляется. И до этой ночи я замечал, как она старалась узнать и понять, что делается у порядочных людей. Она смотрела на мир по-другому, как будто только что открыла глаза. И это радовало меня.

С тех пор, как я был на заводе и поговорил с Юрием, прошел месяц. Несколько раз после этого я заходил в цех, где она работала. Как корреспондент газеты часто беседовал с рабочими. И как бы между прочим спрашивал о Рае. В последнее время почти все хвалили ее. К тому же Юра часто звонил мне и информировал. Да я и сам узнавал о ней. Хотя комсомольский вожак и не говорил, но я сам догадывался, что он попросил нескольких девушек быть внимательными к Рае. С нею занимались, о ней думали непосредственно на работе, в комсомольском комитете, наконец, дома думал я. Таким образом, мы заблокировали ее со всех сторон.

Раньше она не любила говорить о своей работе. Те-

перь, как придёт с завода, сразу же начинает говорить о последних новостях и мероприятиях в цехе, о планах коллектива и подругах. По ее увлеченному рассказу я понимал, что наконец-то она стала частицей коллектива, болела за него, что дорожит дружбой подруг. Но все же я не был полностью уверен, что Рая крепко встала на ноги. Если поскользнется где-нибудь, может начать пить, курить, после чего стремительно полетит в пропасть. Поэтому я всегда был начеку.

Белый свет луны падал через окно на чистый пол, как будто все красил в млечный цвет. Через открытую форточку вливается прохладный чистый воздух. Город спит. Тишину нарушает лишь мурлыканье двух кошек, которые всегда дремлют под теплым Раиным боком. А она сейчас в глубоком сне. Ее горячее дыхание согревает мою правую щеку. Моя правая рука онемела под ее головой, но пока она сама не проснется, шевелить нельзя, боюсь разбудить. Вдруг какая-то запоздалая машина с шумом промчалась по улице. И опять воцарилась тишина. Да и дни нашей жизни так же, как и эта машина, уходят быстро. Но они оставляют в сердце или радость, или горе, или рану, или еще что-то подобное. И в моем сердце можно найти их следы. Однако человек не может полностью вспомнить прошлые дни. Возможно, и не всегда хочет. Ведь если копаться во всех их, то нужно будет их пережить вторично. А всегда ли это обрадует? Вот и я, когда начинаю думать о нас с Раей, основное внимание хочу остановить на последнем месяце нашего знакомства, так как, если проанализировать, только этот месяц был спокойным, хорошим. Вот некоторые примеры: однажды вечером, когда я зашел к Рае, она встретила меня с особой радостью.

- Я после работы звонила тебе, но тебя разве найдешь, - сказала она с сияющей улыбкой. А потом, положив голову на мою грудь, торжественно, с какой-то внутренней гордостью произнесла: - Знаешь, я сегодня выдала продукции в полтора раза больше плана...

- Вот это здорово! Молодец, Раечка, поздравляю! - А я думал, чем бы отметить ее победы. - Дорогая, давай в честь твоего успеха выпьем бутылку шампанского. Я сбегаю в магазин...

- Нет, я клялась не употреблять ничего из спиртного и не буду нарушать данное себе слово, - немного наивно, но и не без гордости ответила она. - Лучше пойдем на озеро. Посидим на скамейке, покушаем мороженое.

- Пожалуйста, я готов. Быстрее собирайся, и пошли.

- А что мне надевать?

- Лучше всего иди без одежды. Стриптиз...

- Вот бессовестный, - шлепнула меня по щеке. Потом надела шелковое платье, и мы двинулись.

На другой день нас ожидала еще одна радость. Вышел из печати сборник моих очерков. Когда я принес первый экземпляр, она обрадовалась, как никогда. И я подарил ей книгу с автографом. Она ее крепко поцеловала в обложку и спрятала под подушку, как нечто редкое и дорогое, чему я несказанно обрадовался.

Как я уже писал, тогда на собрании Азрет оправдал меня. Но я-то знал свою вину. Поэтому старался смыть свой позор. В этом помогало и то, что с Раей было все в порядке. Раньше все мои мысли были заняты только поиском путей для возвращения ее в жизнь. А теперь на первом плане была работа. Мои статьи и корреспонденции начали принимать прежний вид. Редактор был мною доволен. А в пятницу, когда мы вышли с работы, он попросил, чтобы я немного его проводил.

Мы шли, обсуждая материалы, которые должны были опубликоваться в следующих номерах газеты. Но неожиданно для меня он перешел на другую тему.

- Завтра утром я со своей старухой на своей же старой машине отправляюсь с ночевкой в горы к нарзанам, - сказал он. - Поехали с нами. Отдохнем, полазим по горам...

Рая часто говорила, что не видела примечательных мест этого уголка Кавказа, и несколько раз даже проси-

ла, чтобы мы съездили в горы. Поэтому, когда редактор пригласил, я очень обрадовался. Но он годился мне в отцы. Горские обычаи не позволяли мне напомнить ему, что со мною поедет и любимая девушка. А оставить Раю и поехать одному – неудобно от нее. И отказаться неудобно. К счастью, выход нашел сам редактор.

- Может, с нами тебе будет скучно. Если есть близкий сердцу человек, возьми с собой. - Увидев мое смущение, добавил:

- Не стесняйся, и я был в твоём возрасте. Жизнь человека делится на этапы. У каждого из этапов свои интересы, думы, волнения. Этого нельзя ущемлять. Хотя я и сам старик, очень уважаю молодость, молодых людей, с удовольствием беседую с ними. Ведь с вами интереснее, веселее. И шутки, и юмор – все у молодых. В такие минуты и сам становишься молодым.

...В полдень мы подъехали к источнику в узком ущелье. По бокам ущелья росли вековые сосны, кое-где виднелись обнаженные скалы. Слышался шум горных речушек и далеких водопадов, несущих воды с высоких ледников. Стекая вниз, они образовывали солидную речку, которая стремилась по ущелью, чтобы выскочить на равнину. Вдали виднелись вершины высоких гор, где еще блестели на солнце снега. Они красиво смотрятся издали, когда наблюдаешь из Невинки или спускаешься со Ставропольской возвышенности. Ясным утром или вечером вершины видятся, как зубья пилы, готовой в любую минуту располосовать висящее низко над ними небо и освободиться от его тяжести. Даже неживые, каменные горы любят свободу, а что же тогда остается делать живым людям – горцам?!

А в конце прямого ущелья, как бы закрывая вход в него с той стороны, стоял сам двуглавый Эльбрус, покрытый белыми папахами. Но до него далеко, хотя казалось, что стоит рядом, протяни руку и обожжешься холодным ледником.

У нас в городе сейчас глубокая осень, а тут природа

находилась еще в зеленом наряде, хотя здесь холоднее, чем в предгорье. А на альпийских лугах даже растут рододендроны, которые ночью испускают ядовитый газ, и от него можно задохнуться. Между прочим, эти горы и зимой кажутся нарядными и завораживающими, так как тут растут деревья, которые зеленые во все времена года. Не случайно сюда любят приезжать со всего света горнолыжники и туристы. Весной и летом в этих местах многолюдно. В выходные дни даже приезжают отдыхать из городов и окрестных сел местные жители. Здесь же делают привалы и туристы. Но осенью и зимой в основном приезжают спортсмены и альпинисты - скалолазы, отважно поднимающиеся на неприступные вершины. Вот и сегодня чуть выше нас виднеются лишь две голубые палатки.

Мы с редактором тоже поставили палатку. А женщины будут спать в машине. После того, как перекусили с дороги, мы вдвоем собрали сухих ветвей для костра, а женщины занимались подготовкой ужина. Пока мы все это делали, солнце уже начало вторую половину своего небесного пути. До сегодняшнего дня нашего редактора, Дагира Добаевича, которого мы в шутку и заочно иногда называли Домбаевичем или Раздолбаевичем, я знал только по работе. И мне было неведомо, как он ведет себя в обычных условиях. На работе не такой уж был строгий, но редко улыбался. А сегодня, как только выехали из города, он как-то преобразился. Очевидно, нелегкий редакторский груз ответственности давил на него в будние дни. И он всю дорогу шутил, смеялся и пел. У него был очень приятный голос. Шутил он и в лагере.

- Давайте полазим по горам, - предложил он, когда все было готово к ночевке. - Вон под той высокой сосной есть скала, если залезешь на нее - окрестность видна, как на ладони.

- Вы идите, а я отдохну, - сказала его супруга и прилегла на одеяло возле машины. И эта картина мне показалась экзотической: горные вершины, автомобиль вме-

сто скакуна и старая горянка на шерстяном одеяле. Как меняется жизнь! - воскликнул я про себя.

В редакции говорили, что Дагир Добаевич обожает свою жену, и что без нее он ходит только на работу. А так всегда вместе. Многие удивлялись, как они не надоедают друг другу! Одни говорили о большой любви редактора, другие утверждали, что он просто показывает пример мужчинам-националам, ибо они стараются ходить по улице без жен. Вспоминая эти разговоры, я удивился, почему сегодня он оставил жену возле машины и идет с нами без нее? Хотя куда уже ей, ведь это горы, а не прогулка по равнине? А мы шли, вернее, карабкались. Через некоторое время, запыхавшись, мы подошли к той скале, о которой говорил шэф. Первым поднялся он, а за ним полезли и мы. Все трое сели на скалу, перевести дух.

Редактор почему-то стал грустным. Я заметил, что как только мы начали подъем, от его веселости не осталось и следа. Вот и сейчас, устремив свой взгляд вдаль, он сидел молча. Вид у него был очень печальный. Но у карачаевцев младший не нарушает первым молчание. Если старший сочтет нужным, то сам начнет разговор. Поэтому я тоже не мог спросить о причине печали.

- Дай сигарету, - вдруг обратился он ко мне. Вот уже несколько месяцев он не курил, и меня удивило его желание. Я протянул ему сигарету и преподнес зажженную спичку. Прикурив сигарету, он обратился к Рае с вопросом, сколько ей лет.

- Скоро будет двадцать три, - ответила она.

- Да, ей тоже столько же было, - сказал он печально.

- Понимаете, я вижу, что вы любите друг друга, и радуюсь вашему счастью. А грущу сейчас потому, что вспомнил свою молодость. Любовь, если хотите знать, дороже жизни. Цените ее, уважайте...

- Вы что-то недоговариваете?

- Ты прав, Сеит. На днях выйдет моя очередная кни-

га. Автобиографическая. Там почитаете. Но если очень хотите услышать, расскажу вкратце. Однажды городская молодежь приехала к этому источнику нарзана. Все веселились, танцевали лезгинку и другие танцы. Я, Мекка, еще несколько комсомольцев, решив подняться чуть выше, пошли в лес. Мы с нею шли впереди. Когда взобрались на эту скалу и посмотрели вниз, то никого из тех, которые шли за нами, не увидели. Думая, что они скоро подойдут, сели отдыхать. До этого я не замечал, что она на меня обращает внимание. А я с некоторых пор уже по-настоящему влюблен был в нее. Но между нами открытого разговора не было. Сидя вот на этой скале, я впервые в жизни признался девушке в любви. Но нашим мечтам не суждено было сбыться...

Мы спустились к источнику. У редактора и Раи был очень грустный вид. Это сразу же заметила его жена.

- Что же с вами случилось, дорогие мои? - забеспокоилась она.

Они в один голос сообщали ей, что подъем был трудным, и они очень устали.

Я понимал, почему грустит редактор. Он вспомнил самые счастливые дни своей жизни. А вот почему Рая стала такой молчаливой - не мог понять. На мой вопрос об этом она не ответила.

13

- Готовлюсь поступать в техникум, - твердо заявила она однажды.

- Что - то я не вижу, чтобы ты так усердно занималась.

И это была правда. В последние дни она редко открывала книги. Я тоже молчал, не желая слишком надоедать ей.

- Как ты сказал? Это я-то не готовлюсь? - Она встала и взяла книгу по физике. - Возьми, а ну, задавай вопросы!

Меня сместила и радовала ее злость. Но, стараясь

быть серьезным, я раскрыл книгу и начал задавать вопросы. Я тоже когда-то изучал физику. Но теперь почти ничего не помню. Поэтому, когда она отвечала, я следил по тексту. За редким исключением, она на все ответила. Потом призналась, что когда остается одна, то все время штудирует физику. Однако она была не в дружбе с математикой. Но это уже было по моей части. Математику я всегда знал хорошо. Забегая вперед, скажу, что, готовя Раю в техникум, сам заново прошел школьную программу по нескольким предметам.

В этот вечер к нам завернул Азрет. Оказывается, мы и не заметили, что пошел первый снег. У Азрета пальто и волосы были в снегу. И мы с Раей удивились. А он, ничего не произнося, шагнул к ней и, обняв, начал стряхивать липкий снег. Когда Рая с трудом вырвалась, ее халат был мокрым, как будто побывала под дождем. Потом они поменялись ролями. Рая набросилась с кулаками, Азрет защищался. А мне осталось смотреть на них и смеяться.

- Слушайте, бездельники, - сказал Азрет. - Если вы будете сидеть в четырех стенах, быстро можете надоесть друг другу. Чтобы такого не случилось, пойдёмте со мной.

- Куда? - поинтересовался я.

- К нам в гости...

- Сумасшедший ты, Азрет, кто приглашает в гости в такое позднее время? - удивилась Рая.

- Верьте моему слову, я не потому приглашаю, что соскучился по вас, - он ударил кулаком по столу. - Понимаете, вот уже неделя, как у нас стоит бутылка коньяка. Я потерял и покой, и сон из-за нее. Несколько раз собирался реализовать, но Алла не позволяет. Врагу не желаю, чтобы тот имел жену - медичку. Как только я приближаюсь к коньяку, начинает читать лекцию. По ее словам, все болезни, которые существуют, исходят от спиртных напитков. После такой лекции я поворачиваюсь и ухожу из дому. А коньяк, будь он проклят, и сей-

час стоит. Может прокиснуть. Ради Аллаха, пойдёмте расправляться с ним. Надоело мучиться из-за него.

Действительно, было поздно. Но раз он пришел, все равно добьется своего. Зная это, мы быстро собрались и пошли с ним. После свадьбы Азрет жил в двухкомнатной времянке. Родственники, родители девушки и парни не прочь были преподнести дорогие подарки. Но Азрет отказался. Он хотел сам все приобрести. Однако за два-три месяца купить все, что было нужно, трудно. Но все же необходимые вещи были куплены. Они жили очень дружно. Я даже удивился тому, как Азрет любит Аллу. Этого я от него не ожидал. И сейчас меня радовало счастье друга.

Женщины занимались на кухне. А мы остались вдвоем. По разным причинам нам в последнее время не удавалось так спокойно посидеть, поговорить. Поэтому он, прежде всего, спросил о Рае. Я рассказал последние новости. Азрет удивился тому, что Рая так усердно готовилась в техникум. Между прочим, и я не ожидал от нее такого подвига. Мастер участка, где она работала, учился на третьем курсе того же техникума. Может, и Рая мечтала стать мастером. Может, у нее были и другие мечты. По-видимому, они тоже сопутствовали, помогали в моей борьбе за Раю. Как бы там ни было, в ней чувствовалось какое-то стремление. Я еще рассказал Азрету о портрете Раи в газете "Молодость". Один из фотографов той газеты был моим хорошим знакомым. Я всячески хвалил участок, где работала Рая, что если он пойдет туда, то, может быть, и она окажется в объективе. Так оно и получилось. Хотя и не сказал ему о Рае, но по совету мастера в числе первых девушек сфотографировал и ее. Рая так обрадовалась, как будто ей присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Прошло более полугода, как мы знаем друг друга. А в последнее время больше бываю у нее, чем на своей квартире. Сперва Мироновне говорил, что был в командировке. Но потом она поняла, что это не так, и мне

пришлось сказать ей правду. В тот вечер она покачала головой и недовольно вышла из моей комнаты. Ведь мне и неудобно от соседей Раи и знакомых. Они могут по-разному истолковать наше поведение. Этот вопрос нужно было как-то решать.

- Все же подожди до конца года, - посоветовал он. - Кто его знает, вдруг...

Женщины сообщили, что на кухне все уже готово. Мы просидели допоздна. Потом Азрет с женой пошли нас провожать. Сперва довели Раю. Затем дошли до моей квартиры. Только после этого они ушли. Я, чтобы не разбудить Мироновну, на цыпочках вошел в свою комнату. Зажег свет. На столе увидел письмо от Володи.

“Я сейчас от вас далеко, - писал он. - Но я знаю о каждом твоём шаге. Есть люди, которые следят за тобой. Как я и писал, плюнул и уехал. Но все равно не могу забыть Раю. Окончательно понял, что не могу жить без нее. Прошу тебя, оставь ее. Ведь Раю ты не любишь так сильно, как я. Говорю по-хорошему, оставь ее. Иначе пеняй на себя, я не остановлюсь ни перед чем. Не буду скрывать, у меня на тебя рука не поднимется. Но мои друзья, которые остались там, доведут дело до конца, если я скажу им. В последний раз предупреждаю, выбирай - смерть или Рая...”. Штамп на конверте был города Новосибирска.

Я тут же порвал письмо и лег. Но оно было не из приятных. На всякий случай нужно быть осторожным. Но насчет того, чтобы расстаться с Раей, у меня даже в мыслях не было.

14

Хотя секретарь комсомольской организации завода Юрий Власов и говорил, чтобы я с Раей приходил на концерты, диспуты, вечера, но не всегда это мне удавалось. Но когда Рая сказала, что будет торжественное собрание, посвященное успешному выполнению девяти-

месячного плана, переодевшись вечером, как Азрет, я аккуратно пришел к ней. Она тоже была готова пойти.

- Мои подруги несколько раз видели нас вместе. Сейчас они все спрашивают о тебе. Если ты такой порядочный, красивый появишься, как бы они... - Она поправила мой галстук и добавила: - Все равно я тебя никому не отдам.

Когда мы пришли во Дворец культуры завода, людей было не так уж много. Они только собирались. Рая познакомила меня со своими подругами. У меня в запасе было несколько стоящих выражений, услышанных от Азрета. Они были очень подходящими для них. Я их разбрасывал направо и налево, и подруги Раи от души хохотали. Одновременно я внимательно рассматривал этих девушек, мысленно сравнивал с Раей. Но такую изящную, как она, не нашел. Подошло несколько ребят. Все они здоровались со мною, разговаривали, как со старым знакомым. По-видимому, они уважали Раю и поэтому так хорошо относились ко мне.

Оркестр завода играл разные танцевальные мелодии, но пока никто не танцевал. Мы еще не зашли в зал, где будет собрание, а находились в фойе. Несколько человек пили у буфета пиво. У всех праздничное настроение. Со всех сторон слышались шутки, смех. Иногда они звучат даже громче оркестра.

- Вот вы где! - воскликнул красивый парень, приближаясь к нам. - А я ищу своих девушек. - Он всех поздравил с праздником, пожал и мне руку.

- Виктор Петрович, почему вы один? - спросила Рая.

- Опять Виктор Петрович! Сколько раз говорю вам всем, чтобы в таких местах обращались попроще. Ну, почему нельзя сказать просто Витя?

- Нельзя, - сказала одна из девушек. - Вы же начальство...

- Я разрешаю. Между прочим, Рая, чтобы потанцевать с тобой, супругу оставил во дворе, а ты сразу, как будто шлепнула по лицу: "Почему вы один?" К тому же

с кавалером. - Он моргнул мне. - Спрашивается, почему я так торопился сюда...

- Что же, Виктор Петрович, потанцуем. Мой кавалер современный парень, не будет ревновать, - весело сказала Рая, но другой парень опередил Виктора Петровича. И пригласил Раю на танго.

- Вместе работаете? - поинтересовался я.

- Да, я инженер. Работаю сменным мастером у них, - ответил он. - Хорошая девушка Рая. Быстро при-выкла к работе. Мы все ее очень уважаем. Между прочим, все ребята от нее без ума. Некоторые искали даже тропинку к ее сердцу, но получили категорический отказ. Они думали, что Рая никого из простых смертных не подпустит. А сейчас, я вижу, смотрят на вас удивленно.

- О чем вы говорите? - спросила Рая, подойдя к нам. Мы, оказывается, не заметили, когда закончился танец.

- Даже не спрашивай, - ответил Виктор Петрович. - Я рассказываю ему о твоих кавалерах на заводе.

- Если только это...

Начался дамский вальс. Они пошли танцевать. Меня тоже пригласила высокая, симпатичная блондинка.

- Вы любите Раю? - спросила она без вступления. Я, конечно, не ожидал такого вопроса и поначалу растерялся.

- Да, но почему вы спросили об этом?

- Просто так, наверно, вы оба счастливы? Прекрасная пара!

- Почему вы сделали такой вывод?

Не знаю, что бы еще она спросила, но тут танец остановили и всех пригласили в зал.

Мы с Раей сели рядом. Вскоре президиум занял свое место, и собрание открылось. Доклад сделал директор завода Коряков. За ним выступил председатель завкома. Он сразу же сказал, что намерен наградить лучших людей завода. Потом начал читать фамилии передовиков. Кого он называл, выходил на сцену и под аплодисменты

получал подарок. Вдруг председатель произнес фамилию Раи. Я от неожиданности вздрогнул. Рая тоже сперва не поняла.

- Рая, где ты? Если сейчас же не выйдешь, подарок твой отдам другому, - заявил профсоюзный начальник. Рая поднялась и пошла, грациозно покачивая плечами. Ей вручили какой-то подарок, завернутый в белую бумагу.

Смущенная Рая шла на свое место с опущенной головой. Она положила подарок на мои колени и, чуть опустив голову, закрыла руками лицо. Несколько раз я спросил у нее, что с нею? Она не ответила. Тогда я, не обращая внимания на окружающих нас людей, оторвал ее руки от лица. По ее щекам текли слезы. Рядом сидящая женщина спросила с тревогой, не заболела ли она?

- Нет - нет, что вы! Это просто так, от избытка чувств, - ответила Рая. Потом, повернувшись ко мне, посмотрела ласково и внимательно, но ничего не сказала. И в ее глазах я увидел не печаль, а слезы радости и счастья.

Весь вид Раи говорил о том, что она впервые в жизни удостоилась такой чести.

Она продолжала смотреть на меня, и слезы, как ртутные капли, катились по щекам. При этом женщина улыбалась. Сейчас она напоминала весенний дождь, когда откуда-то сквозь облака пробиваются золотистые лучи солнца. Потом она чуть наклонилась ко мне и шепнула: "Спасибо". Кажется, я даже не слышал ее, а понял по тому, как она шевельнула губами. Это была награда для меня. Награда за бессонные ночи, за мои тревожные думы о ней, за мои страдания, за мою борьбу и, наконец, за мою большую любовь.

Об отношениях отцов, матерей и детей, о том, как они прислушиваются советов и мнений друг друга - люди много говорят. Если слушать их внимательно, то можно их выделить на две группы. Первая группа людей говорит, что отцы и матери в основном пожилые и на молодежь смотрят так, как в те времена, когда сами были молоды. Хотят видеть те черты, которые были присущи

их поколению. Иначе говоря, старшее поколение не понимает изменения в сознании и жизни молодежи. Если сказать еще яснее, пусть не обижаются, они немного отсталые и на жизнь смотрят со своей колокольни. Потому, как сейчас должны вести себя молодые люди, они, мол, трактуют неверно. Отсюда и разногласие между отцами и матерями, с одной стороны, и детьми, с другой. На почве таких разногласий были и такие случаи, когда дети покидали родительский дом. Чтобы не было подобного, отцы и матери должны дать полную свободу детям, то есть пусть те делают, что хотят. Ведь сейчас молодежь больше понимает в жизни, чем старшие. Так что они сами лучше знают, как устраивать личную жизнь. Людей, которые придерживаются такого мнения, большинство. По крайней мере, таких я встречал больше.

Вторая группа людей с этим не согласна. “Если бы отцы и матери были глупее своих детей, - говорят они, - то не вырастили бы их. Ведь и для этого нужны ум, умение, понимание. Иначе не вырастишь человека. Значит, отцы и матери на любом этапе развития общества, в любом изменении сознания людей не могут быть отсталыми. Отцы и матери познали жизнь сполна, поэтому надо всегда слушать их совета. А если дать волю молодежи, черт знает, что она натворит”, по мнению второй группы людей.

В дискуссии участвуют ученые, педагоги, многодетные матери, которые объясняют ошибочность обеих групп. Ведь есть вещи, которые больше понимают отцы и матери, чем дети, и наоборот. Поэтому разделять старшее поколение и молодежь глупо. И каждый раз при решении тех или иных вопросов нужно подходить, исходя из интересов близких людей, общества. Да и нужно учитывать то или иное обстоятельство. Иначе говоря, отцы, и матери, и дети должны быть на равных правах, правильно понимать друг друга – вот к чему в основном призывают люди, которые участвуют в дискуссиях.

Я не хочу никого защищать или убеждать. В нашей семье таких сильных разногласий не было. Поэтому не знаю, почему и из-за чего они возникают и чем кончаются. Мой отец человек пожилой. Сейчас он на пенсии. Но работает в животноводстве. Многие ему говорят, что дети уже взрослые, ни в чем не нуждаются, и не лучше ли ему бросить работу и жить спокойно. Но он этого не хочет. Говорит, что всю жизнь был среди людей труда и хочет остаться с ними до конца жизни.

Мать в девичьи годы трудилась в колхозе. А в остальное время была занята домом. У нас большая семья. Кроме меня, вырастили двоих сыновей и три дочери. Мать и отец умеют читать и писать. Когда-то кончали шесть классов, притом вместе. На том и остановились. Конечно, время их юности во многом отличалось от нашего. И, наверно, не было возможности учиться дальше. Собственно говоря, в этом их никто и не обвиняет. В общем, мои родители – люди сельские. Их сознание, общее развитие, отношение ко всем явлениям жизни примерно такое же, как и у их ровесников-карачаевцев. Из ребят самый младший я. Кроме меня, самый старший брат, средняя сестра получили высшее образование. Остальные тоже имеют аттестат зрелости. Самая младшая сестра еще учится. Короче говоря, никто не назовет нашу семью отсталой и необразованной.

В ней восемь человек, и это немало. Конечно, каждый чем-то отличается друг от друга. Однако как-то находили общий язык. Помню, самая старшая сестра вышла замуж за парня, которого родители не уважали и не хотели. Притом она никому об этом не сказала, и мы узнали на другой день. Мы все понимали, как переживали отец и мать, но виду не подавали, смирились. А ведь у нас в горах бывает, что родители девушки вместе с родственниками идут и забирают дочь, несмотря на то, что она вышла по любви.

Не знаю, почему, но что бы ни сказал старший брат, родители ему не возражают. Остальные дети на равных

правах. Родители не всегда говорят, чтобы все было так, как они хотят. Мы тоже не говорим, что они отсталые. Конечно, бывают какие-то мелкие недоразумения. Но они проходят как - то сами собой и не влияют на наши отношения. Все это я пишу не потому, чтобы похвалить свою семью. А пишу, чтобы люди поняли мое отношение к последующим событиям.

Прошло несколько дней, но я почему - то не могу забыть то, как Рая непочтительно говорила о матери. Как будто что-то беспокоит сердце, начинаю думать, сразу же вспоминаю это. Почему она так остыла к матери? Какая же сила смогла сделать чужими мать и дочь? Кто же ее мать, и какой она человек? Что же она сделала, чтобы к ней так относилась дочь? Не Рая ли в этом виновата? И давно ли они стали такими? Если я действительно думаю соединить свою судьбу с Раей, то должен найти ответы на все эти вопросы. Может, по-хорошему, может, по-плохому, если буду настаивать, то Рая, наверное, скажет. Но она опять может обмануть, чтобы успокоить меня. Что же делать? Я это обязан знать. Сейчас еще ладно, но когда мы с Раей начнем совместную жизнь, мои захотят видеть её мать. Что тогда я им отвечу? Не могу же сказать, что она умерла. Если даже скажу так, потом все равно выяснится, что обманул. Это недопустимо для нашей семьи. Оставим и это. Но мне жить с дочерью и не знать мать - это не лезет ни в какие рамки. Бывает, что после какой-то ссоры семья распадается. Если так, то Раю с матерью нужно помирить. Между прочим, я не думаю, чтобы они отказались друг от друга навсегда. Как я понимаю, так быть не должно.

Так что же делать? Недавно хотел посоветоваться с Азретом, он оборвал меня, посоветовав, чтобы я не мочил себе голову. По его словам, я буду жить с Раей, а не с матерью, и нечего копать в семейном мусоре. Может, по-своему Азрет и прав, но у каждого своя натура. Не могу поступить так, как он советует.

Собственно говоря, зачем мне мучиться, можно же в Краснодарский край съездить, откуда Рая родом. Не раз говорила какое село и где примерно оно находится. Да, нужно туда съездить. Но редакция не посылает в командировку в соседние области, края, республики. Бывает иногда, кто-то ездит на какие-то семинары, совещания. Но ждать такого случая - нет времени. Да и будет ли там что-то подобное? Можно было отпроситься, но в такое горячее время неудобно. Наверно, и редактор не отпустит. Можно поехать в субботу и вернуться в воскресенье. Но в такой спешке дело не сделаешь. А до отпуска еще далеко.

- Я должен поехать туда,- сказал я как-то вечером Азрету.

- Раз ты окончательно решил познакомиться с будущей тещей - поезжай,- сказал Азрет, поняв, что это мое твердое решение.

- Как ехать?

- Ну и дурак же ты! - воскликнул он. - Что за вопрос "как ехать"? Автобусом, такси, поездом. Если денег нет, могу занять...

- Деньги есть...

- Так в чем дело?

- Как с работы освободиться?

- Четыре дня тебе хватит?

- Конечно, хватит. Только вот кто на четыре дня меня отпустит?

- Я отпускаю...

- Так ты уже редактор, что ли?

- Хотя я и не редактор, но у меня голова варит, понятно? Так вот, в среду возьми командировку на два дня в какой-то отдаленный район. В четверг уже будешь у тещи. Пятницу и субботу проведешь возле нее, только с дочкой не перепутай. А в воскресенье отправляйся назад. Таким образом, в понедельник будешь на работе. Дошло до тебя?

- Дошло-то дошло, но...

- Без всяких “но”, действуй! Я пошел, в городе, кроме тебя, тоже немало людей, которые нуждаются в моем совете.

Азрет, не попрощавшись, завернул в сторону гостиницы. У него на сегодня было “свидание” с каким - то приезжим начальником. Азрет, как всегда, вопрос решил сразу. Но для этого нужно обмануть босса. Этого я не хотел делать. Однако другого выхода не было.

В среду зашел к редактору, объяснил ему, что в отделе почти нет материалов. Сказал, куда собираюсь ехать. Редактор в свою очередь объяснил, на какие вопросы сейчас нужно обратить внимание, и подписал командировочное.

С командировочным в кармане я и пришел на свою квартиру. Рая знала, что “поеду в район за материалами для газеты”. Мироновны дома не было. Хорошо, что вчера и ей сказал о предстоящей командировке. Оставалось взять паспорт и отправиться на автостанцию, что я и сделал. Автобус в Краснодар отходил вечером. Оглядываясь по сторонам, подошел к кассе. Хорошо, что не было знакомых. Поэтому на мою посадку никто не обратил внимания.

В Краснодар приехал утром. Как мне сказали в справочном автостанции, туда, куда мне нужно, из города автобус не ходил. Посоветовали добраться до райцентра. Даже не успев позавтракать, сел на рейсовый автобус, который должен был доставить меня в конечный пункт. А дальше... Чтобы не ждать следующего рейса, подошел к стоянке такси. Попутчиков не было, но уговорил таксиста за двойную цену отвезти до села, которое находилось где-то на самом краю Кубани.

Добрался к заходу солнца. С чего же начать? Тут я никого не знаю, у кого же спросить?. Но, прежде всего, нужно было устроиться где-то на ночлег. Есть ли тут гостиница или что-то подобное? Этот вопрос я задал встречной женщине.

- Есть Дом колхозника, но обычно там свободных мест нет, - ответила она и показала на какой-то особняк.

Но она ошиблась. Свободные места были. Меня приветливо встретила пожилая женщина. Она тут была и за заведующего, и за кассира, и за уборщицу. Едина в трех лицах. Даже паспорта не спросила. По-видимому, на такие формальности тут не обращали внимания и просто верили людям. В комнате, куда меня поселили, стояло две кровати. На одной из них я должен был провести сегодняшнюю, а может, и завтрашнюю ночь. Пока я, слегка поужинав в маленькой забегаловке, вернулся назад, настал вечер. Я решил отдохнуть и делами заниматься с утра.

Я был почти сутки на колесах. Сильно хотелось спать. Во всем теле чувствовалась усталость. Но спать не пришлось. Как только закрыл глаза, кто-то постучал в дверь. Открыл. Это была хозяйка Дома колхозника.

- Из моих жильцов один пришел пьяный и упал во дворе. Помогите притащить его в комнату, - попросила она.

Пока мы возились с пьяным, сон покинул меня. Решил посидеть на свежем воздухе, покурить. Тем более, хотя на земле лежал снег, погода была тихая, приятная. Как только я сел во дворе на скамейку, хозяйка, её звали Петровна, подошла и тоже присела возле меня. Она держала тарелку с яблоками. Видно, хотела отблагодарить за помощь ей с пьяным.

Поговорили о том, о сём. Вдруг мне в голову пришла идея: попытаться узнать что - либо о Раиной матери.

- Двадцать лет, как я не был в этом селе, - сказал я, чтобы направить разговор в нужное мне русло. - За это время произошли большие изменения. Даже не верится...

- Разве вы отсюда родом?

- Вроде, - неопределенно ответил я. - Мои родители уехали отсюда, когда мне было лет пять - шесть...

- Тогда я должна их знать. Как их звали? - спросила она.

Я смело ответил. Похоже, сказал правду, так как был уверен, что Петровна не имеет никакого понятия о моих родителях. Они никогда не жили здесь.

- Нет, не припомню, - сказала она.

- Как же, они жили у Хаджи-Мурата на квартире. Как мне рассказывали, потом где-то сами построили дом...

- Погоди, кто же эти Хаджимуратовы? Они и сейчас здесь живут?

- Наверно. Помню, предки говорили, что жену звали Мариям...

- Мариям? Неужели про эту несчастную семью говоришь? Точно, мужа звали Хаджи-Мурат, а жену Мариям.

- Знаете их?

- Знаю. Лучше бы и не знала...

- Почему вы так говорите?

- Если бы вы знали историю этой несчастной семьи...

- Так поведайте, спать еще рано, да и ночь впереди длинная, - пристал я, чувствуя, что получу некоторую информацию.

- Рассказывать о таких вещах неудобно, да и нехорошо, - отнекивалась она. - Вы можете подумать, что я сплетница. Но раз начала, то уж так и быть расскажу.

...Хаджи-Мурат был хорошим и трудолюбивым человеком. Мы тогда жили недалеко от них. Твои родители, наверно, знают и наших. Так вот, Хаджи-Мурат был где-то на заработках. Мариям осталась тогда в положении и родила дочку. Она была красавицей. Тогда мужчин было мало. Но и те, которые были, всячески старались завоевать её расположение, симпатии, хотя и знали, что муж живой. Но она честно ждала своего любимого мужа и никого близко не подпускала. От обиды и злости некоторые бессовестные мужики распустили нехорошие сплетни. Через два или три года вернулся с заработков Хаджи-Мурат. До него дошли слухи, что Мариям в его отсутствие принимала мужчин. Соседи, родные, да и честные люди старались объяснить Хаджи-Мурату, что его жена чистая, порядочная женщина, и все эти разговоры - сплетни завистливых людей. Но умный в прошлом Хаджи-Мурат как будто стал другим человеком. Кроме сплетен, ничему не поверил. Сперва он хотел и дочку

забрать, но закон был на стороне Мариям. Это ему не удалось. И он покинул дом, уехал куда - то на Север. Больше о нем ничего не слышно.

- Бедной Мариям трудно было пережить такой позор, - продолжила Петровна. - Но все же на ногах устояла: работала, воспитывала дочку, жила, как и все в селе. Лет через восемь-десять вышла замуж за какого-то приездежего. Никто ее за это не осуждал. Женщина молодая, да и мужчины ей не давали покоя. Наверно, и одиночество надоело. Года три или четыре жили душа в душу. Но потом он начал пить...

Однажды утром она сказала, что их дочка сильно заболела, и ее увезли в районную больницу. Тогда ей было пятнадцать или шестнадцать лет. Как, что - толком никто не знал. А отчим с матерью тоже отсутствовали. А может, и они поехали с нею. Через несколько дней все вернулись домой. Но наутро дочь исчезла. Куда она делась, никто, в том числе и мать, не знали. Вся родня, знакомые искали до вечера, но так и не нашли. А когда вечером собрались в доме Мариям, обнаружили, что муж повесился. Приехали люди из милиции, прокуратуры, но ничего не изменилось. Дочь их не нашлась, а почему этот пьяница повесился, осталось загадкой. А может, нам ничего не сказали, чтобы не наводить смуты, не знаю. Только не выдержала все это Мариям. Сдалось сердце. Легла в больницу. Болтали, что у нее есть признаки помешательства. Я давно не видела, но, говорят, что и сейчас она такая.

Женщина помолчала, осмотрела невидящим взглядом двор, очевидно, вспоминая те прошлые годы, и вновь заговорила:

- Прошло еще несколько лет. Мариям все болела и не могла работать. У неё есть сестра, Люба. Хотя и живут отдельно, но в основном она и присматривает за ней, делится всем, что есть.

- А эта девушка так и исчезла? - спросил я с напряжением.

- О ней и хочу рассказать. Мы почти забыли о том случае, когда у Любы появилась какая-то девочка. Ей было с год или того меньше. Соседям Люба сказала, что та девушка жива, что где - то и за кого - то вышла замуж, что они оба работают, поэтому на время и привезли ей девочку. Но кто и когда - никто не видел. Что же тебе еще рассказать? Да, как-то по секрету Люба говорила о причине исчезновения той девушки. Кажется, её звали Раисой или Розой, точно не помню. Люба рассказала, что ту девочку ночью изнасиловал пьяница - отчим. По этой причине она попала в больницу. Почему-то с того вечера она возненавидела свою мать. Не могу утверждать, но когда привозила дочку к Любе, то не зашла проведать больную мать. А отчим потом понял, какой совершил грех, и, боясь возмездия, повесился. Вот такая приблизительно печальная история семьи Хаджи-Мурата.

- Значит, дочка Раи или Розы не у матери, а у Любы? - полюбопытствовал я, когда она закончила.

- Да, ведь Мариям за собой не в силах ухаживать. В основном лежит. Говорят, дочь где-то сейчас живет недалёко. Но не слышала, чтобы она приезжала. Может, и приезжала к своей малютке, а у матери не была. В этом деле виноваты отчим и водка. Так почему же, как её, Раиса или Роза, отвернулась от матери - не знаю. В свое время ходили разные слухи. Некоторые говорили, что Мариям просила, угрожала дочери, чтобы она молчала о случившемся. А может, та бросила мать, потому что она вторично вышла замуж. Ведь не выйди она за этого идиота, беда бы с ней не случилась. Но все это догадки и слухи.

- Интересную историю, даже трагедию вы рассказали, - признался я, вставая. - Однако уже поздно, пора отдохнуть. Спокойной ночи...

Я прилег на кровать и понял, что услышал что-то странное, даже страшное, невероятное. Такое под силу

придумать только Шекспиру или Шолохову. То, что услышал, превзошло все мои ожидания. Эх, Рая, Рая, оказывается, тебе с первых шагов жизни всегда встречались грусть и горе. Бедная моя Рая! Чего только ты не пережила. Однако не всегда же после таких потрясений люди теряют всякую надежду жить. Бывает и наоборот. Некоторые становятся хорошими людьми. Рая, неужели у тебя не хватило силы воли встать на ноги? Может, ты и не старалась? А может, считая все конченным, сама же смело шагнула в пропасть? Рая, Рая, неужели не знала, что в жизни хороших людей больше, чем плохих? И что же произошло между матерью и тобой? Кто из вас прав и кто виноват? Когда же счастье начало покидать ваш дом? Отец, отчим, мать и ты. На ком же основная вина в теперешнем вашем положении? Думы, думы. Вопросы, вопросы... Слишком много их стало для одной моей головы. Если эта женщина рассказала правду, а зачем ей врать, то, считай, я узнал все, что мне нужно. Можно считать, что почти закончил свое дело, которое привело меня сюда. Подожди, как это почти закончил? Я же не потому приехал, чтобы узнать это и уехать. От того, что получил некоторую информацию, ни Мариям, ни Рае, ни ее дочке, ни мне не станет легче. Ведь нужно же их как-то всех свести и помирить. Если я хочу стать членом этой несчастной семьи, то это мой прямой долг перед ними, перед своей совестью, перед людьми. А как это сделать? Пока не знаю...

Может, Раю как-то удастся уговорить? А как мать? Сколько лет из-за Раи мучилась, а теперь остывшее сердце матери может и не принять ее. Она может сказать, что ей немного осталось жить, и теперь ей дочь ни к чему. Тогда что? Мне кажется, она будет права. По крайней мере, по рассказу Петровны я не нахожу никакой её вины. Если первый муж поступил так гадко, неужели она должна была остаться одной? Тем более, не знала, что так кончится печально со вторым мужем. А то, что она якобы уговаривала Раю, чтобы та не выдала отчима,

- это какой-то абсурд. Ни одна женщина не может любить больше мужа, чем своего ребенка. Я уверен, знай Мариям истину, она бы сама каким - то образом убила мужа или заявила куда следует. Это нужно Рае объяснить. А если все было по-другому? Это я должен выяснить. Может, сразу зайти к матери Раи? А кем же я буду представляться? К тому же, если она психически больна, поймет ли меня? Скорее всего, нужно поговорить с её сестрой Любой. По-видимому, она умная женщина. Иначе вряд ли бы ухаживала за больной сестрой и одновременно воспитывала дочку Раи. А ей что скажу?

Длинная дорога, усталость, тяжелые, как холодный свинец, думы... Они победили рассудок и чувства. Сам не заметил, как заснул. Проснулся, когда уже взошло солнце. Я еще не знал, когда найду ответ на все мучившие меня вопросы. Поэтому нужно было очень экономно использовать время. Еще не было у меня определенного решения, с кого начать...

Не зная, что делать, походил некоторое время в квартале, где был Дом колхозника. Хотя сперва и не обратил внимания, постепенно начал чувствовать, как мороз протирается через мою одежду. Нужно было что-то делать. Остановив встречного мальчика, спросил адрес Любы. Она жила недалеко. И я решил зайти сперва к ней.

Что скажу ей, я пока не знал. Но не беда, по ходу разговора что -нибудь придумаю. С такими чувствами подошел к воротам, где жила Люба. Во дворе трусил коврик какая-то женщина. Когда увидела меня, внимательно посмотрела изучающим взглядом. По-видимому, ранний гость показался ей странным. Вдруг откуда-то из - за сарая выскочила огромная кавказская овчарка и понеслась в мою сторону. Очевидно, как и хозяйка, заподозрившая во мне худого человека. Ей бы хватило нескольких секунд, чтобы изорвать меня в клочья. Но тут Люба несильно махнула рукой и негромко вскрикнула:

- Стоять, Ульген! - И лохматый здоровенный пес замер, как вкопанный, потом упал на спину, словно перед уважаемым хозяином, и стал своей мягкой шубой подметать двор. - Такое я наблюдаю впервые, - удивилась хозяйка, пока мы знакомились. - Наверно, ты очень добрый человек, а он не любит плохих. Зачем же ты пожаловал, добрый человек? Проходи в дом, будешь гостем.

- Да ничего, я ненадолго, - произнес я первые попавшиеся слова. - Извините, что оторвал от работы.

- Пока человек жив, работа, сынок, не кончается. Да, собственно, какая у меня работа? Раз не хочешь зайти в дом, хоть садись сюда, - она подала мне вынесенную из коридора табуретку. На вторую села сама. - Я что - то, сынок, тебя не узнаю...

- Я издавека, - сообщил ей. - Муж Раи, - неожиданно даже для себя вырвалось у меня.

- Нашей Раи? - спросила она вдруг задрожавшим голосом. - Чего же ты до сих пор молчал? - Она поднялась и крепко обняла меня. Только мать, когда я приезжал домой, обнимала так. - Пошли, пошли в дом, - тут же повела меня в комнату хозяйка.

Миновали маленький коридорчик, вошли в небольшую комнату. В другой стороне коридорчика, насколько я понял, должна быть тоже такая же комната. Первой в глаза бросилась сидящая на кровати запеленатая кукла. Наверно, это была кукла Раиной дочери. Напротив кровати стоял диван, куда меня и посадила Люба. Бросились в глаза и выбеленная печка, небольшой стол посредине комнаты, два стула, над кроватью на стене висел старый коврик с нарисованными на нем кавказскими оленями. А на другой стене висели две рамки с фотографиями. Вот все, что находилось в комнате. Правда, еще на полу валялись детские игрушки, бумага, лоскутки материи. Видимо, ими играла дочь Раи. Ребенка не было, наверно девочка еще спала в другой комнате.

- Ну, рассказывай, сынок, как вы живёте? - ласково

спросила она, присаживаясь возле меня. - Где работает Рая, как её здоровье?

- Работает на заводе, здоровье тоже хорошее, - ответил я машинально. - Передавала привет.

- Не осуждай старуху, кажется, тебя зовут Борис?

- Нет, меня зовут Сеит. С Борисом они разошлись год тому назад...

- Между прочим, я его ни разу не видела. - сказала она растерянно. - Почему же эта непутевая не написала, что вышла за тебя?

- Да мы думали сразу же приехать к вам в гости. Наверно, поэтому и не написала. Но как-то не получилось. Она работает, я работаю. А приехал на день, на два. Хотелось просто со всеми вами познакомиться. Первым дошел до вашего дома, поэтому и зашел.

- Чего я сижу, ведь ты же с дороги, наверно, проголодался...

- Что вы, я вообще так рано не кушаю, - остановил я ее. - Как поживает Мариям?

- Лежит. Последние шесть лет в основном в постели...

- А что у нее болит?

- Не знаю, Сеит. По словам врачей, у нее есть все болезни, которые существуют на свете. К тому же она одна в доме. Говорю ей, чтобы перешла ко мне жить, не соглашается. Я тоже одинокая. Муж умер давно. Детей не было, поэтому и тянусь к чужим деткам. Вот и с Райной дочкой как-то веселей.

- Хорошо, что вы в добром здравии. Мариям, наверно, и не может ухаживать за огородом. Других доходов тоже, по - видимому, нет?

- В огороде давно ничего не сажает. Но получает пенсию. Соседи, родственники помогают. Да много ли нужно одной старухе? Все это ничего, только вот одиночество ее мучает. Врачи говорят, что из - за этого болезнь особенно углубляется.

- Ну, раз так, давайте мы переедем к ней или её заберём к себе.

- Так не получится, - не согласилась хозяйка. Потом, глубоко вздохнув, замолкла, очевидно, не знала, что дальше сказать.

- Почему же? - быстро спросил я, обрадовавшись, что разговор принимает нужный мне оборот.

- Да, Сеит, не получится, и все, - ответила она печально. - Понимаешь, у каждой семьи есть своё горе, какая-нибудь тайна. Нечто подобное есть и в этой семье. Так что вряд ли Мариям и Рая согласятся в дальнейшем жить вместе. Слишком давно они живут врозь. Если вы с Раей живете дружно, понимаете друг друга, больше ничего не нужно. А Мариям осталось жить не так уж много. Пусть живет, как жила. Лишь бы вы были счастливы. А девочку пока оставьте у меня. Мы уже привыкли друг к другу, да и вы не сможете ухаживать за ней...

Мы сидим молча. Я понимаю, что она не хочет рассказывать об отношениях Мариям и Раи. А я хоть и знаю приблизительно, хочу от нее услышать. Тем более, она больше знает о сестре, чем другие. Как бы там ни было, это дело необходимо уладить. Оставлять больного человека в одиночестве - это бесчеловечно и стыдно от людей. Пусть даже не будут жить Рая с матерью, но помирить их необходимо. Тогда мы с Раей будем поочередно приезжать. И это хоть как-то поднимет дух старой, немощной женщины.

- Когда же Рая была здесь в последний раз? - спросил я.

- Когда привозила дочку. Кажется, больше года прошло.

- А к матери заходила?

- Нет, - ответила она и умолкла.

- Как же так? Насколько я знаю, они же не виделись несколько лет. Тогда почему она не проведала больную мать?

- Не знаю, почему. Она очень торопилась. Наверное, боялась, что мать так быстро не отпустит.

- Все равно не понятно, как она так могла...

- Может быть, по пути провела перед отъездом. Я её не провожала. - Она хотела перевести разговор на другую тему, но, по-видимому, поняла, что так не получится, и добавила, выходя из комнаты: - Я сейчас вернусь.

Наверно, ей хотелось собраться с мыслями. Я остался один. Было понятно, что Люба мне не расскажет суть волнующего меня дела. Я её и не обвиняю в этом. Кому же приятно рассказывать о печальных и позорных событиях семьи родной сестры? К тому же незнакомому человеку? Но мне именно это хотелось от нее услышать. Если мы с нею не будем откровенными друг с другом, то я не смогу помочь этим несчастным людям. Если Люба и в дальнейшем будет избегать откровенного разговора, тогда мне нужно вести беседу как-то по-другому. Я все равно должен проведать Мариям. А может, у нее спросить? Нет, она вряд ли скажет. Если и скажет, то может во всем оправдывать себя. Но раз она такая слабая, то своим вопросом я могу причинить ей еще большую боль. Все это не входит в мои планы.

- Вот, Сеит, покушай, - перебила мои мысли Люба и поставила на стол картошку в мундирах, солёные огурцы, сливочное масло, хлеб. - Чем богаты, тем и рады...

- Зачем же вы себя утруждаете? - спросил я, хотя был голоден. Разговаривая с Любой на разные темы, я съел значительную часть того, что было на столе. Потом поблагодарил ее. И тут же рассказал Любе, что знал о Мариям, ее первом и втором мужьях, о несчастье Раи. - Так что не стоит от меня скрывать, - добавил в конце. - Мы с вами должны во всем быть откровенными, так как от этого многое зависит, в том числе отношения между нами. Если бы не думал о Мариям, о Рае, об ее дочери и, наконец, о вас, я бы не приехал. Среди вас один я - мужчина. Не знаю, прав я или нет, но считаю себя в ответе за всех. Поймите, я не потому приехал, чтобы узнать эти позорные факты, чтобы потом стыдить или

унижать Раю, рассказывая об этом. Нет, у меня другая цель. Хочу помочь, если смогу. Так что прошу вас ничего не скрывать от меня.

- Все это тебе рассказала Рая? - поинтересовалась Люба. И я понял, что ей неудобно было молчать, что она нечаянно задала этот вопрос, конечно зная, что Рая не стала бы рассказывать с такими подробностями.

- Нет, если бы она рассказала, я бы поговорил с ней обстоятельно. Постарался бы решить, как быть в дальнейшем. Тогда моя задача здесь была бы значительно легче. А сейчас я не знаю, что скажет Рая. Неизвестно и мнение Мариям. Так что войдите в мое положение.

- Кто же все это рассказал тебе? - забеспокоилась хозяйка.

- Это сейчас не имеет значения. Нам нужно думать о том, как лучше действовать в дальнейшем. - Я уже понял, что в этом трудном диалоге узду взял в свои руки. Поэтому говорил смело, даже требовательно. - Теперь ваша очередь рассказывать. Хочется услышать о тех моментах, которые я не знаю.

- Тебе рассказал сведущий человек, - призналась она. - Но это то, какой слух ходил тогда в селе. В этом рассказе есть правда и неправда. - Немного подумав, Люба продолжила: - Когда этот идиот надругался над девочкой, Мариям не было дома.

У нашего дальнего родственника родился сын. Мы все были там. Даже отчим Раи был там, но недолго. В тот вечер приехала из города одна наша знакомая. Сперва была у меня. Дом был на замке. Потом пошла к Мариям. У нее тоже никого не было, но двери были открыты. Рая у подруги готовила уроки. Эта женщина была уставшая, сразу легла на диван и уснула. Никто ее и не видел. Рая вернулась поздно. Во дворе встретилась с отчимом. Он был пьяным. Когда вошли в дом, и случилось это несчастье...

- Неужели эта приезжая женщина не проснулась?

- Конечно, проснулась, но боялась скандала и сдела-

ла вид, что спит. А может, и не знала, что получится так. А когда случилось непоправимое, боясь ответственности, боясь попасть в свидетели, она ночью выскользнула из дому и удрала в город. Как, не знаю. Когда она выходила, Рая ее заметила. Но она была в том состоянии, что не узнала, кто это. Но была уверена, что это Мариям. Дочь так поняла, что мать все это время находилась в доме и не предотвратила беду. Вот по этой причине и остыла навсегда к матери. А эта женщина никому и ничего не сказала до самой смерти. Умерла два года назад. Перед кончиной рассказала мужу, чтобы успокоить душу, попросила его, чтобы он поехал к нам, рассказал и попросил за нее извинения. Хотела, чтобы мы простили ее. Муж так и сделал. Но мы, конечно, не простили, пусть бог тоже не простит.

- И Рая до сих пор не знает правды?

- Знает. Когда она привозила дочку, я подробно рассказала ей. Рая не поверила. Слишком сильное самовнушение. Когда она, проклиная мать, начала плакать, я не стала ей больше говорить об этом. Мариям и не просила дочь, чтобы она скрыла отчима. Это были слухи. В больнице Рая даже близко не подпускала мать. А когда выписалась домой, в тот же вечер исчезла. Между прочим, Рая с Мариям и дома не разговаривала. Я точно знаю. И в больнице Рая почему-то не сказала врачам об отчине. Не знаю, именно какие, но она при всем при этом нашла другие причины. Так что отчима она сама защитила. Почему, для чего, не знаю. Может, не хотела позорить мать. Даже в тот раз я у нее спрашивала, почему она его скрыла? Ответила, что сама не знает. Но мне кажется, что она сама хотела его убить. Отчим перед тем, как повеситься, оставил записку. Он проклинал себя, обо всем написав открыто и с раскаянием. Но о той женщине ничего в записке не было. Может, он ее и не заметил.

Закончив рассказ, Люба внимательно посмотрела на меня. Ее взгляд будто говорил мне, что ничего не утаила.

И теперь, мол, нужно что-то сделать и для этой семьи. А что и как делать? С чего начать? С кем первым из них переговорить? Если бы был здесь кто, с кем можно было посоветоваться...

- Первый муж без вины бросил и опозорил. Второй оказался пьяницей и насильником. Родная дочь придумала тяжкое обвинение против нее. Все это доконало сестру, - чуть не плача, резюмировала Люба. - Некоторые ко всему как-то относятся легко. Все для них быстро проходит. Но Мариям не из таких. Стала сердечницей, поднялось давление, заболели нервы. Тут она и заявила: "Если Рае мать не нужна, то и мне дочь не нужна". За все эти годы она еще ни разу не изменила этой клятве. Даже нам запретила говорить о дочери. Утверждает, что у нее не было и нет детей.

- Так, значит, не только Рая прокляла мать, но и Мариям прокляла дочь?

- Да, к сожалению. Тебе спасибо, Сеит, дай Бог счастья. Хорошее, благородное дело начал. Но, к сожалению, ни ты, ни я, никто другой ничего уже не может изменить.

- То есть, как не может изменить? Вы сестра, я зять ей. Люди из одной семьи. Неужели не послушают нас? Тем более, мы все выяснили, расскажем, докажем. Это же для них делается.

- Все это верно, но я хорошо знаю характер сестры. Тем более, что она все это тяжело пережила. Горюет вот уже сколько лет. Нет, уговорить ее невозможно...

- Все же я не верю, чтобы так остыло материнское сердце.

- Хотя вы, дети, и не всегда это понимаете, но матери тоже люди, а не существа из железа. Как сильно они умеют любить, так же сильно могут остыть, обидеться...

- Ну, хорошо, а если Рая встанет перед нею на колени, если мы тоже будем с двух сторон просить, неужели не уговорим?

- Мы с тобой ладно. А ты уверен, что Рая согласится, да еще встанет на колени?

Я растерялся. Почему-то об этом и не подумал. Действительно, Рая, которая не желает и слышать о матери, опустится перед нею на колени? Хорошо, я буду настаивать, чтобы она сделала именно так. Даже, в конце концов, скажу, что иначе я брошу ее. Напомню высказывание, что тот, кто не умеет ценить мать, тот не будет ценить и других. Докажу, что Мариям не виновата. А что я буду делать, если Рая пропустит все это мимо ушей и не согласится?

- Почему молчишь? - перебила мои мысли Люба.

- Не знаю, как ответить, - честно признался я.

- Значит, сомневаешься, что Рая сделает так?

- Пока не поговорю с нею.

- Я тебе и так скажу: Рая не согласится. Не переубедишь ее в том, что та женщина была не мать. Вместе с горем детства эта уверенность вошла в душу и укоренилась. Но, допустим, она будет просить прощения на коленях. Но все равно Мариям не простит - я в этом уверена.

- Так что же нам делать?

- Не знаю, - печально ответила она. - Но раз ты непременно хочешь попробовать, я не против. Но пока ты не поговоришь с Раей, беспокоить Мариям не нужно. Она итак еле дышит, как бы чего не случилось.

- Согласен. Только я должен проведать Мариям...

- Это, пожалуйста...

- А как мне лучше представиться? Кто я?

- Не будем это скрывать. Скажешь, что ты муж Раи. А лучше сперва зайду я, расскажу и подготовлю ее. Она очень скупает по людям. Безмерно рада каждому, кто зайдет. Хотя она и прокляла, но все равно обрадуется счастью дочери. А ты, Сеит, похоже, можешь прийти каждому по душе. По-видимому, на наше счастье породнился с нами. Почему-то долго завтракает девочка? Пойду, посмотрю, - пошла она в другую комнату. Я же вышел во двор и закурил.

Через некоторое время Люба вышла с девочкой. Она была очень похожа на Раю.

- Вот твой папа, - сказала Люба.

Я взял девочку на руки. Она нежно обняла меня и поцеловала в щёку. У кого нет своих детей, тот, наверно, не умеет толком разговаривать с ребенком. Я чувствовал, что не так нужно говорить, но и молчать было нельзя.

- Что ты ела? - спросил я, не зная, с чего начать.

- Сметану с хлебом дала бабушка, - ответила она и тут же сама начала задавать вопросы: - Это игрушка? - спросила она, показывая на заколку галстука.

- Тебе нравится? Ну, бери. - Я снял и отдал ей. Потом она вытащила из кармана расческу. Сперва расчесала свои, а потом и мои волосы. Положила назад. Там же была ручка. Дотронулась до нее. Но ручка почему-то не заинтересовала ее.

Девочка была красива, как кукла. И не только Рая, но теперь и я буду по ней скучать.

- Лариса, - сказала Люба, - иди теперь к Элле и Артуру, поиграй. Нам нужно сходить в одно место...

- Быстро возвращайтесь, - бойко попросила Лариса. - Я буду смотреть на улицу и, когда увижу вас, побегу навстречу. Ладно, бабушка?

- Хорошо, дочка. Я принесу тебе куклу...

- Как у Эллы, да? Чтобы глаза закрывались?

- Ладно, даже лучше принесу...

И девочка побежала в дом, который находился на другой стороне улицы.

Мы подошли ко двору Мариям. Я остался у ворот. Люба вошла в дом. Смотрю на владения матери Раи. Это строение, по-видимому, когда-то украшало село. Больше среднего размера квадратный дом с черепичной крышей. Но сразу можно заметить, что за ним смотреть некому. Кое-где на крыше зияли дыры - это бывшие места сломавшихся или упавших на потолок черепиц. Цвет краски оконных рам и дверей трудно было определить. Его изме-

нили дожди, ветры, холода и время. И красить их было некому. Стоят большие ворота, но по обеим сторонам покосился забор. Вокруг двора виднелись бурьян и дикорастущие кустарники. Хотя снег и укрывал их, но можно было определить, что огород тоже отдан во власть ненужных трав. Им никто не пользовался.

- Ну, теперь пошли, - перебила мои наблюдения и размышления вышедшая из дома Люба. - Комната была неубрана. Мариям одевается. - Ты соглашайся во всем с нею, если что будет говорить. Сейчас она чувствует себя лучше. Не дай бог опять...

Мы вошли во двор. Опираясь на косяк входной двери, стояла высокая, очень худая женщина. Лицо ее было желтое. С первого взгляда можно было принять за мертвеца, но глаза выдавали какой-то признак живого человека. Голова была без платка. Волосы мне показались белее снега. Одета была в халат. Когда-то этот халат, наверное, был сшит по ней, но сейчас... А что было на ногах, не знаю.

Все это я заметил, пока шел от ворот до порога. Подойдя близко, протянул руки, чтобы поздороваться. Но она руки не подала, а обняла меня. Мы так, обнявшись, постояли считанные секунды. Вдруг я почувствовал, что она, словно безжизненная, начинает оседать. Я более крепче обхватил ее и, чтобы она не замерзла, вошел в коридор. В моем сердце появилась большая жалость к этой женщине. В глазах невольно навернулись слезы, и какая-то странная дрожь пробежала по телу.

А Мариям плакала, плакала, дрожа всем телом.

Через некоторое время она успокоилась. Положив седую голову на мою грудь, стояла молча. Эту женщину я вижу впервые. Она мне еще не теща, просто никто. Увижу ли ее еще или нет, тоже неизвестно. Но у всех пожилых женщин есть что-то общее. В них я узнаю какие-то черты моей матери. Если вижу, что кто-то из них кому-то радуется, это считаю чуть ли ни своим счастьем. А если

покажется кто-то из них грустным, то все время думаю, почему и отчего это так? А биография Мариям мне была уже известна. Но пока сам ее не увидел, то не думал, что так растеряюсь. Однако я не знал, что сейчас делать, что ей сказать. Да и есть ли такие слова, которые могли бы развеять её грусть, переживание?

Я почувствовал, что кто-то приблизился к нам. Поднял голову. Это была Люба. А я даже забыл, что она здесь. Люба положила руку на плечо сестры. Мариям посмотрела на нее с благодарностью.

- Ну, сестричка, хватит тебе ласкать своего зятя, - заметила она. - Ты бы хоть посмотрела в его лицо. А то в следующий раз не узнаешь...

Мариям не выпускала меня из объятий. Первый раз внимательно посмотрела на меня и улыбнулась. Потом, как ребенку, погладила мне голову.

- Спасибо, что приехал проведать, - первый раз заговорила она слабым голосом. - Дай Бог тебе счастья, здоровья. Желая на долгие годы такую радость, какую доставил ты мне сегодня. А теперь иди, сынок, Тебе долго ехать, а зимний день короткий. Я устала, пойду прилягу.

Люба за руку повела сестру в дом, а я вышел на улицу. Почему она так быстро выпроводила меня? На этот вопрос я не нашел ответа. Черт возьми, ведь нужно же было, когда шел сюда, что-нибудь ей купить в подарок! Слишком быстро с нею разошлись, можно было извиниться и дать ей хотя бы денег.

Люба вышла быстро.

- Иначе нельзя было, - объяснила она, как бы извиняясь, что не пригласили в дом. - Я не думала, что она так скоро отпустит тебя. Спросила, почему так быстро рассталась с тобой, говорит, побоялась, что быстро привыкнет к тебе. Может, так оно и есть. Хочу добавить, что она не так быстро располагается к людям. А ты пришелся по душе. В следующий раз можешь заговорить и о Рае. Кто знает, возможно, удастся ее как-нибудь уговорить. По крайней мере, сейчас она своим поведением

дает повод так думать. Но прежде, чем с нею говорить, постарайся найти общий язык с Раей.

- Хорошо, я еще приеду, - пообещал я. - Но вы почаще пишите нам, да и говорите с нею о нас побольше.

- Ты хочешь поехать сегодня?

- Да, надо ехать, - ответил я. - А это отдайте Мариям, я не успел купить ей подарок. - Я протянул ей деньги. Потом вспомнил о девочке, которая просила куклу, добавил еще и сказал, чтобы она по пути купила куклу. Она отказывалась брать, но я все же уговорил.

- А на дороге тебе осталось? - забеспокоилась она. Этого я не знал, но...

- Еще останется! - смело ответил я. Но когда увидел большой одноэтажный дом с вывеской "Сельский Совет", зашел в него. Попросил председателя, чтобы больше внимания уделял Мариям.

Так кончился мой первый визит к родным Раи.

15

Думал, как только вернусь, расскажу Рае, что был у ее родных, уговорю, чтобы она помирилась с матерью, и, наконец, сам сведу их. Но так не получилось. Пока я думал о том, как лучше ей все это сказать, как ей доказать, что и она виновата, прошло несколько дней. Да, начать этот разговор мне было трудно. Особенно мучило то, поймет ли все это Рая? В этом я не был уверен. А раз начал, то должен был довести до положительного финала. Только до положительного, что и заставляло меня обдумывать и взвешивать все "за" и "против".

Однако за несколько дней я так и не пришел к определенному решению. Но откладывать больше нельзя. Поэтому решил, что начну разговор, а по тому, как она станет реагировать, буду перестраиваться. Остановившись на этом, после работы я пришел к Рае. Она работала в первую смену, поэтому была дома. Она читала

учебник физики для восьмого класса, ибо в последнее время всерьез готовилась поступать в техникум.

- На плите горячий чай. Возьми и попей, - сказала она, погладив мою руку, которую я положил на ее плечо.

- А вот свежий номер "Работницы", почитай.

- А если я не хочу пить чай и читать "Работницу", а хочу сесть напротив и смотреть на тебя?

- Дай мне закончить главу, а потом можешь смотреть сколько хочешь. Ну, иди на кухню, а то и мне хочется на тебя смотреть. Сейчас закрою книгу.

- Ну, ухожу, читай, - согласился я и удалился на кухню. Налил чаю, но пить не стал. Предстоящий разговор не давал мне ни пить, ни есть, ни думать о чем - то другом.

Не прошло и пяти минут, как с улыбкой зашла Рая. Она села возле меня. Мы смотрим друг на друга. Может, Рая сильно соскучилась по мне, потому так внимательно смотрит. А я гляжу на нее в надежде увидеть что-либо в ее лице, которое могло бы подсказать, чем кончится предстоящий и трудный разговор.

- Эх ты, когда заходят женщины, воспитанные мужчины встают, - заметила она, улыбаясь. - А ты не только не встал, но даже не предлагаешь чаю...

- Извини, если можешь. Хотя воспитанные женщины спрашивают разрешения, когда входят в комнату, где находится мужчина.

- У вас, молодой человек, устарелые взгляды, - с улыбкой отмахнулась она.

- Разделалась с Ньютоном? - перевел я разговор на другую тему.

- Я не законы Ньютона читала, - ответила она. - Оказывается, физику ты тоже плохо знаешь. Ньютона изучают до восьмого класса.

- Когда я вижу тебя, не только Ньютона с его заумными законами, но даже любимого Лермонтова забываю, - высказал я, скрывая свое смущение.

Я был уверен, что Рая считала меня за самого образованного, умного, все понимающего человека. Тем бо-

лее, я все время был учителем, а она ученицей. И если учитель знает меньше, чем ученица, - это уже потерянный авторитет. Странно, но до сегодняшнего дня мне это и в голову не приходило. Другие предметы я знал хорошо, отвечал на все ее вопросы. А сегодня физика опять подставила подножку. При первой же возможности надо повторить физику.

Мы закончили чаепитие. Шутя и смеясь, вышли из кухни. Недавно мы купили небольшой диван с тумбочкой с одной стороны для постельных принадлежностей. Сели на него. Настала самая ответственная пора для меня. Сестре матери, Любе, я обещал тогда поговорить с Раяей в ближайшие дни. А прошло уже немало времени. Как бы там ни было, сегодня я должен поставить точку на мучивший меня вопрос. Раз так...

- Раяя, - заговорил я, одной рукой обнимая ее, - в эти дни нужно съездить к твоим и привезти твою дочку...

- Мы же договорились, пока оставить ее. Мне нужно готовиться.

- Но, Раяя, ты же обещала ничего не скрывать от меня, помнишь?

- Помню и ничего не скрываю.

- Почему тогда говоришь, что твоя дочка у матери?

- Да так оно и есть...

- Нет, обманываешь, - не согласился я, - твоя дочка воспитывается у Любы.

Раяя резко подняла голову, испуганно посмотрела на меня и спросила:

- Откуда ты знаешь?

- Раз говорю, значит, знаю точно.

- Да иначе бы ты и не говорил, - со вздохом согласилась она. - Ну, ладно, что же дальше?

- А дальше то, что Люба уже старая, и ей нелегко ухаживать за ребенком. Нужно девочку забрать сюда. Когда ты дома, будешь смотреть сама. Кое-когда я побуду возле нее. На худой конец, найдем кого-нибудь, заплатим...

- Понимаешь, Сеит, если я начинаю говорить о чем-то, ты уже знаешь, какой будет конец. Иногда внимательно смотришь мне в лицо и почти безошибочно читаешь мои мысли, словно телепат. Я к этому уже привыкла. Но, хотя ты на это не обращаешь внимания, я тоже многое могу предсказать по манере разговора, по взгляду, по тому, как ты себя держишь, даже по твоему строению. Это я говорю к тому, что мне кажется, что разговор о девочке ты начал не только ради нее. Чувствую, что все равно скажешь еще что-то. Так не тяни резину, говори сразу...

- Я ездил в твое родное село. Познакомился с Любой, проведал твою дочку, мать.

- Это правда? - испуганно спросила она, не скрывая раздражения.

- Правда, Рая, - неуверенно ответил я и рассказал ей по порядку все, что видел. - Когда-нибудь я же должен был с ними познакомиться, что и сделал, - закончил я.

- Они мне более близки, чем тебе. Они же родня мне. Почему же не спросил у меня, можно ехать или нет? - со злостью спросила она.

- Ты бы не разрешила...

- Естественно, не разрешила бы. Вообще не нужно было ехать туда. Раз я сама не хочу ехать к родным, ты должен был знать, что для этого есть веские причины. Очень плохо сделал, что побывал там.

Я увидел слезы на ее глазах. И она опустила голову, замолчала. А мне стало как - то не по себе.

Она молчит, и я молчу. Пока Рая не полностью знает причины, которая заставила меня поехать к ее родным. Какие у меня планы в связи с этим на будущее - об этом она и понятия не имела. Даже не ведая о них, у нее резко изменилось настроение. Я такого не ожидал. Как же теперь продолжать разговор? Может, отложить на завтра? К тому времени у нее может подняться настроение. И она лучше поймет меня, да и мне легче

будет говорить с нею. Когда я уже пришел к такому выводу, Рая вдруг заговорила:

- Как бы там ни было, ты поехал, повидал моих, а теперь успокоился или хочешь еще раз поехать вместе со мной и поближе познакомиться? - высказалась она и тут же добавила: - Если у тебя есть такие мысли, то ты ошибаешься - этого не будет...

- Почему? Почему не хочешь ехать? Понимаешь...

- Нет, не понимаю.

- Поедешь, должна поехать, - грубо и резко возразил я. Но тут же понял, что переборщил. Она, по-видимому, не ожидала, что я так быстро начну на нее кричать, и опасливо посмотрела на меня. - Нужно ехать, - сказал я тихо.

- В последнее время я все делала так, как ты говоришь, - вновь подала она голос. - Но пусть хоть изредка будет так, как я хочу. Я туда не поеду. Если даже поеду, не найду домой. Возьму дочку и вернусь. Так что, прошу, не настаивай зря.

- Ну, хорошо, не буду настаивать, только скажи, почему не хочешь повидать своих?

- Понимаешь, Сеит, - жалобно заговорила она, - в каждой семье есть свое горе, своя тайна, которую скрывают от людей. И у нас есть. Если ты не будешь знать об этом, ничего не случится. Если можно было бы поведавать об этом, я бы давно рассказала...

- Рассказывай, не рассказывай, - начал я, чтобы намекнуть, что знаю эту тайну, но Рая перебила меня.

- Давай оставим этот разговор, - сказала она. - Прошу, не надо. Я не хочу с тобой ссориться, портить отношения. Мы давно никуда не ходили, давай сходим в кино...

Между прочим, и я не хотел портить с нею отношения. Я даже обрадовался тому, что прерываем этот трудный разговор. А если нет, то завтра. С такими мыслями я повел ее в кино. Показывали кинофильм "Солдат Иван Бровкин". Я и раньше смотрел его, а Рая пошла впервые. И смеялась от начала до конца. Я даже удивился

такой быстрой перемене. Ведь после нашего разговора она была очень взвинчена. Неужели так быстро все забыла? Может, и вела себя так, чтобы забыть? А может, делает вид? Но зачем это ей? По-видимому, она знала, что когда - нибудь такой разговор у нас состоится. Возможно, радуется, что он позади.

Кино закончилось. Мы вышли на проспект. От множества фонарей было светло, как днем. Как любил говорить Азрет, "Мы посмотрели на людей, показали себя". Через полтора часа пришли домой. Рая была тоже веселая, как и во время просмотра кино. Пока это так, я решил еще раз попытаться.

- Так что же будем делать? - спросил.

- В каком смысле "что делать"?

- Насчет поездки к твоим?

- Мы же об этом закончили разговор, - ответила Рая, и у нее и следа не осталось от хорошего настроения.

- Нет, Раечка, мы только начинаем. А коль начали, надо довести до конца, - настаивал я. - Сердись, не сердись, нам нужно решить этот вопрос.

- Я же сказала, что не поеду. По-моему, это и есть решение...

- Нет, дорогая, ты говоришь так, как думаешь. А я думаю по-другому. Ведь так нельзя. Когда дело касается таких важных вопросов, то, мне кажется, нужно решать вдвоем.

- В принципе ты прав, однако в этот раз речь идет о моих близких. Значит, я имею больше прав, и должно быть так, как я говорю. Тем более, ты ничего не знаешь о прошлом нашей семьи.

- Нет, знаю...

- Чего ты знаешь?

- Знаю, почему в вашей семье получился разлад. Знаю, почему ты отреклась от матери. Знаю, почему сейчас твоя мать не желает не только видеть, но и слышать о тебе, - заявил я, не желая попусту тратить слова. - Даже лучше, чем ты, знаю, почему, как, отчего все

это поучилось. Если хочешь скажу, кто в основном виноват...

- Ишь, смотри, - с иронией произнесла она. - Значит, долго копался в семейном архиве?

- Да, иначе не мог.

- Ты же не с моими близкими, а, насколько я знаю, со мной собираешься жить. Так зачем же все это было нужно? - она стала выходить из себя. - Ну, ладно, ты все узнал, что с того? Наверное, тебя очень обрадовала эта история...

- Нет, наоборот...

- Я только начала забывать обо всем пережитом, которое преследовало меня, как кошмарный сон, как моя тень. А ты снова напомнил об этом. Это жестоко. Ты мог жениться на мне, мог и не жениться - это дело твое. А вот какое тебе дело копаться в нашей семейной тайне - не могу понять. Вообще, зачем все это тебе нужно?

- Значит, нужно, - резко ответил я. - Между прочим, я тоже могу кричать, иронизировать. Лучше давай говорить спокойно. Постарайся вникнуть и в смысл моих слов, если я не прав, сделай так, как считаешь нужным.

- Да пойми ты, в этом деле я никого не хочу слушать, - вымолвила она и начала плакать.

- Нет, будешь слушать! - властно, как приказ, отрезал я. - В том, что вы с матерью разошлись навсегда, в том, что она на всю жизнь стала лежачим больным, в том, что ты все время катилась по склону на дно - во всем этом ты одна виновата...

- Я? - с испугом перебила она. - Я виновата?

- Ты виновата. Если бы ты не ушла тогда из дома, а выяснила бы все, как было, то на долю твою и матери не выпала бы такая участь и такие испытания. А ты и дальше не хочешь исправлять эту ошибку...

- Где я, там всегда и во всем виноватой оказываюсь я, к чему уже привыкла, - выдавила недовольно она, вытирая слезы. - В этот раз это уже слишком. Я пострадавшая и во всем права.

- Тогда послушай, я тебе расскажу все...

- Это я знаю лучше тебя...

- Нет, не знаешь. И вообще почему ты все время перебиваешь? - повысил голос я и рассказал все, что мне было известно. При этом в оправдание ее матери кое - что добавил и от себя, увеличивая вину Раи. Она выслушала меня очень внимательно. Но когда я закончил, сказала:

- Все это сказка. И ее выдумали моя мать и ее сестра...

- Нет, так было на самом деле, - перебил я ее. - Какая мать будет смотреть, как издеваются над ее дочкой. Еще хуже, не обращая внимание на это, какая мать выйдет из комнаты? Ты понимаешь все это, соображаешь или нет?! И вообще ты можешь мыслить по - человечески, хотя бы на миг забыв печальный случай в детстве? То убеждение, наверно, осталось в твоей крови, и ты все выводы делаешь, исходя из этого. Вот у тебя самой растет дочь. Поставь себя на место своей матери. Неужели ты бы, не дай бог, при такой ситуации бросила на растерзание свою дочь? Нет, конечно! Так почему же ты уверена, что твоя мать меньше любила тебя, чем ты свою дочь?

Рая все время раскрывала рот, хотела что - то сказать, но я делал вид, что этого не замечаю, и продолжал быстро говорить.

- Если ты человек, почему же не думаешь о матери? Даже звери до поры, до времени привязаны к своим родителям. Почему ты никогда не задумалась, как она прожила свою жизнь, каково ее существование сейчас? Поверив сплетням, твой отец бросил честную женщину. Думаешь, легко она перенесла такой позор? Нелегко было в то время одинокой женщине. Вышла замуж. За это ее нельзя обвинять. Он оказался пьяницей, деспотом, но мать сразу не смогла разойтись и со вторым мужем. В селе это позор. Терпела. Как будто ей было мало всего этого, ты тоже бросила и ушла, куда глаза глядят. Так скажи, где же справедливость? Не много ли все это для

одного человека? Неужели тебя не трогает судьба женщины, которая в своей сознательной жизни не видела радостей? А она все-таки тебе мать. При этом ты не просто покинула ее, а обвинила в таком деле, которое даже во сне не может присниться. Чудовищное обвинение. Все это доконало честную женщину. А теперь она уже не может без посторонней помощи подниматься с постели. - Рассказывая все это, я сперва старался, чтобы Рая вникла в смысл моих слов, верила им. Но потом, оказывается, перестал даже думать об этом. Говоря, кричал на нее, бил по столу кулаком. Это я понял только к концу своего "выступления". - Я ее всего один раз видел, - сбавил я голос, - и я понял, что она умная, честная женщина. Одна стоит ста таких, как ты и тебе подобные. Не могла она поступить так, в чем ты ее обвиняешь. Если не веришь сказанному, то вот прочитай письмо.- При этом положил перед ней тетрадный лист, с обеих сторон исписанный мелким почерком. - Это письмо дочери той женщины, которая в ту злосчастную ночь оказалась у вас и так по-свински поступила. Вот и ее фотография. Она же и раньше приезжала к вам, по-видимому, ты узнаешь ее. Я их получил на днях. Если и этого мало, давай сперва поедем к той женщине, которая написала это письмо. Поговоришь с нею...

...Я курю. Рая смотрит на фотографию. Потом начала читать письмо. Я выложил ей все. Теперь все зависело от нее. Если всему этому поверить, значит, дело, которое я начал, завершится моей победой, победой справедливости. А если нет, то я проиграл. Других доводов и возможностей у меня нет. Теперь все зависит от нее.

...Я все курю, делая вид, что не обращаю на нее внимания. Она прочла письмо. Начала читать вторично. дочитала. Положила на стол. Сверху письма - фотографию той женщины. Воцарилась гнетущая тишина. Я все время смотрю краем глаза на нее. Лицо Раи как-то стран-

но изменилось. Мне показалось, что оно стало белее снега. Я даже испугался, думая, что она упадет в обморок. С другой стороны, обрадовался, надеясь, что она переживает за свой поступок по отношению к матери. Было похоже, что в ее душе шла острая борьба. Ежели это так, то я почти достиг цели. Мы долго сидели молча. Я ждал. Она, наверно, думала. И вдруг не своим голосом закричала, зарыдала, бессильно уронив голову на стол. Я в жизни не слышал такого страшного крика и не видел, чтобы кто-нибудь так горько плакал. Я не мог вынести ее плача, видеть, как дрожало все ее тело, и вышел на кухню. Закрыв двери поплотнее. Прошел к окну. Смотрю на двор и курю. Но и здесь было слышно, как она плачет. Чувствовал, что долго не выдержу такое мучение.

... Долго смотрю в окно. Когда вышел на кухню, на улице еще ходило много людей. Теперь их почти не видно. Да и окна домов, которые стоят напротив, уже не светятся. Неудивительно. Время позднее, уже двенадцать часов ночи. Я уже искурил несколько сигарет. Мне кажется, ее плач грызет клапаны моего сердца. Что делать — не знаю. Уйти тоже нельзя. Может, выйти и постараться успокоить ее? Но вряд ли что получится. Лучше ей посидеть одной.

... Через некоторое время стало тихо. Не слышно было ее голоса. Я вышел из кухни. Думал, что она уже не плачет. Но я ошибся. Она все еще всхлипывала, но до того устала, что вслух плакать не могла. Она просто стонала, как смертельно больной человек. Все тело дрожало, как в лихорадке. Мне стало ее очень жаль. Я подошел к ней, положил руку на ее плечо. Она подняла голову.

- Иди домой, оставь меня одну, - чуть слышно прошептала она.

Я ничего не сказал. Радуюсь тому, что не буду видеть ее страданий, вышел из комнаты. Остановился во дворе. Подняв голову, посмотрел на окно Раи и направился на тротуар. Почему я ушел? Правильно ли я по-

ступил, оставляя ее одну в таком состоянии? Об этом я почему-то не думал.

На другой день, на рассвете, пришел к Рае. Своим ключом открыл двери. В комнате горел свет. Рая сидела в той же позе, в какой я ее оставил, положив на стол руки, а на них голову. Как она могла так просидеть до утра? Может, она умерла? Когда эти мысли пришли мне в голову, в моем сердце кольнуло. Я быстро подошел к ней и поднял голову. Она спала. По-видимому, слишком долго плакала, мучилась, что не было у нее сил добраться до постели. А может быть, от слабости и не заметила, как уснула. Как бы там ни было, она открыла глаза и внимательно посмотрела на меня. Потом, упираясь руками об стол, поднялась и крепко обняла меня. В ее глазах опять навернулись слезы. Но она не стала плакать. Качаясь, как пьяная, зашла в ванную, умылась, привела себя в порядок.

- Мне на работу пора,- сказала она. - Зайди после смены...

- Как же в таком состоянии будешь работать? - спросил я, удивляясь тому, что она за одну ночь так похудела и изменилась.

- Иначе нельзя. Скоро конец квартала. Пахаловки много. Но ты обязательно зайди...

Проводив ее, сам тоже пошел в редакцию. Но пришел слишком рано. Уборщица еще завершала уборку кабинетов. Поздоровавшись с ней, сел за свой стол. Хотя и точно не знал, какой будет финал, но все же, надеясь на лучшее, написал письмо в Краснодарский край Любе, сестре Раиной матери. Обещал, что скоро приедем, просил ее, чтобы готовила Мариям к встрече с нами.

После обеда я рано ушел с работы. Не дожидаясь, когда Рая доберется до дому, я отправился на завод. Когда у них закончилась первая смена, я стоял у ворот. Рая вышла с двумя подругами.

- Что ты здесь делаешь? - с радостным удивлением спросила она. Я поздоровался с ее подругами.

- Что за глупый вопрос, не видишь по глазам, сильно соскучился по тебе? - ответила за меня одна из подруг. Я ничего не успел сказать, как они быстро отошли от нас.

Не желая участвовать в давке, мы пропустили несколько переполненных автобусов. Но и после этого в автобусе, куда мы сели, было слишком тесно. Люди давили на нас со всех сторон. Мы с Раей оказались слишком прижатыми друг к другу. Тут я более внимательно посмотрел на любимую. На ее лице почти не осталось утренней печали и ночной белизны. Да и взгляд говорил о том, что она пришла в себя. Было видно, что она приняла какое-то решение и успокоилась. А какое - я не знал.

Тогда я не успел пообедать, а Рая, в этом я был уверен, не ела со вчерашнего дня. Поэтому, как только сошли с автобуса, я повел ее в кафе. Когда мы поднялись в ее квартиру, солнце приблизилось к закату.

- Когда поедим? - спросила она, как только мы вошли в комнату и присели на диван.

- Куда? - не понял я.

- К нам... к матери...

- Как только тебя отпустят с работы, - поспешно ответил я.

- Я сказала начальнику цеха о болезни матери. Он разрешил ехать в начале следующего месяца.

- Одним словом, после Нового года?

- Да. Сейчас не может отпустить.

А до Нового года оставалось восемь дней. Наверно, это и лучше. К тому моменту я получу письмо от Любы. Если она не смогла что -нибудь объяснить сестре, то есть ли вообще смысл ехать? В случае, если Мариям будет стоять на своем, не захочет помириться с дочкой, то нужно и после Нового года ждать того дня, когда при помощи Любы хоть чуть растает лёд материнского сердца. Обо всем этом Рая не знала.

- Ну, что же, - сказал я ей. - К тому времени я найду

машину. Выедем в пятницу. Ты будешь с ними несколько дней, а я уеду в воскресенье, чтобы в понедельник успеть на работу.

Но мы не поехали и после Нового года. По разным причинам я оттягивал наш отъезд, пока 10 января не получил от Любы письмо. Она писала, что несколько раз говорила с сестрой. Мариям еще не совсем согласилась с доводами и просьбами Любы. Однако в конце письма она добавила: “Хотя Мариям и не желает мириться с дочерью, но, мне кажется, если привезешь ее, она не выгонит Раю”. Ну что же и за это спасибо. Осталось только отправиться в путь.

В городе, да и в близлежащих аулах у Азрета было много друзей, которые имели машины. Недавно ему говорил, чтобы он организовал нам транспорт. И вот в пятницу утром он прибыл в редакцию на машине. Я еще вчера отпросился у редактора. Так что мы с Раей ждали.

- Среди моих друзей на колесах по такому глубокому снегу способен ехать только Барадин, - сказал Азрет.

- Где же ты так быстро нашел? - спросил я.

- Это тебя не касается, места надо знать, - отрезал он. - Каждый порядочный горец, когда едет в гости к близким жены, должен везти барашку для шашлыка.

- Так мы же еще не муж и жена, - смеясь, сказала Рая.

- Все верно. Слюшай, а ты умэешь рэзать и раздэловать барашку? - с кавказским акцентом спросил он.

- Нэт,- чистосердечно признался я, аж Азрет сплюнул от злости.

- Все мои усилия корове под хвост, - заявил он. - Нет, не получится из тебя порядочного человека. Ладно, Барадин поможет. Ну, счастливо...

В тот же день вечером мы добрались до места. Дорогой Рая вдруг с тревогой спросила меня:

- Почему ты в день нашей первой встречи назвал себя дураком из сарая?

- Есть такой анекдот. Попросился солдат переноче-

вать у одной старухи. Ночуй, согласилась она. Только места мало. Хочешь, ложись в сарай, хочешь – на печке с внучкой Раей. Он думает, зачем мне эта маленькая внучка, еще обмочится и меня обмочит. Пошел в сарай. Утром смотрит, на крыльцо вышла молодая красавица и стала потягиваться. “Ты кто?” – спрашивает ее. “Внучка Рая. А ты?” “А я – дурак из сарая”.

- Значит, ты – дурак из сарая? – сквозь сокрушительный хохот спросила моя любимая. Но я не обиделся, а даже обрадовался, что она начала приходить в себя.

Мы вместе зашли к Любе. Договорившись утром пойти к Мариям, мы после ужина отправились с Барадином в Дом колхозника. А Рая осталась у тети. А когда утром вернулись к Любе, то они, одетые, уже ждали меня. Мы сели в машину и поехали. Остановились возле дома Мариям. Мы остались во дворе, а Люба вошла в дом. Через некоторое время она вернулась.

- Она себя чувствует еще хуже, – сообщила тетка. - Рая, тебя и видеть не хочет. Приглашает Сеита. Но все равно пошли, Рая, и ты. Обними ее, встань на колени, заплачь, делай, что хочешь, лишь бы только она тебя простила. Кто ее знает – не сегодня-завтра умрет. Коль сегодня не простит, то, может быть, больше не у кого будет просить прощения.

Люба, Рая и её дочка вошли в дом. Через несколько минут без приглашения вошел и я. В нос ударил кислый застоявшийся запах, словно морили овчину. Первой увидел Любу. Она кидала в печку дрова. А на печке сидела дочь Раи. Мариям сидела на кровати. Она, как ребенка, гладила по голове Раю. Увидев меня, Мариям попыталась подняться, но это ей не удалось. Я сказал ей, чтобы она не беспокоилась, и, нагнувшись, поздоровался за руку. Она подтянула меня к себе и обняла сидя. Чтобы ей было удобнее, я тоже опустился на пол, рядом с Раей. Она, положив руки на наши плечи, негромко произнесла:

- Будьте счастливы, дети мои... Теперь я могу со спокойным сердцем уйти в мир предков.

16

...В феврале исполнилось одиннадцать месяцев, как я работал в редакции. По закону, я должен был пойти в отпуск. Наш бухгалтер напоминал уже несколько дней, что мне пора дать отдых голове. Я сомневался, что он беспокоится именно о моей голове. Однако закон есть закон. Хотя меня и не обрадовало, что первый отпуск получаю зимой, но когда выдали отпускные деньги, я с хорошим настроением отправился к любимой.

Мы с ней заранее договаривались, что она тоже вместе со мною возьмет отпуск без содержания дней на десять. И мы поедем куда -нибудь. Но позднее решили отменить совместную поездку. Нужно было использовать мой отпуск в иных целях. К тому времени некоторые бездельники распустили о нас с Раей недобрый слух. Нашу дружбу каждый человек толковал по - своему. Этому необходимо было положить конец. С тех пор, как мы с Раей встречаемся, я несколько раз был дома. Каждый раз отец и мать через моих друзей, двоюродных братьев и сестер передавали свои требования, чтобы я, пока они живы, женился. (У нас родители сами о таких вещах не говорят, а передают через кого-то). В таких случаях я находил уйму причин, якобы не позволяющих мне сейчас заводить семью, и старался поскорее уехать. А в этот раз нужно было поехать домой, сообщить о своем решении жениться и обрадовать их. По обоюдному согласию между мною и Раей я должен был повезти ее к родителям. Там и сделают основную свадьбу. А через несколько дней вернемся назад и тут организуем вечер, пригласим более близких друзей. Между прочим, в редакции и в цеху, где трудилась Рая, каким-то образом догадались о предстоящей свадьбе. Однажды Азрет даже услышал, как наш редактор и профсоюзный "бог" советовались насчет подарка.

...Итак, я пришел к Рае. До этого мы обо всем договорились, и я заскочил к ней лишь только для того, чтобы сообщить о своем отъезде. Но она категорически заявила, что пойдет меня провожать. Мы вышли. Оставалось мало времени до отхода автобуса. Потому мы торопились и в основном молчали. Да и говорить было не о чем – все уже решено.

- Постарайся вернуться поскорее, - напутствовала Рая, - я буду по тебе сильно скучать. - Она даже не представляла, что и я буду тосковать не менее ее. Я долго смотрел на нее из окна автобуса. А она, желая мне счастливого пути, махала рукой вслед, пока не скрылась из виду.

В родительском доме в честь моего приезда собрались все родственники. Они так меня встречали, будто мы были лет десять в разлуке. Боясь, что они надолго задержат меня, я даже не сказал, что нахожусь в отпуске, а прибыл лишь на два дня повидаться с ними. Наутро, вызвав зятя во двор, я сообщил, что через несколько дней привезу невесту. Он, не дослушав до конца, лишь вскрикнул: "Пойду и сообщу старикам радостную весть!" И вбежал в дом.

Пока они переговаривают, обсудят этот вопрос, я решил прогуляться и вышел на центральную улицу. А когда вернулся, все было уже решено. Зять завел меня в другую комнату и сообщил: "Старики так бы не обрадовались, если бы вдруг помолодели на десять лет! Уже посланцы поехали сообщать всем нашим родственникам. Теперь мы должны подробно знать, кто, откуда она, и когда привезешь?"

- Кто она, увидите, когда привезу. А привезти могу, когда ваша душа пожелает, - с уверенностью ответил я.

- Сегодня вторник. По обычаям предков ты знаешь, что этот день нехороший. Старики выбрали пятницу – этот день издавна ценится.

Я так боялся, что меня задержат, чтобы подготовить все к свадьбе. Но мой испуг был напрасным. Я даже остался доволен, что на подготовку дали такой малень-

кий срок. На следующий день я выехал из дому. “Если глуповатый влюбится, то он совсем теряет рассудок”, - часто говорил мне в шутку Азрет. Действительно, за эти два дня, что находился дома, я чуть не потерял рассудок, хоть и сильно соскучился по своим. В этот раз даже близкие заметили, что во мне что-то изменилось. Но об этом никто не намекнул. Наверно, они подумали, что я сильно обрадован предстоящей свадьбой. Эти два дня казались двумя бесконечными годами, так я стремился встретиться с любимой. Казалось, что и автобус ползет слишком медленно.

Наконец - то мы прибыли. Рая жила недалеко от автостанции. Но мне казалось, что идти пешком слишком долго, и я нанял такси. Поблагодарив водителя, быстро помчался на третий этаж. В замочной скважине увидел ключ. Хозяйка была дома, чему я очень обрадовался. Не переводя дух, постучал. Будто догадавшись о моем приезде, Рая быстро отворила дверь. Она была одета в халатик и затягивалась сигаретным дымом. Но, как бывало, не бросилась мне на шею и, по моему, даже не обрадовалась моему приезду. Не вымолвив ни слова, пропустила меня в комнату и закрыла дверь. Такая холодная встреча привела меня в ужас. Не сняв грязных туфель, я прошел в комнату, которую не узнал. Кровать была неубранной, пол грязный, а на столе стояла наполовину выпитая бутылка водки. Не зная, что и сказать, я сел на стул и уставился на Раю. Она была похожа на мертвеца, лицо было очень бледное, глаза покраснели. Одной рукой она держала сигарету, а другой опиралась на стол. После долгого молчания она грубо спросила:

- Что ты на меня уставился, как баран на новые ворота?

- Очень соскучился по тебе, - сказал я, не зная, что ответить. - На тебе лица нет. Что случилось с тобой?

- Абсолютно ничего не случилось, - оборвала женщина.

- Что это за сигарета? Ведь ты давно уже бросила курить и дурные привычки.

- Пришел допрашивать?

- Да нет... просто...

Она махнула рукой, резко повернулась и ушла на кухню. Через некоторое время вышла обратно, держа в руках соленые огурцы и стакан. Подошла к столу, налила полстакана водки и выпила залпом, закусив огурцом. После этого обратилась ко мне:

- Тебе налить? - Я ничего не понимал и сидел, уставившись на нее. Увидев, что я еще смотрю, она спросила:

- Еще не налюбовался или...

- Да нет, я все гляжу и не узнаю, ты или тебя подменили за время моего отсутствия, - с трудом проронил я и резким движением вырвал изо рта сигарету, отшвырнул в сторону.

- Почему тебя волнует - я прежняя Рая или подменная? Тебе не все ли равно?

Тут моему терпению пришел конец, и я в ярости крикнул: "Рая"!

- Что ты кричишь? Имею же я право жить, как хочу? Правда?

- Да, ты имеешь право на это, но...

- Если право имею, то оставь меня в покое и займись своим делом...

- Как можно понимать твои слова? - переспросил я, удивляясь своему терпению. Она с усмешкой ответила:

- Пожалуйста, поясню, оставь меня в покое...

- Как это "оставь меня в покое"? Я известил родителей. Завтра-послезавтра уже состоится свадьба. Ты хочешь опозорить меня и себя?

- Не будет никакой свадьбы.

- Что с тобой, опомнись, Рая! Что случилось за эти два дня?

- Не морочь мне голову! - резко оборвала она. - Что за странные слова "что с тобой"?

- Объясни, что творится? Ты спятила?

- Как мне надоели твои вопросы, просто не знаю, куда себя деть. - Рая замолчала, о чем-то думала. Через несколько минут выплеснула с неприязнью: - Теперь забудь все, что было между нами. Или представь, что это был сон.

- Ты с ума сошла, Рая! Ведь я тебя безумно люблю...

- Это твое дело, я тебе не запрещаю. Можешь любить, а я тебя не люблю...

- Рая... - остался я с открытым ртом, не зная, что дальше сказать. У меня не осталось сил с нею спорить. В голову ничего не лезло. Мне нужно было все обдумать, обсудить. С этим расчетом я встал и решил пойти домой. Перед тем, как выйти из комнаты, я попросил Раю: - Подумай над своими словами, и мы завтра поговорим на эту тему.

- Зачем? Не приходи... Я люблю совсем другого парня... - донеслись Раины слова.

Я вышел на улицу и направился на свою квартиру. Перед моими глазами стояла незнакомая мне Рая с сигаретой в руке. Кроме ее образа я ничего не видел. Голова была тяжелой, как сноп пшеницы, что казалось невыносимым грузом. Ничего не мог сообразить или ответить на мучившие меня вопросы. Что все-таки случилось с Раей? Провожая меня три дня назад, она просила быстро вернуться. Почему же так встретила? Измениться за такой короткий срок... Нет, не может такого быть! Да и то, что она сказала "не люблю" - все это неправда. Наверное, у нее неполадки на работе, и она решила сорвать все зло на мне. Мне казалось, она прибежит и за все извинится. А почему она курит, пьет водку? Я не мог себе простить, что так быстро ушел, не предприняв ничего существенного. Почему не постарался узнать причину? Собственно говоря, на мои вопросы она не отвечала нормально. "Дурак тот, кто думает, что знает психологию женщин" - вспомнился мне Азрет. До сегодняшнего дня я думал, что понимаю ее. А теперь?

...Я очнулся от грубых слов мужчины: "Да пропусти

же, стал, как столб, на дороге!" Когда я поднял голову и посмотрел по сторонам, то заметил, что стою посреди тротуара, и люди обходят меня. Я отошел в сторону. Недалеко находился киоск. Я почему - то подошел, купил свежий номер газеты. Облокотившись о стенку киоска, просмотрел первую полосу. Перевернул на четвертую и заметил большую статью, в которой были и стихи. Меня заинтересовал автор Амыр Ахматов. Он всегда писал краткие биографические статьи. В большинстве случаев критиковал лирические стихи, любовную лирику. Поэтому первым долгом прочел одно из стихотворений, приведенных в статье, как пример.

Плыл жаворонок в чистом небе,
И сердце билось, как мотор.
Я никогда счастливым не был
От ее ласок до сих пор.
Но мысли грели днем и ночью,
Надежды теплились в груди:
Я мог желанным быть, и очень!
Нас счастье ждало впереди.
В душе все было чисто, ясно,
Добром мог наполниться наш дом.
Но почему же звезды гаснут
И нам с тобой не быть вдвоем?

Эти строки были обо мне. Я прочел их еще раз. Хотя статью Амыра не удостоил чести прочесть, но был уверен, что он критикует их. Высказав в адрес Амыра несколько крепких слов, я двинулся своей дорогой. Мне показалось, что это стихотворение прояснило мой затуманенный разум. И тут понял, что все еще не дошел до своей квартиры. Я был уверен в том, что у Раи уже прошел почему-то вспыхнувший гнев и что она пошла ко мне на квартиру просить прощения. Когда я добрался до дому, во дворе и в комнате никого не нашел. Видимо, у Мироновны не хватило сил убрать снег, который

выпал ночью и сейчас растаял, превратившись в грязь. На дверях висел замок. Я зашел в комнату. На столе была записка: “Я поехала к Ване (Это ее племянник, живший недалеко от города). Вернусь через четыре дня. Смотри, не спи в холодной комнате, в городе ходит грипп. Дрова и уголь приготовила. Они на кухне. Хватит, пока я вернусь”. Она, наверно, попросила кого-то написать эту записку, ибо сама Мироновна неграмотная. Но нет человека, кроме матери, кто бы мог так обо мне беспокоиться. Боясь, что устану, она даже не попросила меня убрать снег.

Я зашел на кухню. Там действительно были ведро угля и дрова. Ведь она не знала, что огонь, который бушевал во мне, не даст замерзнуть даже тогда, когда один останешься в горах во время пурги. Я повесил в шифоньер пальто и вышел на улицу, сел на лавочку. Но Рай не было видно. Наступил вечер. Солнце остановилось на вершинах гор. Последний раз бросило прощальный взгляд на землю и скрылось. Земля сразу же начала подмерзать. Через некоторое время и я стал дрожать от холода. Но зайти домой не мог. Если придет Рая, то, боясь неприятливого взгляда Мироновны, может уйти. Эта мысль удерживала меня. Я сидел и глядел на дорогу, откуда она должна появиться. Время шло. Стало совсем темно, но Рая почему-то не появлялась. Я замерз, но мне и в голову не пришло пойти надеть пальто. Я сидел и пристально смотрел на дорогу.

17

... За свою короткую жизнь каких только испытаний не пришлось преодолеть человеку. Преграды, болезни, горькие думы, расставания и еще черт знает что, с чем он постоянно сталкивается. Но человек из всех этих недугов выходит победителем. Однако, хоть он сам и не чувствует, после каждого подобного испытания он тоже меняется, вроде стареет душой и телом. Но, как я понял в последнее

время, самое страшное – это любовь. Если она основана на полном взаимопонимании – то хорошо. А если нет, то любовь действует на человека сильнее, чем выше перечисленные недуги вместе взятые. Самое сознательное существо на свете – это человек. Может быть, Всевышний сперва хотел раздать любовь всем одушевленным, а потом, передумав, свалил все на сознательных, то есть на людей. Иначе чем объяснить ее силу? Когда эта мысль пришла мне в голову, то я впервые пожалел, что родился человеком. Действительно, то, что я испытал за эту ночь, ни одно живое существо, даже вместе со всем родом, не испытало на земле подобного.

...Да, в ту ночь я сидел на лавочке, пока в домах не потухли огни. Я понял, что она не придет. Даже несколько раз сам собирался пойти к ней, но боялся, что услышу те же неприятные слова. С трудом двигая окоченевшими ногами, я забрел в комнату и лег в холодную постель. До утра промучился без сна. Когда, вставая, заглянул в зеркало, то увидел на лице следы слез. Я и не заметил, как ночью плакал. Когда начал умываться ледяной водой, вдруг вспомнил, что со вчерашнего утра ничего не ел. Первым делом решил позавтракать и завернул в столовую. Но как только собирался есть, слышал голос Раи. Она все время повторяла: “Я не люблю тебя... Я не люблю тебя... Я не люблю тебя...”. И каждый раз я вздрагивал. Чувствуя, что поесть не удастся, я вышел из столовой.

Немного постоял на улице. Во всем теле была усталость. Я слышал, если человек перепьет вечером, то на другой день чувствует слабость, физическую усталость. На все смотрит равнодушно. Примерно в таком положении очутился и я. На самом деле, не похожи ли алкоголь и любовь друг на друга? Разница лишь в том, что от первого человек приходит в себя быстро, а от второго через несколько лет. Но, как говорят, иногда она всю жизнь остается с человеком. Как бы там ни было, в тот день я был похож на пьяного. Не совсем понимал, что делаю, куда иду, чего хочу. Долго бродил по городу. В

конце концов, очутился возле дома любимой. В тот день она должна была пойти во вторую смену. Поэтому, по моим расчетам, Рая находилась дома. И решил еще раз зайти к ней и поговорить. Поднявшись с такой мыслью на третий этаж, постучал.

- Кто там? - услышал ее голос.

- Это я, Рая. Открой...

- А у тебя нет имени? - грубо спросила она.

- Сеит...

- Какой еще Сеит? Я такого не знаю.

- Рая, открой!

- Не открою.

- Если даже мне придется ломать твои двери, я зайду. Так что...

- Что за сумасшедший, - произнесла она и отворила дверь. Я хотел войти, но она встала на пороге. - Чего тебе нужно? - спросила.

- Хочу с тобой поговорить...

- А я не хочу, - отрезала она. - Я уже сказала, что не люблю тебя.

- Но все же.

- Без всяких "но". Забудь дорогу сюда...

Я повернулся и ушел. Спустился во двор, осмотрелся. Мои глаза, как и прежде, увидели людей, дома, деревья, солнечные лучи, которые отражались от маленьких луж, образовавшихся из снежной воды. Но я не воспринимал все это сердцем потому, что мне казалось, что ничего не вижу. Я чувствовал себя так, как будто стоял в песках Сахары, где нет ни одной тропинки, нет компаса, и я не знаю, куда идти. Рая еще недавно мне помогала сильнее любить жизнь. Рая давала мне радость и счастье. Рая пробуждала во мне стремление делать возможное и невозможное. Я считал ее воздухом, которым дышу и не могу надыхаться. С ее именем были связаны мои самые светлые мечты. А теперь ее нет, вернее, она есть, но для меня потеряна навсегда. Мое счастье, моя радость, мои мечты сгорели за короткий миг, и я остался

один во всей Вселенной, как обугленное полено. Если человек потерял и веру в жизнь, и надежду на счастье, то зачем ему жить? Ведь тогда он не будет ставить цели, а без цели какая жизнь? Так кто же я теперь? Что я могу ждать от грядущего? Что же плохого я сделал судьбе, что она так безжалостно мстила? Что теперь делать, и как исправить положение? Как я покажусь на глаза людям после этого? Для здешних друзей и знакомых еще что -нибудь придумаю, а как быть с родителями и родственниками? Они все в сборе, подготовились к свадьбе и ждут. А я в это время приеду один... Кто-то взял меня за руку. Вздвогнув, я посмотрел на него. Рядом со мной шел Азрет.

- Что с тобой, дорогой? - с тревогой спросил он. - Уже целый квартал иду рядом, но ты меня не замечаешь. Шепчешь какие-то слова...

- Даже не спрашивай. Радуйся, что я еще не сошел с ума.

- С Раей опять?

- Да. - ответил я и почувствовал, как мои глаза наполнились слезами. Чтобы не показать другу слабость, повернул голову в другую сторону.

- Ты сегодня чего -нибудь ел?

- Нет...

- Давай зайдем, - показал он на ресторан. - Я как раз шел обедать.

Мы сели за столик в углу зала. Пока официантка принесла заказанные Азретом блюда, я рассказал все, что со мной приключилось.

- Значит, мы радовались слишком рано. Как волка ни корми, он в лес смотрит...

- Не говори так о Рае...

- Говори - не говори, но это факт, - заявил Азрет. - Но слишком поздно ты понял это.

Мы покушали, выпили пива. Обсудили проблему со всех сторон, но выхода не нашли. Ведь если человек говорит, что не любит тебя, как его заставишь? Но мне

вдвойне было обидно за то, что столько времени она водила меня за нос. А я, дурак из сарая, танцевал под ее дудку и хотел сделать ее человеком. Но я же дал слово исправить ее характер...

- Я опять опоздал на работу, - сказал Азрет, когда мы вышли из ресторана. - Ты, дорогой, совсем раскис. Иди домой, выпишись, отдохни. Вечером заскочу, посидим, поговорим. Может, найдем какой-нибудь выход. Ну, я побежал, до вечера...

Я сделал так, как посоветовал Азрет. Стараясь думать о чем угодно, но не о Рае, я пришел домой. Во всем теле чувствовалась угнетающая усталость. Особенно давала себя знать бессонная ночь. В надежде выспаться я лег. Но уснуть не мог. Я встал, нашел снотворное Мионовны. Выпил двойную дозу и опять лег.

... Когда я проснулся, было темно. Такое время трудно определить: вечер, ночь или перед рассветом? Я зажег свет, посмотрел на часы. Было пять утра. Таким образом, я проспал более четырнадцати часов. Как только подсчитал это, почувствовал колики в сердце. Тут же вспомнил Раю и слова Азрета про любовь на татарско-русском языке: "Мин син ярота - открывай ворота". К сожалению, ворота моей любви закрылись. Сон сняло как рукой. Встал, умылся, оделся. Черт возьми, как назло и Мионовны нет. Она бы отвлекла меня своим разговором. Не зная, что делать, я вышел на улицу и сел на лавочку. На небе было много звезд, и я долго всматривался в них, отыскивая свою звезду счастья. "Вон она, вон! Да нет, это не она. Моя вон та. Хотя... Какие мы неучи, даже своей звезды не знаем" - разочарованно думал я. С востока дул холодный ветер, кругом все замерзло. Значит, день будет солнечным.

Зимой в это время обычно никто не встает. Я закурил. Из центра города доносился шум автобусов. Наверное, они выезжали в рейс. А я смотрю, как наступает рассвет. Люблю это время суток. В этом, наверное, что-то есть и детское, и стариковское. Но сегодня и это не радовало

меня. Между прочим, образ любимой стоит перед глазами так ясно, что заслоняет собою наступающий рассвет. Почему - то я начал сравнивать этот радостный вид в природе со своим печальным положением. И тут, как это ни странно, в моей голове начали появляться какие-то печальные слова. В какой-то книге я читал, если напишешь на бумагу все, что угнетает, то на сердце становится легче. Может, и мне полегчает? Я вынул из грудного кармана блокнот, карандаш и начал записывать свои мысли. Когда наступило настоящее утро, получились вот такие строчки. Стихи - не стихи, верлибр - не верлибр:

Некоторые ученые пишут труды
О луне, о звездах, о космосе.
Еще немало ученых, которые
Занимаются матушкой землей.
Меня радует каждое сообщение
О достижениях нашей науки.
Но почему же из всех явлений природы
Любовь остается неисследованной?
Неужели человек никогда не поднимется
До такой вершины самой нужной на земле науки,
Не напишет труд, как управлять любовью,
Не сделает, чтобы люди не страдали от любви?

Да такому ученому человечество поставило бы памятники в каждой даже самой маломальской стране. Я несколько раз прочитал эти строки. Потом положил блокнот в карман и почувствовал, что сильно захотелось курить. Какая это глупая привычка! Но у меня кончились сигареты. В надежде, что появится кто-нибудь из мужчин, я начал смотреть на дорогу. И вдруг появился силуэт Азрета. Я и обрадовался, и удивился. Так рано, и он здесь!

- Слушай! - еще издали крикнул мой друг. - Оказывается, ты, если уснешь, то не можешь проснуться вовремя, как нормальные люди. Вчера вечером заходил, ты храпел так, что в соседнем квартале подняли вой собаки.

- Между прочим, сам удивляюсь, ведь более полусуток проспал.

Мы вошли в дом.

- Вижу, после хорошего сна ты чуть - чуть пришел в себя, - констатировал Азрет, присаживаясь. - Что ты думаешь делать?

- Не знаю...

- Понимаешь, Сеит, - льстиво начал он, и я не поверил своим ушам, что он назвал меня по имени. Когда мы были вдвоем, он обычно обращался: "Эй, дуб", "Слушай, болван" и так далее. Но в его устах они означали примерно как "дорогой", "милый". - Вчера ты показался мне человеком не из нашей жизни, а словно вернувшимся с того света. И я ночь почти не спал, думая о тебе. Нельзя так падать духом, страдать из-за скурвившейся девицы. К тебе только начала приходить любовь, и ты радуйся этому божьему дару, ведь в жизни ее может быть целое море. Целое море любви - чем не заголовок для твоих пошлых, прости, искренних стихов?! Твои ровесники, и я в том числе, не раз нашли, потеряли любовь и снова успели влюбиться. Она нескончаема, перманентна, как революция! Думаешь, мы меньше тебя любили? Не меньше тебя и горевали. Но до такой степени не доходили. Ибо, если хорошо подумать, извини за пошлость, все сводится к постели, к продолжению рода человеческого. Мы прошли через этот ад, и еще многие пройдут, почти все человечество! Хоть жизнь и широка, но тропинка любви слишком узка, чтобы по ней прошли вместе несколько человек, и терниста. Сотни и тысячи причин, преград встречаются на ее пути. Вот почему любовь приносит людям больше горя, чем радостей. Вот почему, наконец, я так редко встречаю в жизни влюбленных, которые бы жили под одной крышей. И если каждый, кто споткнется, будет так терять голову, как ты, то люди станут безголовыми.

- Шайтан тебя возьми, ты мне читаешь лекцию, а я удивляюсь, что после всего этого еще не потерял рассудок...

- Только это и осталось. Хотя ничего уже не осталось, ты его давно потерял. Запомни: в любом случае мужчина должен оставаться мужчиной, а не слезливой барышней. Ты много передумал, пережил, отдал много сил и терпения на исправление этой женщины. С тобой вместе в последние месяцы старался и я, столько людей с завода, но, как видишь, все напрасно. Не слишком ли много чести? - Он вытащил из кармана шоколадные конфеты. Одну отдал мне, другую отправил себе в рот и продолжил: - Если Рая, действительно, не питая к тебе никаких чувств, столько времени обманывала тебя, то я рад, что ваша свадьба не состоялась. Да и сам ты должен радоваться этому. Но я лично почему-то сейчас верю, что Рая любила тебя. Когда она говорит, что не любит, - это обман, мне так кажется. Вот это нужно выяснять.

- Но как выяснять?

- Трудно сказать. Но я имею некоторый опыт в отношении к этому полу. Исходя из него и наблюдений, скажу, что ты должен одеваться еще лучше, быть еще красивее. При этом ты не должен замечать Раю. Делай вид, как будто она тебе безразлична. Сегодня же познакомься с другой девушкой.

- Никто мне не нужен...

- Да погоди ты. Если не нужна, потом оставишь. У женщин слишком велико чувство ревности. По этой причине Рая сама должна искать с тобой встречи. Все равно не позволю, чтобы с ней дружил, но это эксперимент. Во-вторых, если рядом будет девушка, то думать, переживать будет некогда. И, наконец, укусы змеи лечат змеиным же ядом...

- Я тебя понял. Но еще раз хочу увидеться с Раей. Если опять ничего не получится, то...

- Давай пойдем к ней вдвоем, раз ты не можешь без этой ведьмы.

- Нет, лучше поговорю один. Она может тебя застесняться, и откровенного разговора не получится.

- Пусть будет так, но пока не ходи к ней. Пусть пройдет хоть несколько дней...

- Я согласен, подожду.

- Слушай, так и отпуск твой пройдет. Может, плюнешь на все и поедешь куда -нибудь отдыхать?

- Нет, Азрет, сперва нужно причалиться к какому -нибудь берегу.

- Наверно, ты прав. Только носа не вешай. Впереди ещё жизнь. А мне пора хилить на работу. Вечером увидимся. Старик, я не против, если и проводишь чуть -чуть, - вымолвил он, поднимаясь.

... Прошло три дня. Как сказал Азрет, многие не мучились столько за свой век, сколько я промучился за три дня. Где бы я ни был, что бы ни делал, образ Раи повсюду преследовал меня. Все места, куда обычно ходит молодежь, были связаны с нею. Везде там мы бывали вместе. Все это безжалостно напоминало Раю и причиняло душевную боль. Чтобы не испытывать этого, я должен был все время сидеть дома. Но надежда, что где-нибудь увижу её, звала меня в город. Потому и днем, и вечером, а иногда и ночью я бродил по улицам, крутился у кинотеатра, в парке, то появлялся в том квартале, где жила Рая. За три дня я ее видел два раза, когда она выглядывала из окна своей квартиры. Но она меня не заметила или сделала вид, что не заметила.

На четвертый день после обеда я шел по улице Карла Маркса. Вдруг... О Аллах! Неужели она? Да, навстречу шла Рая. Она сделала вид, что не видит. Я понял, что она решила пройти мимо. Я остановился, поздоровался, но она не ответила и прошла. Тогда я догнал ее и взял за руку. Она посмотрела на меня уничтожающим взглядом, громко сказала, чтобы слышали прохожие:

- Чего не даешь пройти, хулиган! - Тут же вырвала руку и, сделав несколько шагов, повернула голову в мою сторону и добавила: - Бессовестный...

Эти слова подействовали на меня, как удар, пощёчина. Я даже заметил, как некоторые прохожие остано-

лись и укоризненно смотрят на меня. Были и такие, которые пристыдили вслух. Видя свое глупое положение, я ускорил шаги и свернул в ближайший переулок. До этого где-то в глубине сердца теплилась искра надежды, а теперь и она потухла. Я убедился, что Рая не только не любит, но даже не хочет и видеть меня. Один мой знакомый говорил, что честный, порядочный человек редко находит счастье. Может, это и чушь, но сейчас почему-то именно ее я и вспомнил. В отношении ко мне его изречение попало в точку. Действительно, за что мне такое наказание? Я в жизни никому не сделал плохого, злого, как некоторые, через день не менял девушек. Не было и зависти ни к кому. Неужели судьба не учла все это? Говорят, что за счастье нужно бороться. Но разве я не боролся? По - видимому, это не относится к любви...

Я окончательно понял, что Рая для меня потеряна навсегда. Значит, нужно смотреть на вещи и вообще на жизнь с этой точки зрения. Каждому человеку хочется жить. Я тоже люблю жизнь, какая бы она ни была. Раз так, нужно делать все, чтобы хоть немного забыть Раю. Но как? Ответа не было. Лишь одно ясно - если я буду жить в этом городе, огонь любви никогда не утихнет. Почему-то вспомнились есенинские строчки. "Ты мне тихо скажешь: - Добрый вечер. Я отвечу: - Добрый вечер, мисс". Все будет напоминать ее, и каждый раз будут умножаться сердечные раны. К тому же Рая найдет себе парня, если уже не нашла. Это точно, так как таких женщин без внимания не оставят. Значит, она с ним будет ходить по городу, по нашим местам. Когда-нибудь и я их встречу вместе. Нет, лучше умереть, чем это. Все это натолкнуло меня на мысль, что нужно покинуть полюбившийся город, хотя бы временно. О своем решении надо было сообщить Азрету, и я зашел в редакцию. Он сидел в кабинете и правил какую-то статью. Дым стоял такой, что хоть вешай топор. Сейчас у него в зубах тоже была сигарета. Мы с ним не виделись со вчерашнего дня. Но он обрадовался, как будто не виделись несколь-

ко лет. Я сел напротив и рассказал последние новости. Азрет слушал очень внимательно.

- Знаешь, как мне не хочется расставаться с тобой, - произнес он грустно, когда я закончил. - Но где бы мы ни были, все равно останемся друзьями, я в этом уверен. Мне кажется, твое решение верное. Когда пройдет кризис, вернешься...

Мы вышли в коридор, понимая, что мне предстоит долгий и тяжелый разговор с Дагиром Домбаевичем, как мы любовно называли редактора. Дело в том, что он слишком уважал и ценил меня. Поэтому так легко не отпустит. К тому же я боялся, что если начнет уговаривать, то останусь. Ведь я сам не хочу расставаться, принял такое решение из-за безвыходности. А редактор умел найти нужную тропинку к сердцу любого человека. Где бы он ни выступал, о чем бы ни говорил, ни спорил, всегда выходил победителем, так как умел убедить других в своей правоте. Между прочим умел и подчинять себе людей. Единственное мое оружие - это то, что у меня есть отец и мать... Скажу, что они скучают, просят, требуют, настаивают, чтобы я вернулся в свои родные места. Наш редактор рано лишился своих родителей и рос, не видя ни отцовской, ни материнской ласки. Поэтому он все время спрашивал о наших родителях, советовал, чтобы мы им во всем угождали, пока они живы. Он утверждал, что все остальное, кроме родителей, наживное.

- Нажимай только на эти струны, - посоветовал Азрет и толкнул меня в кабинет шефа.

- О - о... Кого я вижу! Заходи, заходи! - Он привстал и пожал мою руку, - Садись, рассказывай...

- Да рассказывать, собственно говоря...

- Никуда не поехал отдыхать?

- Нет, был дома, - и я тут же начал рассказывать ему нашу с Азретом версию. Говорил довольно много, причем, как мне казалось, весьма красочно. Но все же он не дал дойти до кульминации.

- Между прочим, есть выход, - перебил он меня. - На

днях редакция получает хорошую квартиру в центре города. Её мы отдадим тебе. Забери сюда стариков. - надев очки, он внимательно посмотрел на меня. Но я сказал, что могилы предков там, что там, рядом со стариками живут все родственники. И вообще наши старики не любят кочевать. А квартиру нужно отдать Азрету. Нашел я и еще какие - то причины.

- А как Рая? - после паузы спросил редактор.

- Она знает. Там посмотрим, - ответил я, стараясь при упоминании о ней не показать своего волнения.

... На другой день я рассчитался с редакцией и, забрав документы, пришел на квартиру. Каким-то образом Мионовна узнала, что я собираюсь уезжать. Как только вошел в свою комнату, вслед за мной появилась и она.

- Как я буду жить одна? - Заплакала пожилая женщина. - На кого ж ты меня оставляешь?

- Я буду часто приезжать, - ответил я, стараясь успокоить старушку, ставшую для меня второй матерью, - ведь расстояние не такое большое.

- Ты бы не уезжал, наверно, эта проклятая ведьма что - то натворила...

- Нет, что вы, - сказал я, обнимая ее. - Понимаете, родители очень просят...

- Лучше не ври, - ответила она. - Ее счастье, что не знаю, где она живет. Я бы ей, потаскухе, устроила баню...

Как я ни старался переубедить её, мне не удавалось. Сердце, умудренное жизнью старухи, каким - то неизвестным мне чутьем догадывалось. Я убеждал, что буду писать через день, часто приезжать и вызывать на переговоры. Кое - как успокоив, последний раз вышел в город. Хотя сказал Мионовне, что в городе есть мелкие дела, но фактически ничего подобного не было. Я просто решил попрощаться с Раей.

... Чем ближе подходил к ее дому, тем начинало чаще биться мое уставшее сердце. Вот и знакомый подъезд, ступеньки. Сколько раз я с желанием поднимался по этим ступенькам! Но тогда какая-то небесная сила влекла

и торопила меня. И я обычно за несколько секунд доходил до третьего этажа. А сейчас на каждую ступеньку ставил ногу медленно и осторожно, словно она могла не выдержать. Я хотел, чтобы они быстрее кончились, но в то же время боялся этого. Вот уже второй этаж, за ним будет третий. Что ж меня ожидает там?

Я толкнул дверь. Она не была заперта и открылась. Вошел. Рая была одна и сидела за раскрытой книгой. Она повернула голову. В ее глазах отчетливо виделись следы слез. Я прошел к другому концу стола и тяжело опустился на стул. Мы молча смотрели друг на друга. Рая за эти дни сильно изменилась, похудела и, как мне показалось, постарела. Вокруг глаз залегли морщины. Раньше их не было. Она походила на очень уставшего человека, у которого случилось большое горе.

- Рая! - произнес я и не узнал своего голоса. - По - видимому, это последняя наша встреча. Если чем - то я причинил боль, прости. Я уезжаю...

- Правильно делаешь, - сказала она с нескрываемой грустью. - Так будет лучше. - и она, как побитая, опустила голову.

- Прощай, Рая! - сказал я, вставая, и положил на стол второй ключ от квартиры, который находился у меня. Я еще раз посмотрел на нее. Она сидела в том же положении с опущенной головой. Я навсегда вышел из комнаты.

В те дни достаточно переживал, мучился, волновался и, по - видимому, дальше переживать уже было некуда. Постепенно пришло ко всему безразличие. Пусть даже будет пожар, землетрясение, вряд ли я стану реагировать. Я бы подумал, что так и должно быть, ибо осмыслить происходящее сейчас было выше моих умственных способностей. Я ни о чем не думал. Почему-то решил попрощаться и с парком. Туда и направился. Весной и летом там бывает много людей. А сейчас я никого не видел. Без труда нашел скамейку, где мы с Раей любили сидеть. Она находилась на краю парка. На нашей скамейке лежал снег. Я очистил его перчаткой и сел. По-

смотрел вокруг. Деревья без листьев смотрелись высухими. Они показались мне тоже печальными. Но им печалиться ни к чему. Весной они опять, как невесты, наденут зеленый наряд. Жаль, что потерянная любовь не возвращается в какое - то время года. Да, ни весной, ни летом, ни осенью не вернется моя любовь, и оставшиеся дни жизни я буду проводить так же грустно, как сейчас, зимой, эти деревья. Но в дальнейшем у меня не будет цветения - это я точно знаю.

В парке никого нет. Сижу один, как отверженный всеми. Нет, не один, ведь со мною наша скамейка. Я ее считаю самым близким и преданным другом. Сколько раз, сидя на ней, я проводил долгие часы! Но тогда и Рая была со мною. А сегодня мы вдвоем - я и скамейка. По вечерам, когда мы с Раей тихо шептались, как бы не желая перебить наш душевный разговор, она молчала. А сейчас она иногда поскрипывает на морозе, видно, хочет чем-то помочь мне. И я разговариваю с ней. Вернее, читаю только что родившиеся стихи.

Много пар ты видела за жизнь.
Тут влюблялись, плакали порой.
И сюжеты шли, только держись!
Ты считалась с ними и со мной.

Понимала грёзы и любовь.
И биенье слышала сердец.
Потому и принимала вновь,
Чтоб не допустить любви конец.

И делилась ты теплом земли,
Призывала нежный ветерок,
Чтоб мечтать влюбленные могли,
Пронизал чтоб их любовный ток.

Отводила зависть, грех и зло,
Наполняла верой молодых.

Только мне, видать, не повезло —
Бьет судьба по шее и под дых.

Все равно я рад с тобой дружить,
Гладить спинку чуткую твою.
Ты собой нам помогала быть,
Мы с тобою жили, как в раю.

Здесь прервались записи в тетради Сеита. Старший следователь Иван Васильевич, когда закончил читать, несколько минут просидел в глубокой задумчивости. Потом позвонил в гостиницу, кого-то попросил, чтобы нашел Сеита и направил в прокуратуру. Затем набил трубку табаком. Он курил трубку, когда сильно волновался. Встал и начал ходить по кабинету, отмеривая бесконечные шаги. Это тоже его профессиональная привычка. Он так делает, когда появляется слишком сложный вопрос. Может, так лучше думается. А ломать голову, действительно, было нужно. Записи Сеита в конец перепутали и так запутанное дело. С тех пор, как убили Раю, следователи трудились по разработанному плану. А эти записи отвергали, по крайней мере, большинство пунктов. Отсюда и трудности — некоторые версии нужно было начинать заново или с другого конца.

Это заставило Ивана Васильевича задумчиво ходить по кабинету. Завтра он должен докладывать прокурору о проделанной работе и новых планах расследования. А теперь фактически ни того, ни другого нет. До этого в течение долгих лет не случалось такого, чтобы он не выполнил свою функцию в срок. Да, начальство всегда было спокойно, когда расследование вел Попов. Наверно, потому ему и давали самые сложные и запутанные дела. И в этот раз...

- Можно войти? - спросил Сеит, приоткрыв дверь.

- Заходи, заходи, рассказывай, где ходил, кого видел, чем занимался? - дружески спросил следователь.

- Ходил на могилу Раи, - ответил журналист. Потом, глубоко вздохнув, обратился к Ивану Васильевичу. - Мне бы хотелось узнать, как все это случилось?

- Сейчас расскажу, но до этого у меня есть один вопрос, который не относится к данному делу. Поведай вкратце, как ты жил, чем занимался дома.

- Около месяца я сидел, не выходя из дома, - начал негромко Сеит. - Уезжая отсюда, я думал, что хоть чуть-чуть удастся ее забыть. Но получилось наоборот. Я просто места себе не находил. Если бы жил здесь, то изредка мог видеть ее. А там и такой возможности не было. Несколько раз даже собирался вернуться. И с трудом удержал себя. Потом устроился на работу. Старики живут в пригородном ауле, ездил оттуда. Думал, если буду загружен делами, то время для дум о Рае не останется. Даже мотоболом увлекся, ходил на все матчи и болел от души за "Домбай", который был чемпионом страны, даже у элистинцев выигрывал и невинномысского "Кавказа". Но опять ошибся. Облик Раи все время стоял перед глазами. Мои мысли были заняты только ею. Работа не шла на ум. Однако редактор и зав. отделом не торопились критиковать. Думали, что еще не освоился на новом месте и не привык к коллективу. Но многие из работников редакции были мне знакомы и раньше. Они-то заметили, что у меня не все в порядке. Некоторые даже попытались узнать причину. Но я разговоры с ними превращал в шутку.

... Рая знала мой домашний адрес. Думая, что она прислала письмо, каждый раз торопился домой. Время шло, а писем не было. Но где - то в уголке сердца все равно теплилась надежда. А теперь... - Он посмотрел на следователя глазами, полными слез.

- Да... Но что делать, нужно победить и это горе, - сказал Иван Васильевич. - Однако теперь моя очередь рассказывать. - Он достал из своего сейфа папку и раскрыл ее. - Ты самый близкий человек Раи. Поэтому можешь знать все. А дело было вот как...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАССКАЗ СЛЕДОВАТЕЛЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА

1

Когда друзья и знакомые говорили, что у них дел всегда по горло, он не очень верил в это. Хорошо, когда человек занят день, два, три, но затем же должна наступать развязка. Свободное время можно найти хотя бы между делами. А те, кто говорит, что вечно заняты, или наговаривают на себя, как на основу общества, на котором все держится, или же, избегают знакомых и нежданных гостей. Эти мысли Иван Васильевич говорил многим в глаза, и никакие доводы тех не могли поколебать его уверенности в своих взглядах. Но вот за последний месяц он сам усомнился в личной правоте.

Работа следователя одна из трудных, но, умело располагая временем, он выкраивал для себя какие-то свободные минуты. А за последний месяц, начиная с первых его дней, ни по дороге на работу и с работы, ни в кабинете ему не удается отдохнуть. Да какой там отдых, когда спокойно пообедать дома невозможно. По правде говоря, никаких крупных преступлений и заведения дел для расследований не было. Но зато мелких хоть отбавляй. От постоянных забот он осунулся, а Валя, его жена, при одной из недолгих встреч обрушила на голову следователя свой гнев: "Мне надоела твоя работа. Нет, чтобы, как другие, утром уходить в девять часов, и возвращаться домой по вечерам! Я забыла, когда мы в последний раз ходили в гости, не говоря о концертах".

Иван Васильевич, пытаясь уладить спор по-хороше-

му, говорил, что скоро все изменится в лучшую сторону. А если это не помогало, уходил, грубовато пробурчав: "И без тебя хватает дел!". В душе он всегда признавал, что она права. Действительно, Валя молода – на десять лет младше его. В свободное время хочет и в гости сходить, и погулять, то есть, как и все женщины, не прочь повеселиться. Не очень-то приятно глазеть на четыре стены, в то время, когда другие гуляют в парках или просто по тротуарам, вдыхая свежий вечерний воздух. Да и детей Бог им не дал, чтобы она была чем-то занята. Но и он не виноват, ибо выполняет важную государственную работу. Тем более, что до этого месяца он тоже старался уделять жене как можно больше внимания. Но сейчас... Что же делать, для него работа всегда была важнее всего, даже личной жизни, а все остальное потом. И в данный момент, прежде всего, для него существовали неотложные дела.

- Теперь, кажется, можно и передохнуть, - сказал Иван Васильевич, вернувшись однажды домой пораньше и устало растянувшись на диване, прикрыв глаза.

- Слава Богу, хоть раз вернулся вовремя, - раздался Валин голос из кухни. Она вошла в комнату и, подойдя к мужу, присела на диван. - Может, покушаешь?

- Нет, давай сначала поговорим, а потом поужинаем. - Он повернулся к жене. - Все неотложные дела, кажется, выполнены. Теперь у нас будет больше свободного времени. И давай - ка подумаем о том, что мы в это время будем делать, чтобы тебе было хорошо...

- Спасибо, что хоть не забыл...

- Ну что ты, Валюша, я всегда помню об этом. Но ты же знаешь, как я завален работой, - и, осторожно погладив волосы жены, спросил: - А как там твои больные?

- У нас в больнице была комиссия, - начала с увлечением рассказывать Валя о новостях терапевтического отделения, где она работала врачом. Через некоторое время, заметив, что муж спит, она осторожно встала с дивана и, перейдя в другую комнату, села за книги.

Иван Васильевич проснулся в темноте. “Собирайся! - сказал он жене. - А я пока умоюсь и перекушу”.

В городском кинотеатре “Родина” уже второй день демонстрировался индийский кинофильм “Материнская любовь”. У кассы толпилась огромная очередь, но удалось достать два билета с рук. Пройдя вперед по залу, они удобно уселись в мягкие кресла.

К концу первой серии в зале неожиданно раздался громкий голос, повторивший дважды: “Следователь Попов! Вас просят к выходу”. Услышав свою фамилию, Иван Васильевич оглянулся на жену – по пустякам его бы не стали вызывать в это время.

- К концу сеанса я подойду, и мы вместе пойдем домой, - пообещал он Вале, не веря своим словам. Пригнувшись, чтобы не мешать зрителям, направился к выходу.

На улице его ждали милицейская машина, милиционер и следователь Николай.

- Что случилось? - был первый вопрос.

- Тяжело ранили одну девушку...

- Когда.

- Неизвестно. Доставили в больницу.

После этих слов Иван Васильевич торопливо сел в машину и попросил ехать быстрее. Миновав центральный проспект, машина свернула налево. На этой улице не было многоэтажных домов. По обеим сторонам виднелись только приземистые частные домики, огороженные решетчатой изгородью. Слабые уличные фонари освещали лишь середину улицы, оставляя в тени деревья и не заасфальтированные тротуарчики, где трудно было заметить не только спрятавшегося человека, а даже машину. “Знали, подлецы, где действовать”, - подумал Иван Васильевич. В это время в стороне он заметил горящие фары машин, свет фонариков и нескольких человек. Они тоже остановились рядом. Руководитель оперативной группы коротко доложил о событиях, немного прибавив к уже слышанному рассказу от милиционера.

- Время происшествия неизвестно. Если девушка останется жива, многое прояснится из ее показаний, а если нет, придется воспользоваться лишь данными медэкспертизы. Ранение ножевое, но каким ножом пользовались, не определено. Девушка упала сразу и, вероятно, никаких движений больше не делала. В милицию позвонила женщина, не назвала ни имени, ни фамилии и скрылась до прихода оперативной группы. Рядом с девушкой найдена черная сумочка, наверняка принадлежащая ей. Хозяева двух соседних домов были вызваны как свидетели. Раскрыли сумочку, там лежали пропуск на завод, несколько рублей и ключ от квартиры. Девушку звали Рая. Вот и все, что известно.

Немного подумав, Иван Васильевич отправил Колю уточнять ее биографические данные на заводе, а сам начал осматривать место происшествия. Они стояли в тени деревьев, благодаря чему почва не высохла и на ней оставались следы. Но как найти среди множества следов следы преступления? К тому же и Раины следы неизвестны, так как обувь осталась на ней. Виден лишь след от падения. Между вмятинами, оставленными лопатками, виднелся сгусток крови. Больше ничего, привлекающего внимания, не было.

Отдав указание охранять до утра место происшествия, Попов вместе с судмедэкспертом поехал в больницу. Устало вытирая потное лицо, навстречу им вышел из операционной хирург. И им стало ясно, что девушку не спасли.

- Осмотрим труп, - предложил следователь.

- Раньше бы осматривали, - ответил недовольно хирург и, молча указав на одну из дверей, медленно отправился в сторону кабинета.

А следователи вошли в указанную дверь. Рая лежала, укрытая белой простынею. Опытный эксперт определил, что след под левой лопатой оставлен финкой. Кроме этого нигде не было ни единой царапины. "Значит, она не пыталась защищаться. Удар был неожиданным", -

определил про себя следователь. Когда унесли труп на вскрытие, следователь зашел в кабинет хирурга. Тот, смежив глаза, сидел на диване.

- Каким зверем надо быть, чтобы поднять руку на такое создание? - произнес хирург, даже не посмотрев на Попова. - Мы сделали все возможное, но задето сердце...

Захватив окровавленное платье, плащ и туфли, Иван Васильевич вышел из больницы. Служебную машину он уже отправил, и пришлось идти пешком. На улице царил полночь. Свет в большинстве окон был потушен, и сладкая дремота окутывала город. Прохожих не было, и тишина нарушалась слишком громким в это время звуком шагов Ивана Васильевича. Перед глазами неотступно стоял уставший и печальный хирург. Перед прощанием он сказал:

- Мы боремся за жизнь людей, а вы калечите их, а иногда и убиваете...

Это прозвучало больно. Иван Васильевич долго защищал в тот день и милицию, и друзей, и себя. В этот раз, хотя хирург и не скрывал глубокую печаль, но удержался от резких слов. А следователь вспомнил сказанные прежде слова и подумал, что сегодня он не стал бы спорить. Наверняка преступник не в первый раз совершал свое звериное дело, и будь милиция и следователь более щепетильными и внимательными в своей работе, этого, может быть, и не случилось бы. Значит, в какой-то степени доктор прав.

Полжизни потратил Попов на борьбу с тем прошлым и грязным, что еще имело место. Но это не дает права говорить: "Я не виноват. Если преступления совершаются и сейчас, в этом есть и твоя вина, следователь..."

Так кто же такая эта Рая? За что ее убили? Есть ли у нее семья, отец, мать, муж? Или же она одинока? Ведь середина улицы была освещена, почему же ты, Рая, не шла там, а спешила к смерти в темноте? С чего начать расследование?

Вопросы, вопросы... Они опережают друг друга. Иван Васильевич сам удивился, что так быстро очутился перед прокуратурой. Войдя в кабинет, он включил свет и положил сверток на стол. Мысли роились в его голове, и он, прикурив, начал шагать по комнате. Коля вошел без стука. Остановившись, следовательно недоуменно и вопросительно посмотрел на молодого сотрудника.

- Рая работает на заводе около года, - начал Коля. Взглянув на сверток и сев на стул, он продолжал: - Вы верно догадались. Она шла в третью смену. Мастер, тоже волнуясь, ждал ее. В ответ на мой вопрос - отчего же он волнуется, мастер доложил мне интересные вещи. Рая была одним из передовиков производства. Но за последнее время ее характер резко переменялся, что не замедлило сказаться и на работе. Словом, эта веселая и жизнерадостная девушка вдруг замкнулась в себе. На расспросы или отмалчивалась, или же грубила. Несколько раз просила подруг проводить ее после второй смены. В коллективе она пользовалась большим уважением, и все переживают о случившемся. А живет она... - Коля назвал адрес.

- Где она раньше работала, с кем жила? - спросил Попов, присаживаясь на другой стороне стола.

- Жила одна. По словам, где-то живет мать, но где, неизвестно. Приехала сюда недавно. Раньше жила в городе Беш-Тау. Где она там работала и кем, неизвестно. Она мало вспоминала прошлое. Мастер сказал как будто в трудовой книжке было отмечено, что она работала в общественном питании. Это можно уточнить в отделе кадров. И еще одно обстоятельство заинтересовало меня. Долгое время она встречалась с парнем. Дело шло к женитьбе. Но недавно он исчез. На любопытные вопросы подруг о нем Рая упорно отмалчивалась.

- Интересно, кто же этот парень?

- Говорят, был довольно красивый и веселый человек. Сотрудник то ли газеты, то ли радио. Звали Сеитом. - И тут рассказ Коли прервал телефонный звонок.

- Да-да... Я слушаю... Что же делать... Убили девушку... Да нет, сегодня не жди, - положил трубку Иван Васильевич. - Жена. Ну а дальше?

- Кажется, все... Там вас ожидает участковый.

- Ты пока свободен.

2

Иван Васильевич вызвал машину. И через некоторое время во дворе большого четырехэтажного дома остановился милицейский автомобиль. Попов и водитель-милиционер поднялись на третий этаж. В подъезде царил тишина, будто все умерли или спали. Вошли в квартиру Раи, осмотрели ее. Ничто особо не привлекло внимания. Осмотрели ванную, кухню. Все вроде бы было на своих местах. Стоя возле двери, следователь пристально рассматривал комнату девушки. Аккуратно заправленная постель, на стене коврик, платяной шкаф с зеркалом. На столике у окна несколько книг, духи, пудра. В комнате три стула, в углу - большой комнатный цветок. Полы блестели чистотой.

- Какая аккуратная женщина! - прервал мысли Попова милиционер.

- Да, в такой чистоте содержать квартиру... Сегодня здесь, кроме хозяйки, никого не было. Пойдем, нам тут нечего делать.

Следователь открыл форточку в душном кабинете. Где-то одиноко хрипло запел петух. Попов взглянул на часы и определил, что скоро рассвет. Подошел к окну. Улица еще тонула во мраке. Резко зазвенел телефон. Вздвогнув от неожиданности, следователь поднял трубку. Звонил медэксперт.

- Задето сердце. Других повреждений нет. И еще установлено, что преступник левша. Протокол готов...

Попов, отодвинув со стола бумаги, разложил плащ потерпевшей. Может, где-нибудь остались отпечатки пальцев? Следы крови виднелись только на краях про-

реза. Преступник, видать, ударил изо всей силы. Это ясно. Значит, нож должен войти по рукоятку и, естественно, должен остаться отпечаток руки. Но это место залито кровью. И вряд ли преступник оставит такие следы. Несомненно, он был в перчатках...

Внимание следователя вдруг привлек левый рукав плаща, вернее, пятно чуть выше рукава. От чрезмерного напряжения зарябило в его глазах. Отдохнув мгновение и приблизив настольную лампу, он снова внимательно осмотрел это место. Как бы ни торопилась женщина, она не может не заметить этого. Тем более, такая аккуратная, как Рая. И вряд ли, уходя, она оставила без внимания большое зеркало на дверце шкафа. Тогда почему же не почистила? Попов поднял трубку и набрал номер.

- Леша, это я. Прости, что поднял с постели. Если не очень затруднит тебя, приезжай на работу. Тебе сейчас принесут плащ. Взгляни на него, потом позвонишь мне...

Отправив вещи Раи на экспертизу и желая немного отдохнуть, следователь прилег на диван. На этой трудной и нервной работе он привык не спать по несколько ночей подряд, что сильно подрывало его контуженный на фронте организм. И ему требовался немедленный отдых. Но и сейчас ему не удалось уснуть. Просто лежал немного с закрытыми глазами. Вскоре Иван Васильевич поднялся, сделал зарядку, будто проспал целую ночь, немного размялся и, сняв рубашку, вышел во двор. С удовольствием умылся под струей холодной воды из-под крана. К тому времени рассвело. Вернувшись в кабинет, он застал у себя прокурора. Осведомленный коротко обо всем еще ночью, тот приехал пораньше узнать о ходе дела. Внимательно выслушав рассказ следователя, прокурор заметил:

- Для Коли и тебя это будет трудно, дорогой. Включите в группу и Алибека. И все трое зайдите ко мне. Захвати заключения медэкспертизы и протоколы осмотра.

Прокурор недолго задержал следователей. Прочитав

план ведения следствия, он подслеповато и с заметным шевелением толстых губ просмотрел другие бумаги, выказал несколько замечаний и отпустил, пожелав удачи. И они все трое двинулись в кабинет Попова.

- Мертвых не оживить, а живым надо жить! - вспомнил и произнес свою поговорку Николай. - Да и война войной, как говорят немцы, а обед всегда двойной! И я, прежде всего, предлагаю похавать в соседнем кафе.

- Придется пока отложить, - прервал его начальник. - Для начала выясним, кому и чем заниматься. - Он раскрыл папку с надписью "Дело - 40" и протянул бумаги Коле и Алибеку. - Ознакомьтесь внимательно с материалами.

- Мало утешительного, - махнул рукой Алибек. Коля в знак согласия мотнул головой.

- Я согласен с вами. Но у нас мало времени. О преступлении известно не только руководителям города. Надеюсь, настроение прокурора вы тоже заметили. Да и я не в лучшем расположении духа. Хочу еще раз поделиться планом расследования. Во - первых, из городских мало кто может совершить такое преступление, значит, это дело рук приезжего. Во - вторых, Рая шла на работу, почему же тогда она шла не на восток, а на запад? Кто-то ее вел: или тот, кто убил, или другой. Кто бы он ни был, он был знаком с ней. Это подтверждает и то, что удар был неожиданным для Раи. Иначе бы она закричала или сопротивлялась. Никто не слышал шума. Других следов на теле нет. Очевидно, план убийства был тщательно продуман. И, в-третьих, если преступник приезжий, то он постарается поскорее покинуть город. А в аэропорту, на вокзале и автостанциях дежурят милиционеры. Подозрительных лиц разрешено задерживать. Вот, пожалуй, пока все, что сделано...

- Эх, дела-дела-а. Нет возможности даже пойти спокойно попить пива...

- С сегодняшнего дня торговля пивом прекращается,

- “обрадовал” Колю все знающий Алибек и, обращаясь к Попову, спросил: - С чего начнем?

- Тебе, Коляша, посетить отдел кадров и внимательно просмотреть трудовую книжку Раи, поговорить с рабочими. Ты, Алибек, дорогой наш человек, поедешь в город, где раньше жила Рая. И постарайся обо всем разузнать в течение двух дней. Вопросы будут?

- Ясно! - за обоих ответил Николай.

- А с чего же мне начать? - подумал вслух Иван Васильевич после их ухода. Но в это время в комнату вошел криминалист.

- Выше левого рукава остался след пудры “Маскарад”. Цвет розовый, - сразу доложил он.

- Откуда там могла появиться пудра? - поинтересовался следователь, но трудно было понять, к кому он обращается с вопросом - к самому себе или криминалисту?

- Трудно сказать. Но, похоже, что кто-то прислонился лицом к плечу девушки...

- Подожди, подожди... Говоришь, прислонился? Ну, дружище, спасибо. А может, действительно, так и есть? - следователь еще какое - то время думал. - Давай еще раз осмотрим место преступления.

Оба вышли на улицу. Было много прохожих. Одни торопились на работу, другие в техникумы, институты, школы. Несколько человек поздоровались с Иваном Васильевичем, но он в глубокой задумчивости не заметил их. Криминалист с интересом посмотрел на спутника. Вспомнив, как в прокуратуре говорили, что если Попов увлечется работой, то ничего не слышит и не видит, решил тоже не мешать ему. И они молча шагали среди оживленной толпы.

- Заглянем сюда, - предложил следак, остановившись у большого жилого дома. Иван Васильевич открыл квартиру Раи и указал на коробку пудры. - Пудра не из этой коробки?

- Нет, не из этой,- последовал ответ. - Эта белая...

... В ящиках обнаружили еще две коробки, но везде была белая пудра.

- Значит, след на плаще оставлен другим человеком, - высказал свои мысли Иван Васильевич.

Еще до прихода к месту преступления, где все еще стоял милиционер, следователь мысленно выработал четкий план действий. Не дойдя до следов крови, он начал внимательно осматривать тротуарчик. Прошел мимо следа, оставленного при падении телом девушки. Сделал еще несколько шагов и вышел на дорогу. Криминалист и милиционер с интересом наблюдали за его действиями. По их мнению, следы он искал не там. Иван Васильевич расправил спину и с довольным видом оглянулся на сотрудников. Прикурив, несколько раз жадно затянулся.

- Ну, теперь вы свободны. - Он помолчал и, видя вопросительные взгляды, добавил: - Следы есть. Сфотографируй их и сделай слепок, - приказал эксперту. - Трудно сейчас что-либо сказать. Но вот, если подумать...

- Утренний осмотр места происшествия, - продолжал он свои мысли уже в кабинете, - показал, что кто-то привел туда Раю. Причем это "кто-то" есть женщина, что подтверждается фактами. Например, к этому месту подходят следы двух женщин. Затем один след ведет к дороге. Это, вероятно, спутница потерпевшей. Один из следов оставлен босоножками Раи. Второй оставлен обувью на тонких и высоких каблуках. По близости следов можно определить, что шли под руку. Некоторые склонны думать: если рядом идет человек выше ростом, то прислоняется лицом к плечу спутника. Возможно, на плаще остался след пудры как раз той женщины. Рая шла на правой стороне, о чем говорят следы. Если все это так, почему на плаще не остались следы пальцев? Можно предположить, что женщина была в легких перчатках, возможно, они были надеты специально. Но вряд ли женщина способна на такой зверский поступок. Скорее всего, она привела Раю к этому месту, а убил дру-

гой. Она могла сделать это, и не зная истинных намерений преступника. Попросили привести девушку, чтобы поговорить с ней, что она и сделала. Видя такой оборот дела, могла позвонить в милицию, а скрылась или из-за страха перед преступником, или же не хотела быть замешанной в это дело. Как бы там ни было, ясно, что преступник держит крепко ее в руках.

Кто же мог идти с Раей? Личность женщины нужно установить. Тщательное изучение следов дает определить, что ростом она около 155 сантиметров. Рост Раи 170. Если бы спутница была выше, она не могла бы прислониться к плечу девушки. И ко всему прочему, шаг ее равен 25 сантиметрам, исходя из чего и установили рост. Несмотря на то, что каблук были тонкие, они не сильно вдавливались в землю, что говорит о сухощавости женщины. Молоденькие девушки и пожилые женщины редко носят такие туфли. Можно сказать, что возраст ее примерно равен двадцати пяти – тридцати годам...

3

Дойдя до этого места, следователь в задумчивости откинулся на спинку стула, и закрыл глаза на недолго. Вышел из комнаты и вернулся с машинисткой Надей, девушкой лет двадцати, увидев которую, можно было подумать, что она дала клятву себе попробовать нанести на свое лицо все достижения косметической промышленности. Усадив ее, Иван Васильевич задал несколько необычный вопрос:

- Скажи мне, пожалуйста, какие женщины предпочитают пудру "Маскарад"?

- Не поняла...

- У каждой женщины есть любимая пудра, не так ли?

- Естественно, а дальше?

- Как женщина выбирает ту или иную пудру? Из чего она исходит?

- Теперь ясен ваш странный вопрос. Например, смуглая женщина не станет пользоваться белой пудрой...

- Почему?

- На темной коже белая пудра будет слишком заметна. Поэтому смуглые пользуются розовой или другой пудрой. Одной из них и является "Маскарад"...

- Это я и хотел выяснить. Благодарю...

После ухода Нади следователь приписал ее слова к концу листа и, исходя из всего, постарался сделать вывод: "С Раей шла женщина среднего роста, худощавая, носит 36-й размер обуви, брюнетка..." Что же можно добавить еще? Особо важным является лицо. Но, кроме того, что она брюнетка, ничего не известно... Подожди, подожди, - Иван Васильевич разложил на столе плащ.

Вытащил из сейфа лупу. Внимательно осмотрел пятно, добавил новые строки к записям: "След, оставленный щекой женщины, небольшой, удлинённой формы. Можно предположить, что лицо у нее небольшое, удлинённой формы. Обычно нос у таких людей бывает тонкий". Вызвав хорошо знакомого художника, следователь попросил его сделать портрет женщины по описанию. Тот пообещал не пожалеть сил.

Иван Васильевич, дымя сигаретой, прохаживался по коридору, когда вошел с бумагами в руках Коля. Следователь молча взялся за них. Здесь были копии автобиографии, трудовой книжки и учетной карточки Раи. Ей было двадцать четыре года. Она работала на инструментальном заводе, турбазе, а последние три года была официанткой ресторана в Беш-Тау. За время службы в ресторане получила два выговора. Родилась в Краснодарском крае, где до сих пор живет мать.

- Хочешь что-нибудь добавить? - внимательно посмотрел на Николая Иван Васильевич, надеясь, что его цепкий взгляд что - нибудь уловил.

- Что добавить? Я побеседовал с начальником цеха, комсомольским секретарем. Когда поступила на работу, Рая была груба, задириста, затем стала одной из передо-

вых работниц. А за последний месяц снова резко изменилась. Часто Раю видели вместе с Сеитом, сотрудником редакции. Тот даже просил секретаря комсомольской организации уделять девушке больше внимания. Но в последнее время его никто не видел. Мне кажется, что без Сеита тут дело не обошлось...

- Расследование покажет, - прервал его Иван Васильевич. Заметив, что его философские выводы не по душе руководителю группы, Коля замолчал. - Ты поезжай сейчас в редакцию, возьми домашний адрес Сеита, если найдешь, захвати фотографию.

Зазвонил телефон, и Попов поднял трубку.

Прошло несколько дней. "Дело-40" продвигалось медленно. Иван Васильевич и его группы усиленно работали, но мало пользы от работы, когда преступник спокойно разгуливает на свободе. По мнению Николая, за неделю и Шерлок Холмс не сделал бы больше. Проверая свои соображения, Попов, которого за глаза друзья тоже звали Шерлоком Холмсом, часто мысленно возвращался к проделанной ими работе.

Две девушки с завода (кстати, они и жили рядом) часто бывали в квартире Раи, гуляли с ней. С ними обстоятельно побеседовали. Выяснилось, что женский голос несколько раз вызывал Раю к телефону с рабочего места. На расспросы она отвечала, что это знакомая девушка из города. Это, может быть, спутница Раи в последний вечер. Примерная фотография ее разослана в разные инстанции. Милиция Краснодарского края сообщила, что мать Раи скончалась дней десять назад. Дочь Раи находится у сестры ее матери. Учитывая, что Рая давно покинула те места, решили не тратить зря время на поиски преступника и там. Мало вероятно, что ее недруг отсюда. Здесь она живет недавно и, кроме Сеита, мало с кем знакома. Не сегодня-завтра Сеит придет сюда, возможно, кое-что скажет.

Интересные подробности биографии девушки раскрыты Алибеком, вернувшимся из Беш-Тау. Выяснилось, что

там у Раи были не очень-то хорошие друзья. Несколько раз делали обыск на квартире Раи. Чувствуя, что дело пахнет дурно, девушка покинула город. Наиболее отъявленные из ее друзей находились в тюрьмах, а те, кто остался на свободе, вряд ли решатся на такой поступок. Да и из города они не выезжали...

Внимательно выслушав Алибека, Иван Васильевич негромко проговорил:

- Понятно, понятно... Но все это нам уже известно. С чего же начинать работать дальше?

- Намеченный нами план почти выполнен.

- Как бы ты, дорогой, ни старался меня утешить, мы почти не продвинулись вперед, а топчемся на одном месте. Прокурор нами недоволен и не скрывает этого. Кроме неизвестной женщины, мы мало за кого пока можем ухватиться. В том, что она причастна, я не сомневаюсь, но она не бывала у Раи, и никто их вместе не видел.

- А как же фотография? - спросил беспокойный Коля.

- Что фотография? Такая ли она в действительности, нам не известно. Если мы ошиблись, тогда позора не оберешься. Но я рискнул...

Тут Алибека вызвали к телефону, а через несколько минут он торопливо открыл дверь кабинета и сообщил:

- Только что звонил сосед Раи, назвался Абреком. Утверждает, что ночью кто-то стоял у двери девушки.

Все переглянулись, соображая, что бы это значило?

- Я всегда говорил, что рано или поздно к ней придут, - не выдержал Коля.

Все трое быстро подъехали к дому. С утра подъезд убрали, помыли пол, и невозможно было надеяться увидеть следы. Но все же они заметили, что кто-то пытался открыть замок и, вероятно, не тем ключом, иначе не остались бы царапины на металле.

Вошли к Абреку, который ждал их прихода.

- Я поздно возвращался после второй смены...

- Время не помнишь? - спросил нетерпеливый Николай.

- Когда вошел в квартиру, было около часу ночи, - немного подумав, ответил Абрек и, догадавшись, что сейчас последует вопрос, где же бродил около двух часов после окончания смены, добавил: - Заглянул к другу, поздравить с днем рождения. Поднявшись, я заметил, что у двери Раи кто-то стоит. Человек был чем-то увлечен и вначале не заметил меня. Услышав шаги, вздрогнул и резко оглянулся. На нашей площадке, понимаешь, не горел свет. Но в полоске, бьющей с четвертого этажа, я заметил, как в руках у него что-то блеснуло.

- Как ты думаешь, что это было? - задал вопрос Попов.

- Трудно сказать, но, похоже, он держал ключ или что - то вроде отвертки...

- А что было дальше?

- Сначала я не обратил на него внимания. Отомкнув двери, я оглянулся - незнакомца не было. Торопливые шаги слышались уже во дворе. Я разделся и лег. И только потом до меня дошло, что не таинственный благодетель стоял у дверей убитой девушки, и я решил позвонить вам.

- Почему же сделал так поздно?

- Поверь, Алибек, я не хотел никого тревожить ночью. Думал, позвоню с утра. Но сказалась усталость вчерашнего дня, выпивка, и я проснулся поздно.

- Свет на площадке был выключен специально или же лампочка перегорела?

- Я тогда же включил его. Видно, выключили специально.

- Хотя бы примерно описать его внешность не сможешь? - спросил Иван Васильевич.

- Ростом выше меня, одет в темную рубашку и темные брюки. Волосы зачесаны назад. Черты лица не разобрал...

Осмотрев квартиру Раи и попросив, если сосед узнает ночного незнакомца, позвонить, группа покинула дом. Каждый высказал свое мнение, и оно не было единым.

По поводу действий таинственного незнакомца думали по-разному. Во - первых, он мог быть хорошим знакомым Раи, возможно, даже жил с нею. Естественно, запасной ключ в таком случае находился у него. Он мог просто прийти к девушке, не зная об ее смерти, и замешкался с замком потому, что хозяйка месяц назад его сменила. Увидев Абрека, он понял нелепость своего положения: чужой мужчина ночью открывает дверь одинокой девушки. Этим можно объяснить его страх. Эту версию особо защищал Алибек.

По второй версии выходило, что это один из соучастников. Во время убийства он в спешке не успел захватить ключ от квартиры, куда ему необходимо было попасть. Для чего? Не известно. Иван Васильевич предполагал, что в квартире могли быть документы или списки с адресами прежних знакомых Раи. Исходил он из того, что в старом городе квартира девушки была "штабом" преступников. Бумаги могли сохраниться, и их требовалось уничтожить.

Можно предположить наличие в квартире золота или денег. Коля не прочь поискать там и оружие, ведь отобрали же в прошлом году в том городе оружие у нескольких человек.

- Возможно, мы все правы, - заключил Иван Васильевич. - Но, по - моему, вторая версия будет уместней. К тому же ее можно подтвердить фактами.

- Какими? - живо заинтересовался любопытный Алибек.

- Придется провести тщательный обыск квартиры, - ответил тот, и лица парней просветлели. - Может, это прольет и свет на дело...

Но обыск оказался безрезультатным.

- Остается первая версия? - Попов посмотрел с интересом на друзей.

- Нет, - отрицательно покачал головой настырный Коля. - Все-таки вторая.

- Но поиски безрезультатны...

- Коля прав, - уверенно поддержал Алибек.

- Почему вы так уверены?

Ребята переглянулись. Оказавшись смелее, Николай решил выступить.

- О Всевышний! Помоги мне! - взмолился он. - Большинство молодых людей, не знаю, как другие, но в нашем городе точно, не найдя дома знакомую, довольно смело спросят, где она может быть, а не станут убегать. К тому же она была здесь знакома только с Сеитом.

- Чем, по-твоему, объяснить замену замка?

- Разрешите мне ответить, - попросил Алибек. - В последнее время девушка чего - то опасалась, а старый замок был не слишком надежный...

- Хотя раз толково заговорил, - не без улыбки похвалил приятеля Коля. - Итак, Иван Васильич, ясно, что к Рае приходил не любовник, то есть первая версия отпадает.

- Согласен, - откровенно улыбнулся Попов. - Чем же вы докажете правильность второй?

- Точно сказать не могу, но я в этом абсолютно уверен, - настаивал Коля.

- А что говорит твоя интуиция насчет безрезультатности поиска?

- Объяснение простое. Тайник тщательно скрыт, и знала о нем только хозяйка. Он может находиться и не в самой квартире.

- Что же там спрятано?!

- Бумаги, необходимые кому - то и для чего - то! - со страстью добавил Алибек.

- Ты опять не то говоришь, - прервал его Николай. - Девушка приехала в этот город, пытаясь навсегда избавиться от прошлого, и не могла хранить такие вещи.

- Значит, нужно искать золото...

- Возможно, но так как золотые слитки вряд ли тебе удастся найти, лучше будем искать золотые вещи. Они могли храниться у девушки. Вместо золотых вещей могут быть и деньги, которые всегда легче реализовать.

- Сдаюсь! - поднял руки убежденный Алибек.

- Я предполагаю примерно то же, - ненавязчиво заметил Иван Васильевич. - Значит, искать нужно какие-то ценные вещи. Причем хочу добавить, что находилось в тайнике, сама Рая могла и не знать.

Друзья удивленно переглянулись.

- Мёртвых не оживить, а живым надо жить, - вновь подал голос Николай.

- Да, Рая могла и не знать. Допустим, что там деньги. Девушка, живя небогато и нередко без работы, могла использовать их. С каждой полочки Рая понемногу откладывала и на свадьбу, а получала всего гроши. Человек, обладавший крупной суммой, не стал бы этого делать.

- Может быть, она опасалась последствий использовать эти деньги?

- Вряд ли женщины думают о последствиях! - резко заметил Николай.

- Как понять - не думают? По-твоему, день грядущий...

- Да... их не волнует. Они живут сегодняшним днем.

- Вечно ты мудришь со своей схоластической философией, - рассердился Алибек на Колю.

- Это не моя философия. Все мои знакомые...

- Вот - вот! Теперь ты заговорил более яснее. Только такие женщины и могли быть с тобою знакомы...

- Ну, хватит вам...

- Нет, Иван Васильич, рассудите сами, кто же все-таки прав, - вполне серьезно спросил Николай.

- Оба вы правы, как сказал Мулла Насреддин. Ну давайте спустимся с небес на грешную землю. Вам, конечно, известно, что когда преступники знакомятся, они выбирают главаря шайки. С ним знакомы максимум двое-трое. Остальные лишь выполняют указания. Это неписаное правило. Кассой обычно ведают главари. И только они могли знать, что спрятано у Раи и что оно из себя представляет. Но они сейчас в тюрьмах, осуждены на 10-15 лет. Девушка присутствовала на суде. Даже если

их освободят, им запрещено здесь появляться. По идее, Рая не могла их опасаться. Деньги она постаралась бы пустить в ход. Одевалась она не блестяще, да и какая женщина откажется от классных тряпок? Вот поэтому - то я и говорю, что Рая не знала о содержимом тайника.

- А не остались ли вещи на прежней квартире? - предположил Николай.

- Что бы ты ответил на это? - повернулся к Алибеку Иван Васильевич.

- Трудно спрятать вещи в квартире так, что и сам хозяин не найдет. Скорее всего, их нужно искать в мебели...

- Верно! - просветлел Иван Васильевич.

- Но для меня одно не ясно, - продолжал Алибек. - Если главари за решеткой, больше никто и ничего не знает, кто же этот таинственный посетитель?

- Это нам и нужно выяснить...

На этом и закончился разговор следователей.

4

- На этом мы и остановились, - обратился Иван Васильевич к Сеиту. - Но твоя тетрадь, Сеит, освещает некоторые темные места нашего, окутанного туманом, дела. Руководит ими, ребята, какой - то Ёжик. Я о нем уже слышал до тетради Сеита, но точного представления не имею. Алибек, покопайся в архивах, постарайся найти документы по его делам и захвати его фотографию. А ты, Коля, займись Володей. Уточни, где он сейчас находится, поговори с рабочими с прежнего его места работы.

- У тебя не сохранилось письма Володи? - обратился Николай к Сеиту.

- Я выбросил его, но помню, что оно было из Новосибирска.

- Выясни фамилию и напиши туда, - приказал Попов

Коле. - Короче, нам обязательно нужно "познакомиться" с теми двумя.

После ухода ребят руководитель группы предложил Сеиту прогуляться. Они медленно направились по тротуару к дому, где жила Рая.

- Я все хочу спросить у тебя, Сеит, только ответь мне честно, ты должен это чувствовать: любила ли тебя Рая?

- Я ничего не могу добавить к своим записям.

- Значит, она обманывала тебя?

- Наверно, да...

- Кто, по - твоему, мог убить ее, и для чего это было нужно?

- Не могу ответить. Сколько времени были вместе, и я не видел, чтобы кто -нибудь на нее посмотрел косо.

- Это-то и смущает нас. А что ты можешь сказать о знакомых с нею женщинах?

- Близко знакомых у нее было мало, да и мало кто к ней приходил.

- Не говорила ли она, что боится чего-то или кого-то?

- Нет... Не помню...

- Если что вспомнишь, позвони нам. До конца расследования ты должен быть здесь. С твоим начальством я договорился, не беспокойся. А теперь зайдем в квартиру Раисы.

Побледнев и весь дрожа, Сеит переступил порог когда-то дорогой ему комнаты. Сколько раз он бывал здесь? Это трудно сказать. До сих пор он словно не верил в смерть любимой. Его глаза, столько раз видевшие Раю, с улыбкой идущую ему навстречу, наполнились слезами. Иван Васильевич тихо сел на стул. Сеит, стоя на пороге, словно забыл об его присутствии: глаза его беспомощно блуждали по комнате, ни на чем не задерживаясь, во всей фигуре проглядывали безысходная тоска и отчаяние. Он стоял, как бы ожидая, что сейчас из кухни выйдет Рая со словами: "Ох, как я соскучилась!" И положит голову на его грудь. А может быть, он не хотел видеть в эту трудную минуту слишком знакомые вещи в малень-

кой комнате, которые были молчаливыми свидетелями стольких счастливых минут в его жизни и событий! Но мы, кажется, ошибаемся. У Сеита, возможно, и не было сейчас сил для таких мыслей. Войдя, он представил себе живую, реальную Раю, и теперь боится испугнуть ее милый образ, мол, она может исчезнуть, и поэтому, как безумец, шепчет лишь одно слово – имя любимой. Как счастлив он бывал здесь раньше, и поэтому им не могли помешать ни мелкие ссоры, ни обиды.

Уставившись в пол взглядом, он думал, что был бы самым счастливым на свете, вернись к нему Рая хотя бы на минуту. Если сделать шаг, кажется, пол провалится под тобой. Почему так темно вокруг, где бывало тепло и светло? Как будто слышен ее голос. Откуда он?

Кто - то положил руку на плечо Сеита. Рядом молча стоял Попов. В такие минуты слова не помогают. Следователь взял за руку парня, повел в комнату и усадил на стул. Вытащив сигарету, Сеит несколько раз жадно затянулся, наполнив легкие горьким дымом. Смущенно взглянул на следователя. Тот стоял у окна спиной к нему, а затем обернулся:

- Ты – мужчина. Стыдно так раскисать. Этим никому не поможешь, надо взять себя в руки. Будет больше пользы, если ты поможешь задержать преступника, совершившего эту подлость.

- Но чем я могу помочь?

- Внимательно посмотри вокруг и скажи, есть ли какие -нибудь изменения в комнате?

- Все на своих местах, хотя... кровать заправляла не она...

- Как ты догадался?

- Рая кладет подушку не так и тщательно расправляет углы. К тому же она слишком придвинута к стенке. Зеркало шкафа запылилось, и на нем остались какие-то следы. Один из чемоданчиков на шкафу не на своем месте...

- Ты рожден быть следователем, но ошибся и шагнул

в журналистику. Хотя эти профессии очень близки друг другу. Коля старался придать всему прежний вид, а ты заметил столько погрешностей... Что может храниться в этом чемоданчике?

- Любимые вещи Раи: выходные туфли, два платья, шарфик, зимняя меховая шапочка.

Следователь открыл чемоданчик – все было на месте. Только в уголке обнаружили тщательно завернутый носовой платок.

- Это мой, но как он попал сюда. Я оставил его среди старых, ненужных вещей, - удивился Сеит.

- В таком случае он был очень дорог хозяйке. Я с самого начала уверен, что она по-настоящему любила тебя. Моя уверенность крепла с каждым днем, - Сеит, намереваясь на это что-то сказать, открыл рот. - Знаю, знаю, что ты скажешь. Почему же она прогнала тебя? Этого-то я и не знаю. А ведь объяснение этого обстоятельства могло многое прояснить.

В дверь постучали, и кто-то, не дожидаясь разрешения, вошел.

- Ты какими судьбами здесь, Никитич? - удивился следователь.

- Какая может быть судьба? Это нынешняя молодежь никогда не сделает, что надо вовремя сделать. Месяц назад девушка заказала портрет. Кажется, молодой человек, даже ваш. А завтра ателье закрывается на ремонт. Прошу...

После ухода фотографа они торопливо развернули бумагу. Действительно, на портрете был Сеит.

- А теперь-то ты поверишь мне? - повернулся следователь к Сеиту. Тот сидел за столом, понуро опустив голову.

- Я совершенно запутался. Давайте выйдем...

- Да - да, пойдём. Только взглянем в ванную и на кухню...

Сеит осмотрел их, но ничего не привлекло его внимания. Они вышли на улицу.

- Нелегко поднять руку на человека. Рано или поздно возмездие достигнет преступника. Решившийся на это дело или жестоко мстил, или был ослеплен жадностью. За что и кто мог мстить Рае? - обо всем этом Иван Васильевич сам думал не раз. А сейчас, считая Сеита за своего помощника, высказал свои мысли вслух: - Тебе известно, что мы подозреваем в соучастии до сих пор незнакому нам женщину? Подозреваем лишь в соучастии. Если считать ее убийцей, вопрос нужно рассматривать в несколько неожиданном аспекте. Убийца и Рая могли любить одного человека. Возможно, даже тебя...

- У меня не было другой девушки...

- Верю. Значит, мистер икс другой... Но, кроме тебя, Рая ни с кем не встречалась. Жена Володи не решится на такой "подвиг". Отсюда вывод: я рассуждаю неверно. Пойдем дальше. В том, что Рая тебя любила, нет сомнений. Она боялась за себя и за тебя тоже. Потому лишь пошла на разрыв с тобой.

- Почему же она мне ничего не сказала?

- На этот вопрос есть единственный ответ. Узнав правду, ты бы не оставил ее, более того, вмешался бы в это дело. А кто мог ручаться за благополучный исход. Девушка решила принять удар одна...

- Могла же она просто предложить вместе уехать отсюда?

- Очевидно, боялась, что все равно выследят.

- По вашим словам, виновата женщина...

- Нет, женщина лишь замешана. Ее использовали в качестве дополнения к финке, - махнул рукой Иван Васильевич. - Вот всегда на этом месте я и останавливаюсь. Но я надеюсь, что Ёжик и Володя нам "помогут".

... Во дворе прокуратуры Алибек - глаза в разбег, как его звал по-дружески Коля, о чем-то увлеченно говорил с двумя парнями. Заметив Попова и Сеита, подошел к ним. Все вошли в знакомый кабинет. Алибек разложил на столе бумаги и фотографию.

- Этого ты видел по телевизору? - следователь про-

тянул Сеиту фотографию. Тот утвердительно кивнул головой. - Ёжику тридцать три года, - начал читать Иван Васильевич. - Тоже мне Иисус Христос нашелся! В восемнадцать лет сел в тюрьму за ограбление квартиры. Затем два раза участвовал в ограблении магазинов. Его шайкой был убит человек, приехавший в горы отдохнуть. А на суде всю вину взял на себя один из участников, хотя подозревался Ёжик. В последний раз он убил кассира завода и скрылся с награбленными деньгами. Был задержан и осужден на пятнадцать лет. Через пять лет сбежал из тюрьмы, убив при бегстве одного из охранников и тяжело ранив двоих. Дальше следует описание внешних примет бандита.

- Государство слишком мягко относится к таким типам, что и позволяет им вершить свои преступные дела. - Зазвонил телефон. При разговоре Попов несколько раз упомянул имя Ёжика, а затем, обращаясь к присутствующим в комнате, сказал: - Звонил начальник отделения внутренних дел. По Союзу продолжается розыск Ёжика.

- Если этот проклятый не сатана, то как ему так удачно удается скрываться? - посмотрел на следователя Сеит.

- Один из предметов вел у нас в институте преподаватель Павлов, - начал медленно Алибек. - Раньше он работал следаком и много знал о крупных рецидивистах, с которыми был знаком. Если попросим, бывало, рассказывал интересные подробности из своей практики. Помню, я слышал от него и о Ёжике. По его словам, кажется, Ёжик никогда не торопился менять квартиру. Днем он почти не выходит. Соблазнив какую - нибудь женщину, спокойно ждет удобного случая. Павлов знакомил нас и с особенностями почерков бандитов. Но подробностей об Ёжике я не помню.

- Алибек, а нельзя ему позвонить или написать? - поинтересовался Иван Васильевич.

- Павлов скончался в прошлом году.

- За что бы мы ни ухватились, все отваливается, - в сердцах высказался Попов.

- Только в нашем городе приятных одиноких женщин не менее тысячи. Эта сторона медали для нас не блестит. Может быть, Коля поможет?

- Каким образом? - спросил Иван Васильевич.

- Он знаком почти со всеми из них.

- И Коля, и ты одним миром мазаны, - подумав, сказал Попов. - Но вот знать бы, как Ёжик пользуется финкой.

- Сопоставив с данными экспертизы...

- Да, можно было выяснить, не Ёжик ли убил Раю?

- Допустим, выясним. Почерк Ёжика. А дальше что? Начнем разыскивать. Нам ответят: мы его давно ищем, а вы только проснулись.

- Польза все-таки будет. Не из того, что осмеют, а будет ясно в таком случае, что Ёжик скрывается где - то здесь.

- Ты прав, в общем...

Вошел Коля.

- Где ты так задержался?

- Чертовски устал сегодня, а вы даже сесть не приглашаете.

- Цыплят по осени считают. Давай результаты работы.

- По восемь считают, - вставил ехидно Алибек.

- Выяснил фамилию и отчество Володи. Уговорил телефонистку соединить с паспортным столом Новосибирска. Парень живет там, работает на заводе. Позвонил в городское отделение милиции. Скоро должны позвонить оттуда. Вот так, Алибек - глаза в разбег!

Все трое стали оживленно обсуждать дальнейшие действия, когда затрещал телефон. Заместитель начальника милиции Новосибирска сообщил, что Володя ведет себя прилично, в ту ночь работал в третью смену.

- Теперь, ребята, Володю пока оставим в покое. Состыкуйтесь с теми, кто раньше занимался делами Ёжика.

Молодые следователи ушли, и Попов повернулся к Сеиту:

- Ты тоже свободен сегодня. Навести друзей, походи по городу.

5

Выйдя из кабинета, Сеит двинулся к центру города. Он уже смирился со своим положением. И теперь старался смотреть на вещи спокойно, трезвыми глазами. Он избегал общих знакомых (вернее, их расспросов), места, которые часто посещал вместе с любимой.

Сердечная рана ныла, разрывала грудь, ни на минуту не утихая. И он старался не беречь ее нелегкими воспоминаниями, боясь, что не сможет помочь в нужную минуту Ивану Васильевичу. Лишь с Азретом хотелось поговорить, излить душу, но это было невозможно. Анархист отдыхал на берегу моря и, как всегда, на всех чихал. И судя по письму, вернется домой дней через десять-двенадцать.

Неожиданно Сеит очутился у дома Раи. Попов несколько раз предупреждал его, не появляться здесь часто. Это, вероятно, диктовалось какими-то условиями. Но сердцу журналиста и следователи не могут приказать. К тому же Сеит не бывает в квартире, даже во двор не заходит, а просто постоит у знакомой акации, под окнами Раи. И снова парень остановился там, прислонившись спиной к дереву. Глаза, не мигая, неотрывно смотрели на знакомые окна. Рая и летом, и зимой держала форточку открытой. Теперь же она все время закрыта. На стеклах заметно осела пыль, шторы спущены. "Надо бы открыть форточку и поднять шторы", - подумал Сеит. В последний раз, когда были с Иваном Васильевичем в квартире, он полил цветы. До сих пор живительная влага могла и не сохраниться. Но сквозь стекла видны зеленые листья.

- Крепитесь, милые! А может, только кажется, что они зеленые?

Вспомнил стихи, которые написал после предпоследней встречи с Раей. Что удивительно не самих стихов на

карачаевском языке, а смысловой перевод подготовленный для русского поэта на художественный перевод.

Так сильно, как я тебя, никто
И никогда не любил человека.
Но как бы я ни искал – не нашел
Тропинку к твоему сердцу.

В волнениях и тревогах любви
Немало ночей проводил я без сна.
Ты для меня была светилом в жизни.
Это знаешь прекрасно и ты сама.

Но душа твоя, как сложный замок,
Сколько ни подбирал, не нашел я ключа.
Ты оказалась далекой, как звезда,
И я не построил лестницу такой длины.

Моя любовь осталась без ответа.
Наверно, судьба была предрешена.
Но за несбывшиеся мечты мои,
Мне кажется, мы не виноваты.

Ведь любовь убегает, когда мы ищем её,
А кто от нее убегает, она сама гонится за тем.
Может быть, потому так редко влюбленные
Встречаются и остаются вместе.

Но любовь – болезнь такая.
Не бывает человека, который бы ей не болел.
Был обязан испытать ее и я.
Испытал я радость и горе ее.

Ну что же, коль скрылась моя звезда,
Пусть твоя полыхает ярче.
Ведь твое счастье – это мое счастье.
Хочу, чтобы исполнились твои мечты...

Такие слова со слезами на глазах тихо шептал журналист. А солнце клонилось к закату. Оно словно нехотя уходило, оглядываясь на город. Затем, влекомое невидимой силой, скрылось за большими горами. Тяжело вздохнув, Сеит двинулся к гостинице. Встретил по дороге кафе, завернул поужинать. А когда вошел в гостиничный номер, услышал резкий телефонный звонок.

- Кто говорит? - спросил низкий мужской голос. Сеит назвал. - Слушай внимательно, - продолжал мужчина, - ты меня не знаешь, зато я тебя знаю прекрасно, даже знаю, где целый день ты шатался сегодня. Тебя хотят убить, и ты завтра же должен покинуть город.

- Кто же меня хочет убить?

- Этого я не скажу.

- Ну, в таком случае...

- Подожди. У меня времени в обрез. Если хочешь жить, немедленно уезжай, - и он понял, что трубку положили.

Сеит тотчас же набрал номер телефона Попова. Но того не оказалось дома. Не раздеваясь, он прилег на постель. "Это еще что за заявки? Кто может мне так мстить и за что? Кому я перешел дорогу? Может быть, решили подшутить друзья?"

Но этот голос он слышал впервые. Несомненно, звонил незнакомый человек. Тот, кто хочет добра, пояснил бы, откуда грозит опасность. А тот, кто хочет убить, убил бы без предупреждения, размышлял журналист. "Значит, кому-то я мешаю, а убить не решаются. Решили пригрозить. Если это звонок связан с убийством Раи, как я могу им мешать, в чем? Если бы мы с Раей до сих пор жили вместе - это одно дело. Но... девушка убита, я почти ни с кем из ее друзей не знаком. В чем же моя вина? Может быть, они боятся, что Рая мне о чем-то могла проговориться". Сеит еще раз безрезультатно позвонил Попову.

Утром рано он пришел в прокуратуру. Ему была хорошо знакома привычка Ивана Васильевича начинать

работу не всегда в строго установленное время. Обычно он приходил очень рано, а тут следователь, как никогда, опаздывал, и Сеит решил терпеливо дождаться его. Через некоторое время тот действительно слез с машины и направился в кабинет.

- Тяжело заболел друг, и я вчера поехал к нему. Но теперь ему лучше, - объяснил он. - А ты почему так рано?

Сеит объяснил причину раннего визита.

- Ну, дружище, спасибо, - неожиданно обрадовался Попов, и посетитель вопросительно посмотрел на него. - Да-да, действительно обрадовал, - улыбнулся следователь. И тут вошел Николай. - Сами не подозревая, преступники помогают нам. Во - первых, теперь ясно, что они орудуют в этом городе. Это облегчает нашу задачу. Во - вторых, мы на верном пути.

- ?!

- Тебе должно быть известно, что находится в квартире. Именно это "что" не дает покоя убийцам. Боятся, что ты опередишь их.

- Откуда они могли знать про меня? - не успокаивался журналист.

- Видишь ли, ты считаешь их дурнее себя. Тебя все видели вместе с Раей, а сейчас ясно, что они неотступно следят за квартирой. Ты был там со мной и без меня, уверен, ходишь. Так вот, я запрещаю тебе там появляться. Более того, вместе с тобой будет находиться в твоём номере, да и везде с тобой переодетый милиционер.

- Я не девушка, чтобы дрожать при каждом шорохе, - возмутился Сеит.

- Верю, что ты не девушка, но подчиняться мне, как старшему, ты обязан.

... Встречаются в жизни люди, которые могут ничего не скрывать от своих настоящих друзей. По-моему, это люди с самой чистой совестью. Им не приходится краснеть за свои поступки и скрывать их. Коля имел счастье принадлежать именно к числу таких людей. После ин-

ститута он оказался в отделе, руководимом Поповым, где и начал успешно свою практическую деятельность. С тех пор прошло более года. За это время он многому научился у товарищей, а Ивана Васильевича любил не менее родного брата. Советовался с ним по всем мелочам и хотел во всем подражать ему, местному Шерлоку Холмсу. И лишь одну вещь скрывал он от старшего товарища...

Когда расследуется крупное дело, двое-трое следователей объединяются для ведения следствия. Один, естественно, руководит группой, а остальные, высказывая свои мысли, прислушиваются к мнению старшего. Каждый выполняет определенную часть работы. Согласно плану, Николай в основном соглашался с таким методом работы. Но, кроме данного задания, он выдумывал себе дополнительное. Находил наиболее слабо разработанное, по его мнению, звено в цепи расследования, придумывал версии и тратил на все это уйму времени. Иногда он удивлял друзей успехами, но никто не догадывался, что все это делалось не случайно. И в деле убийства Раи Коля не смог забыть своего метода. Как только появилась примерная фотография женщины, Николай стал особо тщательно заниматься ее поисками, тратя на это все свободное время. Поскорее выполнив задание Попова, он целыми днями бродит по городу. Но незнакомка по-прежнему остается неизвестной. Однажды вечером в парке кто - то взял его за руку. Коля вздрогнул, оглянулся: рядом шла бывшая одноклассница Оля.

- Привет, сыщик! - поздоровалась она.

- Добрый вечер! - ответил Коля.

Если честно признаться, то ему было приятно встретиться с Олей, девушкой, которую в одно время он считал одной из умнейших, добрейших и к тому же красивейших созданий прекрасного пола. Объясниться с нею он так и не решился, чего не мог простить себе до сих пор. В школе Оля относилась ко всем одинаково. А пос-

ле школы дороги бывших одноклассников разошлись. Одни поступили учиться, другие служили в армии, а третьи работали, и им более, чем кому - либо другому, стало некогда навещать старых друзей. Правда, иногда во время отпусков и каникул им удавалось снова собираться вместе. Что бы там ни было, а Коля, сам не сознавая, до сих пор бережно хранил в памяти образ милой девушки. Но только ли хранил? Ну, друзья знали, что Коля - человек действия. И хотя он стесняется, иногда все же были попытки поговорить с Олей по душам. Узнав, что она поступила в Ленинградский педагогический институт, Коля написал довольно пространное письмо и... не получил ответа.

За семь прошедших лет его справедливо возмущенное таким некорректным поступком сердце успокоилось. Правда, бывали мимолетные встречи, но к особой откровенности никто не стремился. Сегодня же, увидев прежнюю Олю, юноша простил все старые обиды.

- Каким ветром, Оля, с какой части света? Давай хотя бы спокойно немного посидим здесь... - И они уютно устроились на жесткой скамейке в тенистой аллее парка.

- Я два месяца назад вернулась с холодного Севера. Попала туда по распределению...

Начались воспоминания, рассказы, шутки. В середине оживленного разговора девушка заметила:

- Не верится, что ты сегодня пришел сюда просто погулять, - призналась она и, представив, как бывший одноклассник начнет сейчас фантазировать, добавила: - Хорошо, хорошо... Вы мало, кому доверяетесь. Если нельзя говорить правду, пожалуйста, хоть не обманывай.

- Ну, почему же нельзя? - чуть смутился Коля. - Я действительно искал одного человека... - В это время он вспомнил, как Иван Васильевич предупреждал об осторожности, что несколько удивило тогда молодого следователя, ведь сам начальник раньше говорил, что окружающие люди - их помощники. Начав откровенничать, Коля

уже не мог таиться перед подругой и у самого дома девушки показал фотографию женщины и попросил: - Если случайно где -нибудь встретишь, сообщи мне...

... Попов оглянулся на звук шагов торопливо вошедшего Николая.

- Чем обрадуешь?

- Доверив Алибеку заниматься Ёжиком, я уже второй день брожу по улицам...

- Как это "брожу по улицам"? - недовольно переспросил следователь.

- Ищу эту вашу женщину.

- И ты нашел ее?

- Более того, я узнал, где она живет.

- Продолжай...

- Начну с начала. Только вы, Иван Васильевич, обещайте не сердиться. Есть у меня одна знакомая и прекрасная девушка. Под большим секретом я показал ей фотографию. Позавчера она звонит мне и сообщает спокойно, что видела очень похожую женщину. Та стояла в очереди в магазине, а затем вышла. Оля за ней. Так она узнала, где живет незнакомка. А сегодня я сам видел ее и ее дом.

- Это действительно она? - спросил Сеит, не скрывая радости.

- Она, - уверенно ответил Коля, - она, если два моих светила не вылезли из орбит.

- Радоваться еще рано, - охладил его пыл Иван Васильевич. - Фотография примерная, и кто его знает... Уточним... Где ты ее видел?

- На этой улице живет мой знакомый. Пораньше придя к нему, я разговорился с ним о том, о сем, сидя на скамеечке. Девушка вышла из ворот одного из домиков, недалеко от нас, и пошла к остановке автобуса. Села на троллейбус и уехала. Я поговорил с участковым милиционером. Он мало, что знает о ней. Приехала несколько месяцев назад. Ни с кем и нигде особо не бывает, да и к ней никто не ходит.

- Где она работает?

- Тоже не известно. Снимает квартиру у старушки. - Коля набросал на бумаге примерное расположение и вид домика. - Дом допотопный. Их немного у нас, и я бывал в них. Входишь в прихожую - прямо кухонька, а по обе стороны две жилые комнаты. На улицу выходят окна хозяйки, на это указывает убранство комнатки, видно в окно, да и участковый подтвердил. Значит, девушка живет в другой комнате.

- Что находится с той стороны?

- Небольшой садик, куда выходит окно квартирантки.

- С улицы садик не виден, и этим можно пользоваться, - заключил опытный Попов. Позвонив в паспортный стол, он узнал, что по данному адресу проживает Юрьева Анна Сергеевна, 26 лет, нигде не работает, прибыла из Новороссийска.

- Алибек займется Новороссийском, а ты, Коля, постарайся узнать что-нибудь о девушке сейчас... - Телефонный звонок прервал его слова. - Да-да, Андрей Сергеевич. Добрый день. Так... понятно... Пришли его ко мне... Слушай, просьба у меня к тебе. Освободи для нас двух милиционеров. Да сам не знаю, на сколько. Нет - нет, в последний раз. - Следователь положил трубку.

- Звонил начальник милиции. К ним пришел старик с того же дома, где квартира Раи. Говорит, что ночевал на балконе и увидел, как кто-то поднимался по водосточной трубе. Старик окликнул, а тот в ответ, не жалея ног, кинулся прочь. Из тени деревьев вынырнул второй, и оба направились в сторону автостанции. Как вы на это смотрите?

- Нужно охранять квартиру.

- Я тоже хотел это сказать, - добавил Сеит.

- Придется. Коля, можешь идти.

Вскоре вошли два милиционера.

- Старик ждет за дверью, - сообщил один.

- Сейчас позовем. Ты, Сапар, познакомься с этим парнем, - обратился он к одному милиционеру. - Его

зовут Сеит. С этой минуты вы везде будете вместе. Форму придется сменить. Можете идти и позовите старика.

- Меня зовут Мухаммед, - несмело начал старик, глядя косыми глазами и усаживаясь в указанное кресло. Он обстоятельно пересказал картину появления ночного "гостя".

- Кто -нибудь знает, что вы сообщили в милицию?

- Что вы, разве я не понимаю? Даже моя любопытная старуха ничего не пронюхала. А у нее нос, как у милицейской ищейки.

- Прекрасно! И впредь молчите, - затем, подумав, добавил: - Если это еще раз повторится, сделайте вид, что ничего не видите.

- Как это не вижу? - скосил он вновь глаза. - Если на виду у меня ограбят людей, что я перед Богом скажу?

- Верно, отец. Но в этот раз полезней будет ничего не заметить. Я не могу сказать вам больше, но мы сами постараемся поймать их.

- Я могу их спугнуть?

- Да, отец. - Следователь проводил старика до двери и остановился перед милиционером. - Тебе, Шахим, я доверяю наиболее ответственное дело. Обязан сказать, что оно даже опасно для жизни.

- Не беспокойтесь, Иван Васильич, душа моя глубоко запрятана. Так что...

- Тогда каждую ночь будешь ночевать в квартире Раи, о которой ты, конечно, слышал. Никто не должен видеть, как ты заходишь туда и выходишь. Если появится неожиданный "гость", постарайся взять его живым...

Оставшись один, Иван Васильевич раскрыл папку с надписью "Дело-40". Он часто один перелистывал ее, но сегодня это не удалось. С сияющим лицом зашел Алибек.

- У тебя такой вид, будто только что штурмом взял неприступную крепость, - улыбнулся Иван Васильевич.

- Со временем возьму и крепость. А сейчас я точно выяснил, что Раю убил Ёжик. Это прислали по моей

просьбе, - Алибек вытащил из нагрудного кармана бумаги.

- Сколько раз тебе повторять - носи с собой папку, а ты все суешь в карман. Это же документы! - произнес Попов и принялся за чтение.

Бумаги некоторым образом подтверждали, что главным "героем" кровавой трагедии мог являться Ёжик. Ко всем своим жертвам этот подлец применял излюбленный прием - точнейший, словно вымеренный по линейке и тщательно разработанный детально, удар под левую лопатку. Конец ножа обычно достигал сердца, отчего и наступала смерть. Чтобы овладеть такой точностью, нужен большой опыт, а человек, имеющий практику в убийствах, так легко не сдается. Но если он будет оставаться на свободе, может покалечить еще не одного.

- И еще одно, хотя об этом здесь не упоминается, - прервал его мысли Алибек, - Ёжик - левша.

- Как ты узнал?

- Помню, об этом еще профессор говорил... Может быть, забыли или не обратили внимания. Можно уточнить.

- Запроси, - одобрил Попов. - Итак, Алибек, может быть, это дело рук Ёжика. Коля выяснил личность неизвестной женщины...

- Что же вы молчали?

- Я и сам узнал недавно. Пойду и выясню кое - какие подробности.

Около десяти часов ночи на улице Лермонтова появились две, не совсем трезвые, пары. Особо заметно это было у парней. Пройдя по улице, пары разделились: двое остались у фонарного столба, двое, отойдя дальше, стали у ворот. Затем они, о чем-то громко споря, снова сошлись. Парни чуть пошатывались, что, однако, не мешало им оживленно беседовать. Расходясь в стороны и снова сходясь, молодые люди некоторое время постояли на этой улице, а потом вдруг незаметно скрылись в одном из тихих переулочков.

... Когда вошли Алибек и Коля, Попов вышагивал по кабинету с сигаретой во рту.

- Между прочим, у вас пропадают таланты, - улыбнулся он ребятам. - По-видимому, хоть я не знаю, у вас есть опыт. Так хорошо сыграли выпивших, но если бы вас увидел начальник управления...

- И что бы он сделал? - не выдержав, вмешался любопытный Коля.

- Он и раньше предупреждал меня, говоря, что со мной работают уж слишком симпатичные и остроумные ребята. И если кто - то из девушек управления не устоит перед ними, то нам не сносить головы. А вы, почувствовав свободу...

- Иван Васильич, дистанция между мною и Надей была полметра, - откровенно засмеялся Коля. - Вот Алибек, у которого глаза в разбег, другой коленкор, - и он с хитрецей уставился на понурившегося друга. - До сих пор не может опомниться.

- Действительно, Алибек, ты что-то очень грустен.

- А его жена увидела под ручку с девушкой...

- И шайтан ее вынес на улицу! Теперь три дня не будет разговаривать.

- Не бойся, она подумает, что лучше ее благоверного никого нет на свете, и будет еще больше любить.

- Это же самое и я говорил.

- Чего вы ржете, как жеребцы? У вас тоже может случиться горе. Ну, ладно, в крайнем случае, она может отпустить меня на все четыре стороны, - улыбнулся хмурый, как туча над Домбаем, Алибек. - Каковы результаты, Иван Васильевич?

- Во-первых, я снял пробу с ее пудры и занес по дороге к эксперту. Сердится, говорит, в последнее время от вас нет покоя. Больше ничего примечательного не заметил.

- Спустились через окно?

- Да нет, пришлось открывать дверь, - в руке следователя блеснул заостренный кусок металла. Ребята, зная

способности товарища, не удивились. Он этой железкой мог виртуозно открыть любой замок.

- Я знал, что в кинозале до конца сеанса девушка не появится, но боялся, что проснется старушка...

Зазвонил телефон. Эксперт подтвердил догадку, что пудра, принесенная Поповым и оставленная кем-то на плаще Раи, идентична.

- Вот теперь можно предполагать, что Анна замешана в это дело, - сказал Попов.- С завтрашнего дня начнем следить за каждым ее шагом.

- А допросить нельзя? - поинтересовался Коля.

- Услышав о допросе, ее друзья постараются скрыться. А это уже никуда не годится, - ответил Иван Васильевич.

- Это верно, но как бы и ее не потерять, - с тревогой посмотрел на него Алибек.

- Боишься, что убьют?

- Да, или куда -нибудь отправят.

- Сомневаюсь, что Анну убьют, хотя Ёжик и перед этим не остановится. Придется и ее оберегать. Если события развернутся в ином плане - арестуем. Пока особой опасности нет, а она рано или поздно должна встретиться с ним. Алибек, тебе нужно было не запросы в Новороссийск посылать, а поехать туда самому. И сейчас не поздно. Завтра же выезжай. - И тут снова раздался звонок телефона.

- Слушаю. Что? Как же так получилось, а? Сейчас выезжаем, - чертыхнулся старший следователь. Он быстро распорядился по телефону окружить находящийся под наблюдением квартал и вызвал машину. Ничего не говоря, он двинулся к двери, на ходу пригласив с собою ребят. Алибек и Коля без лишних слов последовали за ним.

- Кто-то был в квартире Раи. Милиционер упустил его, - сплюнул Иван Васильевич. Отчаянно сигналив, подъехала служебная машина. Там уже сидели двое. Все поехали к злополучной квартире и машину остановили

возле дома. - Вряд ли мы их здесь найдем, но попытка - не пытка, - проговорил, ни к кому не обращаясь, Попов.

По словам встретившего их майора милиции, все необходимое было сделано. Квартал окружен. Укромные уголки были тщательно осмотрены. После его информации все трое поднялись в квартиру. Шахим стоял в темноте у окна. Иван Васильевич включил свет и потребовал обо всем рассказать обстоятельно. Выяснилось, что среди ночи, пока Шахим полулежал на кровати, он слышал странные звуки. Очевидно, кто-то пытался открыть дверь. Шагов милиционер не слышал, да и теперь тот работал почти бесшумно. Шахим стоял у двери, поджидая незваного гостя. Провозившись около часа, за дверью притихли. Шахиму некогда было раздумывать. И, боясь, что тот уйдет, он резко открыл дверь. Притаившийся в углу человек ударил его чем - то тяжелым. К счастью, удар пришелся по правому плечу, но все же на минуту милиционер замешкался. Воспользовавшись этим, ночной посетитель кинулся прочь. Шахим побежал за ним. Свет в подъезде и во дворе был потушен, благодаря чему убежавший быстро скрылся.

- Эх, голова садовая! Нужно было не открывать дверь и не бежать за ним, а тихо позвонить в милицию. Не даром же мы поставили телефон. Ну, и положение теперь у нас.

- Я опасался, что он услышит, - оправдывался Шахим, бледнея.

Попов подошел к окну. Потрогал плечо. Шахим присел от резкой боли.

- Раздевайся! - приказал следователь. Осмотрев плечо, он заключил: - Или перелом, или вывих. Спустишь вниз и на машине отправляйся в больницу. - После его ухода воцарилось неловкое молчание. Потом Иван Васильевич сказал: - Ребята, пойдем, наверное, нам делать больше нечего.

- Значит, охрану снимаем? - спросил Николай.

- Да.

- Иван Васильич, охрану все-таки нужно оставить. В этой квартире что-то есть, - заметил Алибек.

- Да, ты прав, - согласился тот после короткого раздумья. - Распорядимся, чтобы кого -нибудь прислали.

... Все собрались во дворе. Попов приказал майору отпустить людей отдохнуть, и трое следователей по безлюдным улицам направились к центру города. Соперничая с фонарями, ярко светила луна, а может быть, и наоборот, ведь луна начала светить людям раньше фонарей. Идут по улице трое мужчин, хранят глубокое молчание. Они устали, но кто его знает, когда отдыхает следователь? В пути? Нет, и сейчас они никак не похожи на прогуливающихся людей. Трое мужчин о чем - то сосредоточенно думали. Более месяца ведется дело. Негодяи шныряют у них под носом и в последнюю минуту целенькими возвращаются в свое логово. Сдается, удача сопутствует им, а не следователям. Сколько бесконечных ночей позади! Сколько работы проделано, а результат... Ведь самое сложное дело Иван Васильевич распутывал за 15 - 20 дней. А теперь он не знает, куда деться от стыда и недовольства собою. Несколько раз пришлось довольно резко разговаривать с прокурором. Приумолкли не дававшие Коле покоя звонками девушки. Даже веселый, не унывающий Алибек забыл, когда в последний раз смеялся от души. Сказывается недоедание и недосыпание. Попов не прочь отдохнуть где - либо, распутав этот чертов клубок, а ребята мечтают лишь хорошенько выспаться.

- Вот и мой балаган, - Иван Васильевич повернулся к друзьям. Приподнявшись на носках, он заглянул в ограду. - Свет горит. Чего это Валя полуночничает? - Хозяин толкнул калитку, она не открывалась. - Черт побери, мы же не замыкаем калитку изнутри! А может, это тонкий намек, что я вообще могу не приходить ночевать? - улыбнулся он.

- Пойдем мы, Иван Васильич, спокойной ночи, - попрощался Коля.

- Подождите, если меня не впустят, я тоже свободный человек, двинусь с вами.

Все засмеялись. И в это время раздался стук открываемой двери и послышался вопросительный голос Вали. Иван Васильевич откликнулся. Жена, словно не торопясь, подошла и отомкнула калитку.

- О, да ты еще с товарищами, проходите, пожалуйста, - поздоровалась хозяйка.

- Поздно уже, спасибо, - сказал Алибек.

- Ничего страшного, ребята. У тебя есть чем накормить нас? - обратился Попов к жене.

- Поздно ведь, - отнекивался Коля.

- Ну что вы, все готово, - заявила Валя и под руку повела парней к дому.

- Почему до сих пор не спишь? - спросил Иван Васильевич.

- Я недавно вернулась. Ездила к больному ребенку. Словно знала о вашем приходе и возилась на кухне.

- Это хорошо, но на столе не все в порядке, - улыбнулся хозяин. - У тебя ничего не припрятано?

- Иван Васильич...

- Не волнуйтесь, у меня больше нет, - улыбнулась Валя, ставя на стол начатую бутылку коньяка.

- Можно было и целую поставить, но и за это спасибо. - Иван Васильевич разлил жидкость. - Давайте, ребята, иногда это мозги проветривает...

Через некоторое время Коля и Алибек, пожелав спокойной ночи, вышли из ворот гостеприимного дома. Им предстояло вместе прошагать четыре квартала. А время было далеко за полночь. Где-то кричала совка: "Спать хочу! Спать хочу!" Алибек усердно мурлыкал какой-то мотив. А Коля был задумчив.

- Поймал его? - неожиданно громко спросил Алибек.

- Что? - вздрогнул Коля.

- Преступника поймал?

- Как это поймал?

- Так ты же об этом, так усердно сопя, думаешь.

- На этот раз ты ошибся. У тебя, оказывается, не только глаза в разбег, но и мысли. Я об этом как раз и не думал. Давай лучше закурим.

- Значит, ты жалеешь, что сегодня не состоялось очередное свидание с какой-нибудь красавицей?

- Если бы... Слушай, как ты смотришь на Валю?

- Как я смотрю? Симпатичная женщина и человек, вероятно, в той же степени. А чего это тебя заинтересовало?

- И Ивана Васильича она любит, как ты думаешь?

- Не успел спросить! - отрезал Алибек. - Но я уверен в одном - Васильич любит Валентину.

- Это и я знаю...

- Её нельзя не любить. А почему они тебя так взволновали, мой друг?

- Даже не знаю, что сказать... - Они уже подошли к перекрестку, где нужно было расстаться.

- Ну, выкладывай, что у тебя? Должен я поспать хоть два - три часа в сутки или нет?

- Потом поспишь. Давай лучше посидим. - Присев на скамейку у чьих - то ворот, Коля снова задумался. - Знаешь, мне не понравилось сегодня поведение Вали...

- Оно, возможно, Ивану Васильичу понравилось, а это, по - моему, важнее. Ну, бывай здоров, паси коров. Ты человек вольный, а меня дорогая пилорама ждет.

- Мне кажется, Иван Васильич из-за этой любви ничего не видит.

- А что он должен видеть? - рассердился Алибек. - Нас приняли, как людей, угостили, проводили, а ты...

- За все это спасибо. Но до нас там тоже кто-то был...

- Бедный, бедный мой друг. Опьянел от ста граммов.

- Ты в шутку не превращай...

- Слушай, а может, Валя тебе понравилась?

- Да ты послушай...

- Слушать-то я слушаю, но, отведав хлеба - соли...

- Нехорошо обсуждать поступки хозяев, хочешь ты сказать? Это действительно так. К тому же я очень ува-

жаю Ивана Васильевича и поэтому не желаю нигде его видеть обманутым и униженным. Ошибаться люди не любят.

- А ты очень обрадовался ошибке? Ну, хорошо, скажи, что натолкнуло тебя на такие мысли?

- Во-первых, ни к какому больному Валентина не ездила. Улица покрыта гравием и песком, а свежих следов машины не было видно.

- Ты просто мог не заметить.

- Там горели фонари, и смотрел я внимательно. Во-вторых, впервые в жизни ворота были закрыты. Шеф сам удивился.

- Значит, там кто-то мог находиться?

- Вероятно...

- Куда же он исчез?

- Не знаю. В крайнем случае, мог выпрыгнуть в окно.

- Дальше ты еще что-то заметил или это все?

- Валя была чем-то сильно взволнована. Когда взяла нас под руки, она вся дрожала. Это мой третий довод.

- А четвертый есть, господин Пинкертон? - не удержался от иронии Алибек.

- Даже пятый имеется, для хорошего друга дерьма не жалко, как говорится. Учись, пока я жив. Два стула стояли у стола, несомненно, на них сидели. Бутылка коньяка была почата...

- Её мог открыть Иван Васильевич.

- Открыли ее не когда - то, а именно перед нашим приходом, потому что на горлышке есть резьба, где голозка закручивается, а она просто прикрывала горлышко И к тому же - в двух рюмках из трех оставался запах коньяка...

- Ну и ну! Ты завтра и у меня что-нибудь откопаешь. Как ты успел все это заметить?

- Ты бы тоже заметил, если присмотрелся. Однако не об этом речь. Ты можешь оправдать поступки Вали?

- К сожалению, нет, и в этом вся загвоздка, - тяжело вздохнул Алибек.

- Значит, я прав.

- Прав, прав, провалились ты со своей правдой! И так кругом одни неясности, а ты еще и это добавил.

- Что же делать?

- На голове пройтись, может быть, мозги займут необходимое положение. Придется иногда бывать в этих местах, если заметим что - нибудь подозрительное в поведении Вали, решим вопрос по-другому. - Алибек встал и, не попрощавшись, двинулся домой. Некоторое время Коля смотрел вслед другу, потом, отшвырнув недокуренную сигарету, тоже поднялся.

6

... Пока Алибек разговаривал с начальником УВД Новороссийска, принесли данные об Анне. Девушка жила на улице Пушкина с бабушкой Екатериной Никифоровной. Четыре месяца назад покинула Новороссийск. Раньше преподавала в начальных классах, работала безупречно, имела почетные грамоты. Остальное предоставлялось Алибеку выяснять самому. Медлить было некогда.

Когда Алибек вышел из кабинета начальника, солнце клонилось к закату. Заняв место в гостинице, он направился вниз по улице, уверенный, что город знает основательно. Но без расспросов он не мог добраться до нужной улицы. Не зная, что предпринять, молодой следователь несколько раз прошел мимо покрытого шифером домика Евгении Никифоровны. Ничего не придумав, он все же решительно постучал в калитку. Старушка, очевидно, возилась во дворе, так как быстро выглянула на стук. Худощавая пожилая женщина внимательно смотрела в лицо незнакомцу. Поздоровавшись, он сказал, что побеспокоил ее по делу. Оба вошли во двор и сели на низкую скамеечку под ореховым деревом.

- Что же вас привело ко мне? Знать, не местный?

- Да... вот, - замешкался Алибек, - действительно, я

не здешний, но теперь буду работать здесь. Искал квартиру, и какой - то мужчина направил к вам.

- Это уж точно Иван Петрович. Всех присылает ко мне, - улыбнулась женщина. - Квартира у меня есть, но, - лицо ее приняло сердитое выражение, - такого, как ты, не пущу...

- Но почему, Евгения Никифоровна?

- Я всегда недолюбливала черномазых, а теперь тем более...

- Чем же они вас обидели, что вы настолько ожесточились?

- А что они мне могли еще сделать? Вот один, похожий на тебя нехристь, пришел и увел Аннушку.

- Как увел, я не понял?

- Да я и сама не поняла. Умолил пустить на квартиру, ну, пожалела,пустила. А он, пропади ты пропадом, и месяца не прошло, как закрутил девчонке голову.

- Они поженились?

- И хоть бы благословения просили. Ох, уж эта молодежь.

- Может быть, они раньше были знакомы?

- Куда там... Анна встречалась с другим. И откуда он только взялся, черный бес? А другой, Костя, просто чудочеловек...

- Все это ничего, но то, что Анна решилась бросить вас одну...

- Я говорила и об этом, а Миша все свое: "По нашим законам зятя не живут в доме своей жены".

- Простите, его звали Миша?

- Да, да... И жил бы где-нибудь в приличном месте, так нет же - в Солнечном. Разве это город?

- Променять берег моря на что - то другое...

- Будь поумнее, Миша бы понял это. Я буду не я, если Миша не попросится обратно.

- И до сих пор они не приезжали?

- Даже письма нет. Но что делать?

- А один Миша приезжал отдохнуть?

- Бес его знает. Несколько раз спрашивала – отговаривался. Деньгами раскидывал, видать, бывалый. Простит пусть меня Господь, ни пьяным его не видела, ни дурных каких поступков не наблюдала. Только с Анной в кино ходил.

- Красивый, наверно, был. Фотография не сохранилась?

- Нет, а сам был видный, красивый. Но я всю жизнь не люблю людей с золотыми зубами, а у этого два передних были золотые.

- А как Костя, сильно переживал или плюнул на все?

- Еще как переживал, не так легко расстаться с человеком, с которым дружишь с самого детства. По вечерам часто приезжал, помогал мне по хозяйству.

- У него есть машина?

- Да нет, он шофером в театре работает.

- Приятно поговорить с хорошим человеком, не замечаешь, как время летит, - спохватился следователь. - Мне пора.

- Тебе же квартира нужна?

- Вы же не пускаете.

- Один меня обидел, но ведь ты, видать, не такой. Одно условие, если по ночам будешь приводить девчонку, - Евгения Никифоровна строго погрозила пальцем.

- Сохрани бог от этого, - пообещав прийти завтра, гость вышел на улицу.

... Старушка здорово помогла, рассуждал он про себя. Начнем с Миши. Хотя его зовут не Мишей, а Магомедом, Мухаммедом или еще черт знает как. Трудно угадать национальность. Прописан-то не был. Сейчас должен жить в Солнечном. Вставлены золотые зубы. Интересно, он давно знаком с Анной? Это должен знать Костя. Придется его найти, хотя потом все равно с ним придется поговорить основательно.

Ранние сумерки окутывали город. С моря тянуло солоноватой сыростью, когда Алибек подошел к театру. Спектакль не начинался, и людей почти не было. Узнав

от кассира, что директор у себя, следовательно поднялся на второй этаж и постучал в дверь, которая в ту же секунду резко открылась, и оттуда, не извинившись перед встречным, выскочил молодой человек и сбежал по лестнице. Алибек, утешая оскорбленное самолюбие, подумал, что это либо сумасшедший, либо уволенный “по собственному желанию”, перешагнул через порог кабинета. Директор вцепился в трубку телефона, судя по всему, надолго. Посетитель сел на указанный глазами хозяина стул и решил терпеливо дождаться конца телефонного разговора. Положив трубку, директор вопросительно уставился на пришедшего. Решив здесь ничему не удивляться, следовательно выразил желание видеть друга детства Костю.

- Он только что вышел отсюда, разве вы не встретились?

- Так это был Костя? Он проскользнул так быстро, что я не узнал.

- Сегодня и я его не узнаю, - не скрывая удивления, сказал директор. - Сбежал, говорит, мне необходимо поехать в город Солнечный.

- В Солнечный?

- Да, обещает все объяснить потом и просит лишь отпустить с машиной. В первый раз вижу его таким. Разрешил, если надо, значит, надо.

- Он уже уехал?

- Можно спросить. - Директор набрал номер вахтера. - Да, только что выехал.

- Извините, найду в следующий раз, - торопливо встал Алибек. Позвонив из автомата уже знакомому начальнику милиции, попросив, чтобы срочно задержали машину Кости, Алибек и сам отправился туда на такси. Вскоре рассерженного Костю привезли в кабинет начальника УВД.

- Это же форменное беззаконие, задерживать ни в чем не повинного человека...

- Сядь, успокойся. Мы ни в чем и не обвиняем тебя, - сказал начальник.

- Во всем виноват я, - вмешался Алибек. - Но и я тороплюсь не менее тебя.
- Завтра тоже наступит утро, - с намеком заговорил задержанный.
- Мне тоже необходимо ехать в город Солнечный.
- Куда, в Солнечный? - удивленно переспросил Костя. - Как вы узнали, что я еду туда?
- Я знаю также, что мы едем по одному и тому же делу. Мне тоже нужно встретиться с Анной, - добавил следователь, не давая опомниться парню.
- Кто ты такой? - вскочил он. - Откуда ты знаешь Анну, и что я еду к ней?
- Откуда - неважно. Но знаю ее хорошо. Она попросила тебя приехать.
- Никто меня ни о чем не просил, я сам.
- Нет, ты едешь не сам. Нам известно, что ты был в хороших отношениях с Анной, а она с другим парнем сбежала в Солнечный. Если хочешь знать, Анне живется не очень весело. А сейчас давай знакомиться, - и Алибек протянул удостоверение.
- Анна в чем-то виновата? - спросил ошарашенный Костя, возвращая документ.
- Для подробного рассказа потребуется слишком много времени. Я еду с тобой и расскажу тебе дорогой. А теперь мы слушаем тебя.
- Я выезжал с артистами, вернувшись, нашел вот это, - он протянул Алибеку конверт, где лежал мелко исписанный тетрадный листок. Следователь быстро читал, и его лицо менялось на глазах.
- Что там? - не вытерпел хозяин кабинета.
- Пишет, если завтра не приедешь, покончу с собой. Попала в руки негодяев.
- Поэтому я и торопился, - начал Костя, но его перебил начальник милиции.
- Что же теперь делать? - обратился он к Алибеку.
- Мы с ним поедem.
- Если будет необходимость, сообщите нам.

- Спасибо за все. Завтра позвоню.

Алибек и Костя поспешно вышли.

... А в это время Анна шла из кинотеатра домой. Шла торопливо, часто оглядываясь по сторонам, что постороннему могло показаться подозрительным. За ней, скрываясь в тени деревьев, кто-то неотступно следовал. Он до того внимательно следил за девушкой, что несколько раз споткнулся. Вздохнув, словно сбросив с себя тяжелый груз, он сел на скамейку, когда Анна скрылась за калиткой. Около полуночи подошел другой парень. Немного поговорив и оставив того на своем месте, первый тихо скрылся.

... Утром в кабинете Ивана Васильевича зазвонил телефон. Попов копался в сейфе, и Коля поднял трубу.

- Звонил милиционер, - доложил Николай, положив трубку, - благополучно добрался из кино. Больше не выходила.

- А сколько сейчас времени? Мои часы стоят.

- Уже восемь, - застыл с бумагами в руке Попов, не зная, что сказать.

- Что - то случилось?

- Ведь у Анны автобусный билет на восемь.

- Я и забыл! - вскочил Кола и бросился к двери.

- Вернись!

- Автобус может задержаться, или догоню на такси....

- Вечно ты торопишься поперёк бабки. Если она в автобусе, мы сможем её догнать, но ни тебе ли милиционер сказал, что Анна не выходила из дому?

- Догадавшись о наблюдении, она могла уйти задворками.

- Это было бы лучше, ведь в таком случае можно догнать ее и допросить. Но если она не уехала, а уехать хотела...

- Я опасаюсь за ее жизнь...

Вошел Алибек. Ввалившиеся щеки и покрасневшие глаза выдавали в нем отнюдь не бездельника. На все вопросы был один ответ вопросом:

- Анна жива? - Но этого никто не знал. Алибек, залпом выпив стакан воды, устало присел на диван, вкратце знакомя слушавших с результатами поездки.

- Вы были там, куда Анна пригласила Костю?

- Были. Костя и сейчас там. Но нас никто не ждал. Иван Васильевич, что же делать?

- Необходимо ехать на квартиру Анны, - ответил Коля за Ивана Васильевича.

- Это осложнит и без того запутанное дело. Если преступники узнают, что Анной заинтересовались, более того, явились к ней домой, что они сделают?

- Удерут отсюда, черт бы их побрал!

- У меня есть одно предложение, - начал Алибек. - Хозяйка Анны - женщина болезненная. Милиционеры замечали, что несколько раз приезжала "Скорая". Можно нам воспользоваться помощью неотложки.

- Можно, даже переодевшись, поехать самому, - одобрил план подчиненного Попов. Коля тотчас набрал телефонный номер "03" и, оправдывая свои действия тяжелым состоянием Алибека, вызвал "Скорую помощь".

- Ты когда только станешь человеком, шутишь в такое время? - покачал головой Иван Васильевич.

- В том, что он станет человеком, я давно сомневаюсь. Но, благодаря ему и бессонным ночам, меня действительно могут увезти.

В это время уже подъехала вызванная машина. Молодой фельдшер стремительно вошел в кабинет. Объяснив, в чем дело и извинившись, Иван Васильевич надел его халат и, на ходу застегиваясь, сел в машину.

- Что вы сегодня ели? - официально обратился Коля к дремлющему Алибеку.

- Я целый день занимался выбором блюд.

- Мертвых не оживить, а живым надо жить. Сходи и покушай, Мегрэ.

- А ты не слышал, уважаемый благодетель, приказ находится здесь до приезда шефа? - ответил на заботу Коли друг, поднимая вздрагивающую трубку. - Да, ка-

кая? В какой больнице... Сейчас Коля выезжает. - Алибек положил трубку. - Под утро в милицию прибежала девушка. Из ее бессвязных слов ничего не поняли, решив, что она помешанная, отправили в больницу, где и по тебе скучает койка.

- Зачем нам об этом сообщать? Мы же не психиатры. Или ты будешь лечить ее?

- Предполагают, что это Анна.

- Я пошел, вернусь быстро...

Алибек набрал в графин холодной воды, сделал несколько глотков и, покружившись по комнате, подошел к зеркалу. Увидел обросшее щетиной лицо.

Приведя себя в божеский вид электробритвой Ивана Васильевича, Алибек сел за стол и вытащил из полуоткрытого сейфа папку с документами по делу Раи. Достав из кармана письмо Анны Косте, тоже добавил к ним. Чтобы думать, он слишком устал и долго возился, не зная, куда деть время. Через час вернулся бледный и несколько удивленный Иван Васильевич. Попросив закурить, он начал рассказывать.

... Попов быстро подъехал к дому Анны. Дверь в прихожую оказалась открытой. Не зная, с чего начать, следователь сперва заходит в комнату старушки. Та лежит на постели и вопросительно смотрит на вошедшего. Тот объясняет свой приход телефонным звонком в "Скорую". У женщины действительно болит сердце, но врача она не вызывала, очевидно, это сделали соседи, не увидев ее во дворе. Иван Васильевич слушает сердце и уговаривает старушку показаться приезжему профессору, который сейчас находился в этом городе. Быстро доставив ее в больницу, он возвращается назад и отмыкает запертую дверь девушки.

Повидавший многое на своем веку, следователь застывает у порога. Опомившись, он начинает внимательный осмотр комнаты. На полу, разметав руки, на спине лежит парень. Вокруг его головы лужа крови. Рядом валяется сваленный стул, на котором тот, скорее всего,

сидел. Недалеко валяется утюг, острый конец его окровавлен. Вероятно, лежащего ударили утюгом в затылок. Других следов нет. Точность выводов докажет экспертиза. Окно, выходящее в садик, раскрыто. На несколько запыленном подоконнике остались следы мужских рук, их мог оставить убитый при входе. Рядом следы женских ног. Она выскочила босой.

Попов с помощью шофера перенес труп в машину. Закрыв окно и опустив шторы от взглядов любопытных, отвез труп в морг.

- Мы все говорили, что женщины не способны на такое. Но та, покончившая с таким парнем, с Раей справилась бы в два счета.

- Обыск трупа ничего не дал?

- Сигареты и коробка спичек.

- Золотых зубов не было?

- Кажется, были впереди пара штук.

- Значит, это Миша, который увез Анну из Новороссийска. Пусть не Миша, а Магомет, Махмуд...

- А ведь верно. Нужно установить личность убитого. Где же Анну искать? - Алибек подробно рассказал о телефонном разговоре. Коля должен был вот-вот подойти, и он вскоре действительно вошел в кабинет.

- Мертвых не оживить, а живым надо жить, - философски заключил он, усаживаясь и не скрывая радости. - Далеко за полночь навстречу милиционеру, возвращающемуся с дежурства, выскочила боевая, расторопная женщина. "Я убила Мишу, теперь убью усатого, где он, скажи?" - пристаёт она к милиционеру. Тот вначале не обращает внимания, но затем решает отвести в отделение, что и делает не без труда. Женщина и в отделении все время повторяет то же самое. Не добившись вразумительного ответа, ее отправляют в психиатрическую больницу.

- Ты разговаривал с ней?

- Вначале встретился с врачом. Анализы не сделали, но, похоже, что она чем - то была сильно взволнована. Когда придет в себя, не известно. Я уговорил его пока-

зять женщину. Анна стояла в углу палаты. На все мои вопросы она повторяла одно: "Я убила Мишу, убью и усатого". В конце добавила, что она все равно никуда не уедет, очевидно, ее куда-то хотели увезти.

- Мишу она убила ночью, - коротко ознакомил Иван Васильевич удивленного Колю с не менее удивительным событием.

- Нужно установить, кто такой был Миша, - нарушил молчание Алибек.

- А дальше?

- Пользуясь случаем, попробуем выяснить у Анны, не приложила ли она руку к убийству Раи?

- Что? Теперь Ёжик отпадает, а убийца - Анна?

- Нет, этому никто не верит, и, тем не менее, это необходимо проверить.

- Подожди, - вмешался Коля. - Может случиться, что и Ёжик, и Анна не виноваты, а убил Раю Миша. Его какие - то надежды не оправдались, и он решил бежать с Анной.

- Почему с Анной?

- Потому, что она была в курсе дела, и ее по закону воровского жанра требовалось убрать или спрятать подальше. Видимо, убить не решался. Анна не соглашалась ехать, тогда он пригрозил. Испугавшись, девушка решила опередить его, что и сделала.

- Хорошо ты поешь, как соловей. А кто же тогда усатый? - не унимался Алибек.

- Это мог быть знакомый Миши. Но не стоит верить каждому слову помешанной женщины. Когда - то ее мог обидеть человек с усами, а сейчас она просто вспомнила давнего обидчика. Раю мог убить и усатый...

- Помешался ты на его усах. Я же не утверждаю, что он ангел. Будем и его искать.

- В городе несколько тысяч человек с усами, - вмешался Попов. - Я вижу, вы так до вечера не договоритесь. Пока не установили личность Миши или Анна не придет в себя, нам надеяться не на что.

В дверь постучали. Вошел Костя.

- Вот молодец! - обрадовался Алибек.

- Анна не пришла в условленное место, - садясь, вздохнул Костя.

- Она жива, не бойся, - успокоил Иван Васильевич.

- Где она? - вскочил театральный шофер.

- Не торопись. Сядь. Мы на время спрятали ее. Сейчас ты не можешь ее видеть.

- Почему нельзя увидеть? Она сама просила меня приехать. Уехать, даже не увидев ее?

- Это все верно, - Алибек положил руку на плечо Кости. - Анне грозила опасность, и она написала тебе. Сейчас все в порядке. Потерпи немного, и вы встретитесь.

- Ты сам знаешь, я отпросился на день. Как я могу спокойно уехать?

- Сегодня никуда не уезжай. Алибек уладит этот вопрос с начальством, позвонит. Иди в гостиницу, отдыхай. Завтра встретимся, - сказал Иван Васильевич. И Костя не успел выйти, как зазвонил телефон. Говорил Сеит. - Он что - то нашел в комнате, - сообщил старший группы.

- Его давно не видно...

- Он, Алибек, в квартире Раисы. Особой опасности теперь не было, к тому же он с милиционером. Я надеялся, что он что -нибудь вспомнит.

Вскоре пришел Сеит. Поздоровавшись, он вытащил из кармана тонкую тетрадь и протянул следователю. Добавив: "Это дневники Раи", сел поближе к двери.

- Дневники? - удивился Иван Васильевич.

- Где ты нашел? - спросил Алибек. Не слушая, что тот ответил, Попов начал читать.

... "Не знаю, с чего начать. Я никогда в жизни не вела дневников. Но не писать я тоже не могу. Если со мной что-нибудь случится, мой милый Сеит, я верю, найдет и прочтет. Вчера вечером, когда мы оба смотрели телевизор, объявили о розыске преступника по прозвищу Ёжик.

Сеит заметил, как я вздрогнула при виде его фотографии. Я и дома не могла опомниться, и он несколько раз спросил, что со мной? Но я скрыла от него правду и отделалась шутками. В недавнем прошлом, которое я вычеркнула из жизни, у меня был знакомый Колючка. Он часто упоминал о Ёжике. Его друзья боялись Ёжика, слепо подчинялись ему во всем, и слава его распространилась и на Колючку. Выходило, что, кроме него, никто толком не знал Ёжика. Он часто говорил, что срок Ёжика кончается, что он может и раньше освободить себя. Колючка был гораздо лучше окружающих: умнее, красивее, сильнее, но отличался жестокостью. Не зная, как избавиться, я донесла на него, и его осудили. Вряд ли он об этом знает, но если узнает, мне несдобровать. Он отомстит после отбытия срока, или это сделает кто-нибудь из его друзей. Это у них обычное дело. С тех пор прошло больше года, но всякий раз при воспоминании у меня колет сердце. Но Колючка и его наиболее отъявленные друзья - головорезы были в тюрьмах, и это утешало меня. Когда же показали Ёжика, я не совладала с собой. Не по мою ли душу сюда явился бандит?"

... "Сеит, ты сказал мне: "Отдыхай до смены", - и ушел на работу. А я, милый, с открытыми глазами пролежала всю ночь. Как же мне теперь заснуть? Сеит, Сеит, ты не знаешь, в каком я сейчас аду. Я считала, что теперь жизнь пойдет иначе. И вот, хотя что я? Если Ёжик все узнал, нужно опасаться и за тебя. Он никого не пожалеет. А может, мои тревоги напрасны?"

.... "Сегодня, когда мы шли вдвоем, высокий парень, стоя на краю тротуара, внимательно смотрел мне в лицо. Его злобный взгляд резанул меня. Во рту он держал сигарету, и я заметила два золотых зуба. На пути у нас стоял еще один, прислонившись к дереву. Не поворачивая головы, он краем глаза проводил нас. Я могла спутать, но думаю, что это был Ёжик. Отойдя дальше, я незаметно оглянулась: оба стояли рядом.

... Я чувствую, что - то будет, но что делать? Тебе я

чего не могу сказать, да и сказать определенно чего...”

... “Сегодня в газете читала стихи Азрета. Я не знала, о он пишет стихи, и приятно удивилась. Особенно понравилось вот это:

Каждый раз по вечерам
Загорается звезда.
Освещающая путь горам,
Раньше всех встает она.
На руках твоих племянш
Взором тянется к звезде.
- Ты ведь мне ее отдашь,-
Говорит малыш тебе.
Он Надеждой ее звал,
Значит, сбудутся мечты.
Все же я ее достал,
Оказалось – это ты!

... Мне кажется, они написаны о нас. Но мы, Сеит, мы обязательно должны быть вместе!”

... “Два дня прошло с тех пор, как ты поехал домой сообщить о нашей свадьбе. Эти дни мне показались дольше двух лет. Я боюсь, что больше не увижу тебя. Знаешь, Сеит, мне кажется, что смерть ходит за мной по пятам. Но я ничего не скажу тебе, не выдам тревоги. Ты уж прости меня за это. Я расплачиваюсь за ошибки, ты тут ни при чем...”

... “Прошлой ночью в почтовый ящик кто - то бросил записку: “Постарайся в эти дни быть дома одна. Колочка кое-что просил передать. Тебе бояться нечего. Ни о чем не думай. Записку сожги. Верю в твое благоразумие”. Это чтобы я молчала. Я никому не открою дверь. Если будут ее выламывать – кто-нибудь да услышит. Как только приедешь, я все расскажу тебе, иначе сойду с ума. Очень соскучилась...”

На этом записки закончились. В комнате стояла гро-

бовая тишина. Сеит сидел, словно не живой, мягкотелый. Коля тяжело вздохнул. Алибек что-то бесшумно рисовал на чистом листе – признак волнения. Попов внимательно смотрел на тетради. Все четверо переживали несчастье Раи, по-разному обдумывали дальнейшее и молчали. Молчание нарушилось звуком открываемой двери. Секретарь вызвала Попова к прокурору.

- Алибек может отдыхать до обеда. Тебе, Сеит, спасибо. Коля, расскажи ему о последних новостях, и он может до утра быть свободным. А сам останешься здесь, - распорядился Иван Васильевич и, собрав бумаги, вышел.

7

... Ахъя Таулиев считается в селе Нарзанном хорошим хозяином. Молодежи не нравится его излишняя религиозность, преклонения перед отжившими и ненужными обычаями. Но пожилые уступают ему почетное место. Он читает Коран, хотя, по словам эфенди, и с ошибками. Ни одни поминки не обходятся без него, но, в отличие от стариков, он любит посещать и свадьбы. Но не танцевать и не петь приходит, избави Аллах, а интересуют его как исполняется обычай. Что не нравится, он высказывает вслух. Мало кому нравятся его вмешательства, но Ахъя не такой, чтобы обращать внимание на мнение других. Четверо сыновей у Таулиева. Не без труда он женил троих старших на девушках из обеспеченных, хороших, по его мнению, семей. Вот только Магомет вольничает, во всем стоит на своем. Несколько раз Ахъя ругал жену Шамшият, обвиняя ее в потакательстве всем прихотям сына. Шамшият с самого начала совместной жизни возмущается его характером и ругается без устали. Особенно ее возмущает жестокость и любовь мужа к сплетням. И терпит она его лишь из-за детей. Прошли годы, дети выросли, и вот уже самый младший стоит с аттестатом зрелости в руках.

Вольничавший с детства Магомет решил устроить жизнь по-своему. В доме все чаще возникают споры и ссоры. Отец решает, пока сын окончательно не отбился от рук, женить его и породниться с хорошей семьей. Шамшият протестует, ссылаясь на молодость сына. Но Ахъя на ней женился еще в более раннем возрасте, и возразить против этого нечем. Ахъя умело вел дело, забыв лишь об одном – спросить согласия сына. Он не сомневался в положительном ответе. Младшая невестка пробовала заикнуться, но ответ был неожиданным: Магомет отказался от женитьбы. Отец вначале удивился, потом не на шутку рассердился. Он хотел, чтобы сын учился заочно и устроил свою жизнь. А Магомета манили большие города.

В старших классах Магомет часто задумывался о жизненном пути, перебирал все известные профессии. В конце десятого решил – будет инженером. Год, который он провел дома, еще больше укрепил его в правильности выбора. Так прошли осень, зима, весна и наступило лето. Попросив у матери прощения и благословения, Магомет тайком от отца покинул село. С этого дня и началась его самостоятельная жизнь. Он поступил на вечернее отделение политехнического института и устроился на работу.

Трудно совмещать учебу и работу, но Магомет справлялся. Вскоре стал одним из передовиков механического цеха, обгоняя во многом своего учителя – опытного слесаря. Удача и успех сопутствовали юноше. Так проходит год. За это время он успевает несколько раз съездить в село. Отец делает вид, что не замечает его.

Выгнать стесняется соседей, но мать всегда приветлива и рада его приезду. Матери неприятно видеть напряженность между сыном и отцом, но теперь она не вмешивается в их отношения.

К тому времени, когда Магомет окончил первый курс института и проработал несколько месяцев, подошла пора его первого в жизни трудового отпуска. Вначале он хо-

тел поехать в село, но, зная, что отец будет ворчать, мать расстраиваться, решил не ездить домой. Как-то ему встретился председатель профкома и между прочим сказал, что есть курсовка на берег моря. Так Магомет попал в Новороссийск. Никто не знает, где его поджидает любовь, но встретишь ее всегда неожиданно. Она налетает, как вихрь, со всеми своими радостями, горестями. Все это испытал и Магомет. Впервые увидев Анну, он отдает ей в плен свое сердце. Девушка отвечает взаимностью. Так, считая себя мужем и женой, в конце отпуска Магомета они вместе покидают ласковый берег моря.

Квартирный вопрос в городе решался с трудом, поэтому Магомет вдвоем с другом жил в маленькой комнатухе на краю города. Тот готов был уступить место Анне, но хозяевам это не нравится, и девушка несколько дней живет в гостинице. Поиски квартиры по всему городу ничего не дают. Руководители завода обещают дать квартиру в новом доме, и Анна временно поселяется одна у какой-то старушки. Магомет ставит в известность о женитьбе мать, но та выражает недовольство женитьбой сына на русской девушке и не скрывает, что отец разъярится. Это чувствует и Магомет. В первый раз мать не поддерживают сына. Глубоко опечаленный Магомет возвращается в город...

Юноша после отпуска выходит на работу. Ему сообщают, что дружинники цеха в эту ночь дежурят по городу. Видя удрученное состояние парня, друзья пытаются отправить его отдохнуть, но Магомет не соглашается. После смены он всех дружинников приводит на участок. Те приступают к своим обязанностям. Оказавшись один у ресторана (другой пошел за сигаретами), он слышит недалекую ругань мужчин. Дружинник подходит и видит, что молодой парень избивает пожилого человека. Он пытается разнять, но тот, быстро повернувшись, бьет его кулаком в лицо и, пока тот замешкался, убегает.

Мгновенно опомнившись, юноша чувствует, что из носа течет кровь. Не обращая внимания на это, он кидает

ется вслед за убегающим. Хулиган, видя, что ему не оторваться, пытается сбить с ног дружинника. Но тот ловким ударом валит его наземь. Подскакивает другой дружинник. Оба волокут пьяного в отделение милиции. Женщина на “Скорой помощи” промывает разбитую губу Магомету и останавливает кровь. Дав необходимые показания, ребята выходят из отделения.

... Среди ночи Магомет проснулся от стука в дверь. Во дворе стоял милиционер. Его вызывали в отделение. Торопливо одевшись, юноша последовал за милиционером. В кабинете его начали не то допрашивать, не то спрашивать о событиях прошедшего вечера. Вскоре следователь сказал, что Магомет получит по заслугам за “хулиганство”. С этого вечера все пошло кувырком. События развивались так быстро, что он и не понял, что и к чему? Его почти ежедневно вызывали в отделение, без устали спрашивали об одном и том же. И, в конце концов, выходило, что во всем виноват он. По нехорошему поведению юноши провели цеховое собрание. Но нашелся мужчина, который обрушил на головы милиционеров потоки заслуженной брани, после чего Магомета на некоторое время оставили в покое. Однако, уверенный в своей правоте, парень считал все это незаконным и, обидевшись на друзей, которые не поддержали его в трудную минуту, ушел с завода по собственному желанию. В институте на него тоже начали смотреть косо, да и как мог заслужить доверие уволенный по собственному желанию, а скорее – по чьей-то просьбе? Пришлось оставить и учебу. Простой парень, всегда веривший в человеческую доброту и так хотевший встать на ноги, ожесточился и замкнулся в себе. Откуда ему было знать, что отец бездельника Хыйсы был одним из руководителей города.

- Вот и все, что я собрал за два дня, - заключил Коля.

- Значит, он встретился с тем Хыйсой, который осужден за убийство. Кажется, и отца его сняли с работы? - спросил Попов.

- Да, не то, что просто сняли, а подали на него в суд, - ответил Коля и, подумав, добавил: - Магомет был хорошим парнем, как же он так быстро сошелся с Ёжиком?

- Это мы узнаем, арестовав Ёжика. Или же, может быть, от Анны, но, по-видимому, они встретились именно тогда, когда Магомет не знал, куда деться. Конечно, парень сначала не знал, что из себя представляет Ёжик, а потом вынужден был подчиниться, считая себя замешанным в каком-то деле, хотя бы в убийстве Раи. Он мог бояться и за Анну.

- Что о ней слышно?

- Вызвали из Москвы профессора. Он сегодня должен ее осмотреть. Вот и Алибек идет, - сообщил Иван Васильевич, взглянув в окно. - Он должен был проводить Костю и зайти к Анне.

- На девушку не стоит надеяться, - огорчил Алибек. - По словам профессора, ранее двух-трех месяцев она не придет в себя. Сегодня она говорила, что Миша уезжает, усатый тоже... Он, мол, должен принести деньги, а я уеду. На это следовало бы обратить внимание.

- Вчера мне сказала то же самое, - мягко перебил товарища Иван Васильевич. - Можно предполагать, что Ёжику, его усатому другу (Анна, несомненно, знает его) да еще кое-кому, примкнувшим к ним, необходимы деньги, чтобы куда-то смыться. А необходимое у них добывается...

- И очень просто: разденут двоих-троих, - начал Николай и сам сделал заключение, - но ведь этого им не хватит.

- Да, не хватит, но есть и магазины, - сказал Алибек.

- Об этом и я думал, - заметил Попов, - однако им должно быть известно, что дневная выручка каждый вечер отправляется в банк.

Им это было известно, и потому решили обойти магазины. Ограбить банк дело слишком сложное. Оставались рабкоопы, где можно было пожить на выручку

сельских магазинов. Пока следователь решал предупредить рабкоопы, преступники закончили свое дело.

... В одиннадцатом часу ночи водитель городского такси Сары Джамболатов, несколько утомленный суетой прошедшего рабочего дня, направлялся в гараж. Человек у дороги поднял руку, останавливая машину. Сары хотел проехать, но остановился, фигура стоящего показала знакомой. Как только тот сел рядом, таксист понял, что ошибся.

- Мне срочно надо попасть в Пригородный аул, - попросил пассажир.

- Я бы с удовольствием, но через двадцать минут мое время заканчивается, и машину необходимо поставить в гараж, - объяснил Сары.

- Придумаешь что-нибудь. Мне только что сообщили, что тяжело болен брат. Пойми, безвыходное положение, - уговаривал тот.

Шофер задумался. Аул этот, районный центр, находился в нескольких километрах от города. Если постараться, можно даже успеть вовремя. Диспетчер не похвалит за опоздание, но как не помочь человеку в беде? И он развернул машину. И тут пассажир попросил захватить на улицу Лермонтова, где его ждал друг. Действительно, от тени деревьев отделилась мужская фигура. Посадив и его, Сары стремительно двинулся в сторону Предгорного аула. Отъехав несколько километров от города, он почувствовал толчок в спину и оглянулся. Бородатый друг первого пассажира держал его под прицелом пистолета.

- Сворачивай направо! - тоном, не допускающим возражения, приказал он.

С тоской оглядев будто вымершую трассу и сознавая, что сопротивление бесполезно, Сары подчинился. Немного проехав, таксист почувствовал тупой удар в голову и потерял сознание.

Он не помнил, сколько прошло времени, сколько пролежал без движения. Очнувшись, понял, что лежит не-

естественно согнутый. Правый бок упирался во что-то жесткое. Попытался встать, руки были связаны за спиной, ноги лишь упирались во что-то, и не было сил их выпрямить.

Попытавшись поднять голову, он стукнулся обо что-то и застонал от боли. Поняв безысходность положения, Сары притих и начал мучительно припоминать все случившееся. Прошло некоторое время, память ничего не хотела подсказывать. Вдруг железный ящик, где находился Сары, дернулся и двинулся. И эти знакомые звуки напомнили то, что пытался вспомнить Сары. В городе в машину сели двое. У одного, бородатого, был пистолет. Потом его оглушило, а сейчас он находится в багажнике.

Показалось ли ему или это было действительно так, но машина шла долго. Дорога была ухабистой, неровной – явно не асфальтированной. “Куда я еду, кто эти люди, черт побери, ну и влип я в историю”, – подумал Джамболатов. И, будто отвечая на его вопросы, движение прекратилось. Что же будет дальше? Шофер притих. Донеслись звуки открываемой дверцы и приглушенные голоса. Скоро распахнули багажник. Открыв глаза, Сары увидел два неясных силуэта. Один всматривался в лежащего.

- Вставай, хватит отдыхать...

Сары со связанными руками с трудом вылез из багажника и, не в силах устоять на ногах, сел на землю. На небе сияла полная луна, было где-то около полуночи. Таксист не заметил вблизи ни огней, ни построек. Его машина стояла на узкой проселочной дороге. Он неплохо знал окрестности города, но сейчас, хоть убей, ничего не мог припомнить. По обеим сторонам дороги простиралось поле, слабо доносился запах озимых хлебов. Недалеко чернела лесополоса. Не здесь ли прикончат?

- Ну - ка вставай и иди сюда! - снова приказал бородатый. Открыв дверцу такси, он указал водителю на его шоферское место.

- Развяжите же руки, так я не смогу вести машину...

- Развяжем и руки, садись, - снова приказал борода-тый.- Сколько мы тебе должны заплатить? - Сары замешкался при таком странном, на его взгляд, вопросе, но счетчик показывал 80 рублей. - Мы даем тебе 100, и давай решим так, - продолжал тот. - Мы прокололи шину переднего колеса, с запасным сделали то же самое. Это чтобы ты не натворил глупостей. До утра тебе придется потерпеть здесь, а утром как -нибудь доберешься до города. Скажешь, случайность. О нас лучше молчи, рас-плачиваться мы умеем и по-хорошему, и по - плохому...

Сары добрался в город лишь к обеду и тотчас отпра-вился в милицию. Там он узнал, что в эту ночь ограбили рабкооп. На место кражи выехал следователь. А Иван Васильевич внимательно следил за сообщениями, свя-завшись с управлением милиции. К вечеру следователь вернулся. Среди ночи сторож рабкоопа увидел подье-хавшую "Волгу". Двое вышли и с каким-то неясным вопросом подошли к нему. Он не успел и схватиться за ружье, как в рот засунули кляп, связали руки - ноги. Негодяи действовали бесшумно и быстро. Откинув зам-ки, они втащили сторожа и замкнули в какой - то ком-натушке. Очевидно, зная расположение отделов, направи-лись в помещение, где находился сейф.

Вытащив около ста тысяч рублей, они аккуратно зак-рывают все двери и бесшумно отъезжают. Следов паль-цев нигде нет - действовали в перчатках. И самое уди-вительное то, что один из грабителей водит машину, воз-можно, знаком с техникой. И именно он отмыкал замки. Иван Васильевич вспомнил, что есть такой вор-медве-жатник по кличке Ключ, которая заменила даже его соб-ственное имя. Он умел открывать всякие замки. Но тот уже шесть лет, как работает на заводе слесарем, работа-ет после отбытия последнего срока, но это пока ни разу не ставилось ему в укор. За это время он женился, име-ет двоих детей, неплохо справляется с работой. Но кто его знает? Раньше он был шофером в школе. По словам

Сары, один из двоих был бородатый, но другой усов не имел. Если это так, Ключ носит только усы, но это может быть одно и то же лицо с бородатым. Ёжик вряд ли участвовал в ограблении. Не в его характере ходить по улицам, останавливать таксомоторы. Как бы то ни было, Ключом придется заняться.

К вечеру того дня еще кое - что прояснилось. На одной десятирублевке из тех, что грабители оставили таксисту, были обнаружены следы пальцев. Сопоставив с отпечатками пальцев Ключа, установили, что они принадлежат одному человеку. Отсчитывая деньги, грабитель забыл надеть перчатку. И еще одну неосторожность допустили воры, оставив окурок сигареты марки "Тризо" в машине некурящего Сары. Этих сигарет в городе давно не было, но нашли несколько пачек в буфете завода, где работал Ключ.

... Анна говорила о человеке с усами, который должен принести деньги. Не Ключ ли это был? А кто же останавливал такси? На этот вопрос мог бы ответить пока лишь Ключ, но, чтобы взять его, нужны веские улики. Отыскав фотографии Ключа, их показали для опознания Сары и сторожу рабкоопа. Те подтвердили сходства, но точно ничего не могли сказать. Снова пришлось прибегнуть к помощи знакомого Ивану Васильевичу фотографа. После того, как фотограф прилепил бороду, и Сары, и сторож в один голос подтвердили, что Ключ с приделанной бородой и ночной бородатый "гость" рабкоопа - одно и то же лицо.

Посланный с магнитофоном на завод работник радио вернулся с записями голосов нескольких рабочих, в том числе и Ключа. И снова сходилось оканье бородатого и Ключа, что было записано и в документах об этом воре. Узнав обо всем этом, прокурор выдал санкцию на арест Ключа. Но по просьбе Попова арест был отложен до утра.

Следующий день был воскресным. Ключ отдыхал. Иван Васильевич надеялся, что тот попытается встре-

таться с Ёжиком, который собирается уехать и которому, необходимы деньги. По этой причине на ноги были подняты работники городского отдела. В гражданских костюмах они находились на автостанциях, железнодорожном вокзале и даже в близлежащих городах. Десять сотрудников ГАИ стали в тот день водителями городских такси, остальные таксисты в большинстве тоже были предупреждены.

Около семи утра Ключ вышел из дома. Незаметно оглядев улицу, он двинулся по тротуару. Руки его были пусты, но, несмотря на теплое утро, он надел макинтош, на что удивленно оглянулись двое, стоявшие поодаль. Медвежатник свернул в боковую улицу. Один из двоих направился за ним, а другой шагнул к телефонной будке, находящейся рядом. Он обо всем увиденном сообщил дежурившим у рации майору милиции и Попову.

Ключ подошел к автостанции и сел в такси. Нашлись еще трое попутчиков, и машина тронулась. Нашим сыщикам, незаметно следовавшим за вором, не понравилось и то, что таксист оказался не работником ГАИ, и то, что так быстро нашлись попутчики, но что делать...

Коля, Алибек и еще два милиционера на другой машине отправились вслед за первым такси, которое стремительно отмеряло километры по направлению к Минводам. У таксиста была фотография Ключа, и он не должен был упустить его. Но мало ли что может случиться, и поэтому нельзя терять машину из виду ни на минуту.

Проехали более половины пути. Впереди замелькали первые чисто побеленные домики большого села. И тут у обочины дороги, откуда ни возьмись, появился сотрудник ГАИ, приказал таксисту остановиться и предъявил обвинение в том, что тот превысил скорость. И таксист не заметил, как исчез из машины Ключ, а, оглянувшись, увидел, что тот уходит. Испугавшись, что тот затеряется, таксист выскочил из машины и в спешке сильно оттолкнул милиционера дверцей, бросился за уходящим. Милиционер же, решив, что тот убегает от него, кинулся за

таксистом. Ключ, видя погоню, нырнул в ворота небольшого домика. В этот момент подъехали Алибек и Коля. Все бросились в сторону домика, где скрылся медвежатник, но тот словно провалился. Все в недоумении остановились передохнуть и только тут заметили, что местный работник ГАИ усердно крутит руки за спину бедному таксисту, которого тот принял за преступника. Не успев их разнять, Коля бросился в сад, остальные за ним. В саду находился туалет, дверь которого и дернул с силой Николай. Крючок отлетел, и дверь открылась.

- Выходи! - приказал Коля.

- Подождите, - попытался закрыть дверь находящийся в нем. Но, увидев рядом с Колей еще троих человек, вышел. - Что вам надо от меня? - возмутился он.

- Это ты узнаешь после, а пока следуй за нами.

- Следовать по первому приказу незнакомых людей? Я еду по личным вопросам. Меня ждет такси, а вы...

Коля показал удостоверение, и Ключ уже без слов двинулся к калитке.

Отстав от них, Алибек осмотрел туалет и обнаружил там две пачки денег. Когда он вышел на улицу, его все ожидали уже в машине. У дороги стоял удивленный милиционер. Одна из машин, забрав Ключа, повернула назад. А другая с пассажирами поехала в Минводы. Алибек и Коля были рассержены на черт знает, откуда взявшегося работника ГАИ, и на превысившего скорость таксиста. Единственный выход был арестовать Ключа, чем они и воспользовались. Но много ли это даст?

... Кроме Попова все ставили под сомнение связь Ёжика с Ключом. Иван Васильевич надеялся, что их встреча подтвердит его мысли, но встреча не состоялась. При обыске у медвежатника, кроме разных мелочей, ничего не нашли. Обыск его квартиры отложили до вечера, не желая, чтобы все сразу узнали об аресте Ключа. Тот, кому предназначались деньги, должен ждать его в Минводах. А может, еще и не выехал из города. Нужно торопиться с допросом, иначе можно упустить глав-

ного "героя". Ключ же отрицал все, говорил, что сам накопил деньги. Ему показали отпечатки пальцев, привели таксиста Сары, но он был непреклонен. Отправив его в камеру предварительного заключения, все, измученные за день, отправились на обед.

... Под утро, когда он крепко спал, в его калитку сильно постучали. Попов по армейской привычке, которой остался верен и по сей день, вскочил с кровати. Вскочил, как будто не спал и ждал того момента, когда к нему постучатся.

- Что случилось? - спросила с раздражением в голосе его жена. Может, она испугалась спросонок, а может, и не спала и, жалея мужа, не хотела, чтобы его будили, мол, пусть хоть немного поспит.

- Не слышишь, кто - то в калитку стучится? - спросил Иван Васильевич, надевая на ходу спортивный костюм.

- И ночью покоя не дадут! - ворчала Валя, поправляя на себе одеяло. Но он этих слов не слышал, так как уже шел к калитке. По пути он думал, что один из ребят, может, узнал что-то новое о деле Раи. И когда открывал калитку, подумал, что могли бы позвонить по телефону. Но, открыв калитку, увидел перед собою своего соседа Биберта.

- Твой телефон работает? - спросил он, не здороваясь.

- Работает, - ответил Попов, пропуская его во двор. - Что случилось? - спросил тревожным голосом он, приглядываясь к изменившемуся вдруг лицу соседа.

- Машину мою угнали, - ответил он на ходу. Он знал, что телефон соседей находится в коридоре, где горел свет, который включил сам хозяин, когда шел открывать калитку. Когда Иван Васильевич зашел за ним, он уже говорил свой домашний адрес, откуда угнали машину.

- Когда угнали и каким образом? - спросил Попов после того, когда тот повернулся к нему.

- Сейчас... Вот только сейчас угнали, мать иху так! Направились вверх по улице. Я сначала побежал за ними, да куда там!

- Расскажи по порядку, - прервал его Иван Васильевич, почему - то вспоминая, что если бы его ребята были здесь, они, наверное, спросили бы, догнал ли он их? - И вообще успокойся, найдется твоя машина.

- Как это успокойся? На воскресенье мы с Солтаном решили поехать на рыбалку. Я вывел машину со двора и забежал домой за сигаретами. Поверишь: только зашел и вышел. Смотрю, какие - то люди рванули на моей машине, да так, что одна пыль осталась.

- А ключ в замке зажигания оставлял?

- Да, в машине. Даже мотор не заглушил. Откуда я мог знать, что такое случится в течение минуты? Если бы угнали в мое отсутствие, то бы не было так обидно. А тут на глазах, как фантомасы, будто не считают за человека. - И неожиданно для хозяина Биберт рассмеялся и сказал: - Нет, как они, наверное, смеялись, когда я погнался за ними пешедралом! Вот была сцена...

- Раз-зия! Сколько их было, рассмотрел? - недовольно спросил Иван Васильевич.

- Нет, не видел, когда они садились в машину. А в кабине они разве свет включают. Неужели их не задержат, смогут ли они скрыться?

- Не беспокойся, их задержат, - ответил Попов и услышал, как подъезжала милицейская машина.

- Вот они и приехали. Пойди к ним и все подробно расскажи. А если до начала нашего рабочего дня машину не найдут, я поговорю в управлении с ребятами, чтобы приложили все усилия. Не переживай, найдем!

Когда хозяин зашел в дом, Валя, окончив одеваться, поправляла прическу.

- Куда торопишься, отдохнула бы еще?

- Я не тороплюсь, это ты все куда-то торопишься. Хочу приготовить тебе что -нибудь. Думала, твои сослуживцы за тобой приехали.

- Да нет, это был Биберт...

- Что у него сучилось?

- Машину угнали.

- Ночью?

- Нет, только что. - И он рассказал ей, как у соседа угнали автомобиль.

- Когда -нибудь и твою угонят. Где ты ее только не оставляешь...

- Неужели они, если и не испугаются, то не постыдятся увести машину старшего следователя?

- Да, они могут здорово покраснеть. Только когда будут пить за удачную кражу.

- Ладно, Валя, я займусь физзарядкой, а ты, пожалуйста, приготовь мне любимый калмыцкий чай, - попросил муж и вышел с гантелями во двор.

... Иван Васильевич только открыл свой кабинет, как резко зазвонил телефон. На проводе был прокурор, притом не городской, а областной. Он считался уравновешенным человеком, а если был чем - то очень недоволен, и тогда не повышал голоса, а спокойно излагал свои мысли. И на этот раз он поздоровался и попросил зайти к нему, если у него есть время. Сказав это, он положил трубку.

“До начала рабочего дня еще почти час, почему же он так рано пришел? И как он увидел меня, когда я заходил в кабинет?” - подумал Попов. Потом он вспомнил, что окна прокурорского кабинета смотрят на улицу. Если не бывало ЧП, он редко вызывал к себе следователей, а звонил прокурору города, а тот извещал остальных. После убийства Раи, как началось следствие, прокурор области изменил своему правилу. Он не только вызывал Ивана Васильевича, но и двоих его сотрудников, спрашивал, делился своей версией по поводу этого убийства. Наверно, и сейчас он вызывал Попова по этому же поводу.

- Вчера с Бекбулатовым, прокурором города, тоже говорил, - сообщил он, когда Иван Васильевич сел на

предложенный стул. - В последние месяцы в нашем городе совершено четыре тяжких преступления, а раскрыто только два. Остальные два в твоих руках и в руках твоих сотрудников. Первое дело – это убийство Раи, а второе – ограбление рабкоопа. Насчет того, что эти два преступления связаны друг с другом, мы согласны с твоей версией. Но, с другой стороны, деньги извлекли не из кармана Ключа, а из туалета. Хоть мы и уверены, что эти деньги бросил он, но не пойман – не вор. Ключ отказывается признавать, что он бросил эти деньги в туалете. А заставить признаться его в этом будет нелегко. Еще раз просмотри все материалы – заключения экспертизы, устройте еще раз очную ставку с таксистом. Вызови сторожа рабкоопа, допроси. В общем, действуй по своему усмотрению, только пролейте свет на это дело. На все это вам дается два дня. Больше невозможно затягивать. Кстати, узнайте точно, где он находился в ночь, когда совершилась кража.

- Говорит, отмечали день рождения друга, а он там находился с 8 до 11 вечера. Это подтверждает и тот, чей день рождения они отмечали.

- Это я знаю. Он живет один?

- Да, только кроме них в тот вечер никого с ними не было. Выходит, спрашивать больше не у кого.

- А соседи?

- Те, которые сидели во дворе, видели, как они заходили в дом, а как выходили, никто не видел.

- Если квартира находится на первом этаже, они могли выйти из нее незаметно, через окно. Да, а как его зовут?

- Юсуф.

- Юсуф... Кто он такой, что из себя представляет?

- На работе о нем отзываются хорошо. Лет за 30, не женат.

- Если он говорит правду, значит, с Ключом находились вдвоем с 8 до 11 часов, скажем, пусть до 10. В то же время человек с бородой останавливал такси. После этого вместе с напарником ограбили рабкооп. Если бы

Юсуф был таким же, как Ключ, можно было допустить такую версию. А если он честный человек, если он не смог совершить ограбления вместе с Ключом, и если они тогда отмечали день рождения, то как же Ключ мог в то же время голосовать на дороге и ловить такси? Как он мог успеть и тут, и там?

- По этому поводу и мы много думали, будем еще думать, проверять. А приклеенная борода принадлежала Ключу. Он оставил и окурок от сигареты в машине. И таксист, и сторож рабкоопа признали его, когда мы приклеили эту бороду Ключу.

- Может, они ошибаются?

- И до очной ставки мы дали им послушать магнитофонную запись его речи, они оба признали его голос.

- Все-таки надо точно выяснить, сколько времени он пробыл с Юсуфом? С этого и начинайте. И еще вопрос: а кроме бреда той помешанной женщины конкретнее нашли факты по делу Раи и ограбления рабкоопа, которые могли бы свидетельствовать о взаимности этих преступлений?

- Нет, - ответил Попов, не поднимая головы.

Действительно, конкретных фактов не было. Следователи строили догадки, версии, а так, чтобы утверждать, что Ёжик и Ключ вместе совершали преступление, изобличающих преступников фактов не было. Даже сторож рабкоопа и таксист отвергли участие Ёжика в преступлении. Это было самое слабое место в цепи событий. Поэтому и Иван Васильевич не знал, что ответить, и не поднял головы.

- До сих пор не смогли задержать Ёжика. Думали и днем, и ночью о нем и, может, как-то непроизвольно его связали с Ключом? - заметил прокурор. - Так ведь можно все ограбления, преступления связать с убийством Раи. Так вы можете зайти в тупик. Лучше давайте Ключа передадим другому следователю, а вы займитесь поисками Ёжика. Как бы там ни было, дело об ограблении рабкоопа должно проясниться. А Ёжика нужно, во что

бы то ни стало, задержать быстрее. Вчера уже из Москвы справлялись о нем.

- Еще оставьте у нас оба дела дня на три - четыре, хоть и не можем сейчас дать полный ответ об этих делах, мы уверены, что связь между этими преступлениями есть.

- Мы давно знаем друг друга, и твои способности как следака мне известны. Поэтому еще даем несколько дней. Дальше тянуть мы не можем. Иначе и ты, и я, и Бекболатов можем занять большие неприятности. Если нужно, берите еще людей. - Он немного подумал и продолжил: - Вчера у нас гостил, вернее, переночевал мой хороший приятель. Он профессор. Раньше лечил психически расстроенных людей, сейчас преподает в институте. Когда беседовали, между прочим, я спросил, можно ли вылечить людей с такой болезнью, как у Анны? Он научил одному приему. Например, тронутым людям от испуга, от сильного переживания и так далее, находящимся в такой степени, достаточно рассказать о пережитом, а еще лучше показать человека, если такой есть, которого они сильно боялись, и этот страх лишил рассудка, иногда приходит просветление. Только такого не бывает у людей, сошедших с ума от болезни. Видимо, те больные приходят в себя, когда они переносят страх во второй раз. Но это иногда и усугубляет болезнь. А вообще - то болезнь этих людей длится долго, так сказал профессор.

- А тот, который приезжал, почему этого не говорил?

- Не знаю, может, человек не решился на такой шаг, может, и забыл. Поговорите еще с врачами. Если врачи решатся, покажите ей фотографии Раи, Магомета, снятые при жизни и после смерти.

- Это было бы очень здорово!

- Ну что же, - взглянул на часы прокурор. - О, мне пора, в Белый дом вызывали. К девяти часам. А ты поторопись. Время упущено по розыску Ёжика. Последний срок - неделя. Если за этот срок вы его не возьмете,

придется это дело поручать другой группе. Прости, но иного выхода нет, - и эти слова показались Попову пощечиной.

Когда Иван Васильевич вернулся в свой кабинет, там туда - сюда ходил Коля.

- Возвращаюсь от прокурора, - заговорил Попов, сядя на свое место.

- Он же только что открыл свой кабинет...

- Я от вышестоящего.

- Почему он вызывал?

- Объявить благодарность доблестным следокам, - резко ответил тот. - Говорит, мы все трое отлично справляемся со своими обязанностями. И еще обрадовал, что передает это дело другой группе.

- Хм - м, да это будет для нас позор...

- А что ему остается, если от нас нет отдачи?

- Алибек еще не звонил?

- Мне пока нет. Сейчас ты быстрее поезжай к Юсуфу, допроси еще раз. Узнай точно, когда ушел Ключ, сколько они пили, в каком состоянии находились и как расстались? Незаметно для него обрати внимание на окно, заметь, куда можно из него выйти. Старайся вернуться как можно быстрее.

- Может, об этом Юсуфе стоит разузнать побольше?

- Нет, этот человек не способен на преступление. Хоть с ним и не знаком, но его близких знаю хорошо. На заводе его хвалят, соседи и друзья говорят, что он надежный и хороший человек.

- Ну, тогда я пошел.

... Попов некоторое время неподвижно смотрел в одну точку на полу. Было столько мыслей и догадок, что он не знал, на чем сосредоточиться конкретно. Потом встал, докурил и прошелся по комнате. Но и это не помогло. Он несколько раз посмотрел на телефон, будто взглядом спрашивал аппарат, какую новость он может сообщить. Но сегодня и телефон упорно молчал, как будто все сговорилось против него. Тогда он сам взял трубку, сперва

не осознавая, для чего он это делает, потом набрал номер городской ГАИ. Там никто не отвечал. Когда вторично набрал номер дежурного отдела внутренних дел, то услышал: “Лейтенант Забегайлов слушает”.

Попов назвал себя и спросил:

- Вы не скажете, куда ушли сотрудники ГАИ?

- Бог дороги зашел к начальнику, некоторые инспектора на дорогах, а остальные поехали в Яблоневою Балку.

- Машину, что угнали утром, не нашли?

- Нашли. По этому делу они и поехали...

Иван Васильевич медленно положил трубку. Он сразу же вспомнил, где находится Яблоневая Балка. По дороге в Минводы, когда проезжаешь мост, хорошо видна и балка, и большая река, которая стремительно несется вниз. Тогда почему же сотрудники ГАИ поехали туда, ведь этот район и не относится к городу? Там только несут дежурства сотрудники районной инспекции. Он забыл спросить, где нашли машину его соседа, может, в этой балке и нашли? Если так, то преступники ехали в Минеральные Воды. А где сами преступники – задержали или упустили? Но пострадавший сосед утверждал, что машину угнали в другом направлении. Впрочем, немного проехав, можно свернуть на любое направление. Решив узнать подробности, он позвонил начальнику ОВД.

- Сейчас идет совещание. Скоро закончим, потом сам тебе позвоню, - ответил тот в трубку. Не дожидаясь его звонка, Попов позвонил в областную ГАИ.

- В течение этих четырех-пяти часов, кроме того, что угнали машину твоего соседа, произошел ряд событий, - ответил начальник ГАИ. - Я не могу отойти от телефона, да еще и рация. Сам поехать не смогу. Ты кого -нибудь пришли ко мне, может, что - то новое появится.

- Сам приеду.

- Сейчас вышлю вам машину. Мы же не так бедны, как вы, - похвастал он.

Когда Иван Васильевич зашел к начальнику ГАИ, тот

заканчивал с кем - то разговор и положил трубку.

- Дело было так, - не здороваясь, начал он. - Машину твоего соседа угнали, как и он сам говорил, вернее, угнал один человек. Когда рассвело, он доехал до кошары колхоза "Победа". В коше был старик. Он оставил машину и попросил у этого старика коня, чтобы подняться на высокие холмы и собрать лекарственные травы для больного, как он сказал. Ну, старик и не смог отказать. Тот верхом направился к перевалу. А теперь смотри на карту. Вот этим путем от нашего города до кошары 60 километров. А на коне через перевал путь в несколько раз сокращается и выходит на большую автомобильную трассу. Видишь эту линию?

- А где теперь всадник?

- Об этом и начал говорить. За этим вот склоном и находится Яблонева Балка...

- Знаю.

- В этой балке есть дорога, она не асфальтирована и даже гравием не засыпана, обыкновенная черноземная дорога. Так вот по этой дороге иногда ездят автомашины хозяйств и предприятий, которые тоже сокращают путь. Он каким - то образом остановил одну машину. Водитель оказался физически не совсем здоровым, и тот одним ударом свалил водителя, сел за руль и вот по этой дороге устремился вниз. Отсюда до большой трассы на Минводы не более десяти километров, как нам сообщают, машина старая. Но если он будет гнать ее вовсю, за 9 - 10 минут перекроет это расстояние. Говорят, люди видели, когда он уже выезжал на минводскую трассу. Больше мы ничего не знаем ни о машине, ни о преступнике. Номер машины сообщен по радию по всем постам ГАИ. Вот жду теперь, когда они сообщат что - нибудь о преступнике, - объяснил он, отрывая взгляд от карты.

- Водитель жив?

- Жив. Когда он лежал без сознания, рыбаки, которые шли по берегу реки, помогли ему. Они и сообщили в милицию о случившемся. "Скорая помощь" вместе с

милицией прибыла и на месте оказала пострадавшему первую медицинскую помощь. Он сейчас находится на посту ГАИ, которая расположена вот за этим постом, - показал он на карте. - В больницу ехать отказался категорически, заявив, что без своей машины он дальше никуда не двинется.

- А его не запомнил?

- Да, человек, о котором говорят старик на кошаре и пострадавший водитель, одно и то же лицо: рост выше среднего, широкоплечий, короткий подбородок, усы, на голове фуражка.

- Преступник, которого мы ищем, никогда усов не носил.

- Он мог и изменить свою внешность...

- Да, я с этим согласен. А более конкретных черт преступника они не заметили?

- Нет.

- Тогда попросите привезти сюда пострадавшего водителя. А я с сотрудником уголовного розыска поеду к старику - чабану.

Со стариком, хмурым и лысоватым горцем, одетым в черную бурку, побеседовали еще раз. Показали фотографию Ёжика. Но старик не признал в предъявленной фотографии того человека, который брал у него коня. Хотя на фотографии лицо старик и не признал, но по всему остальному внешнему облику все совпадало со словесным портретом Ёжика.

- Когда он приехал к вам, вы не запомнили, который был час?

- Мы тогда выпускали пастись отару, - припомнил старик. - А точно не могу сказать. Тогда уже рассветало.

- Может, вы не запомнили его лицо, потому что еще не было светло?

- Нет, вот как вас видел, когда он со мной разговаривал. Нос у него был с горбинкой и такой длинный, что, казалось, нос висел над усами, какой - то был странный.

Следователи поехали обратно. Отпечатков пальцев не было и в машине Биберта. Это сообщили еще сотрудники ГАИ, так как она находилась у них во дворе. Так что делать тут больше было нечего.

Когда вернулись, пострадавший водитель грузовой машины уже сидел в кабинете начальника ГАИ.

- Какой был нос у человека, который вас остановил? - спросил Попов.

- Не понимаю, какой может быть нос? Обыкновенный... Средний...

- Не длинный, с горбинкой?

- Нет.

- А усы?

- Маленькие усы, под носом...

- На кого из них он похож? - спросил Иван Васильевич и разложил перед ним несколько фотографий.

- Вот! Вот это был он, - заявил водитель на фотографию Ёжика.

- Не ошибаетесь?

- Нет. Разница в том, что когда я видел, у него были маленькие усы, а на фотографии их нет. Еще у него на правой щеке был шрам. А на фото его нет.

- Что -нибудь есть новое? - спросил Иван Васильевич, когда вышел водитель.

- Пока ничего нет. А что узнали от старика?

- Показали фотографию Ёжика. Он его не признал. А водитель, слышал, как утверждает?

- Кто же из них прав?

- Оба...

- Как это понять?

- По-моему, когда он явился перед стариком, у него были приклеены усы и каким - то образом, может, с помощью пластмасса сделал себе кривой нос. К тому же со стариком он разговаривал, когда еще не совсем рассвело. Хотя старик и утверждает, что все

видел, но он не смог разглядеть все, как смог бы рассмотреть днем.

- А дальше?

- Когда приближался к дороге, услышал шум мотора. Оставив коня в лесу и выбросив свой маскарад, а может, положил в карман, вышел голосовать. Если бы тогда повнимательней поискали, возможно, и нашли бы кусочек пластмасса или еще что-нибудь.

- А может, он все положил в карман?

- Нет, кусочек пластмасса можно найти везде, а с усами дело обстоит труднее. И он их не бросит.

Попов с надеждой, что, может, Николай уже вернулся, позвонил ему. Он оказался там. Иван Васильевич спросил его о поездке.

- Откуда ты звонишь? - спросил Коля. Попов ответил. - Скажу нашим, в случае чего где нас искать, и приду к вам, - заявил Коля.

Только Иван Васильевич положил трубку, как по радиции сообщили, что сотрудником областной ГАИ за большим мостом в лесополосе обнаружена машина.

- По этой дороге вы проезжали сотни раз, почему же до сих пор не видели машину, притом грузовую? - недовольно спросил начальник ГАИ.

- С дороги ее не было видно. Обнаружил наш сотрудник тогда, когда нам пожаловался лесник и заявил, что какая - то машина сломала ветки деревьев и находится там же, - ответила рация.

- Машину не трогайте, сейчас вышлем собаку и эксперта, - сообщил кому - то по телефону Попов.

Начальник ГАИ остался у аппаратов, а остальные поспешно вышли из здания отдела внутренних дел.

- Куда едем? - спросил Николай, который не знал о последних событиях.

- Даже не спрашивай, - ответил Иван Васильевич, коротко рассказав обо всем. - Ну а у тебя как?

- На этот раз узнал точно, - сказал Коля. - Действительно, и Юсуф, и Ключ вечером приходили к Юсуфу

на квартиру. Юсуф говорит, когда они зашли, из Москвы передавали последние новости. А эта передача начинается в 19 часов. Раньше ошибался, когда говорил, что пришли к 8 часам. У Юсуфа была одна бутылка водки, и эту бутылку он и поставил на стол.

- А Ключ купил бутылку, когда они шли вместе или до встречи?

- Нет, когда они встретились возле парка, бутылка была при нем.

- Это точно выяснил?

- Точно. А как было дальше, сами знаете.

- Как могу знать я, когда с Юсуфом только что говорил ты?

- По тому, как вы задаете вопросы, я понял, что уже догадываетесь! - ответил Коля с улыбкой.

- А ты и это заметил? - спросил Попов, качая головой. - Ну, что же тогда, слушай, а где скажу не так, поправишь, хорошо? Так вот Ключ предлагает выпить сперва его бутылку. Раскупоривает и разливает на два стакана. Юсуф выпивает свой стакан, а Ключ по какой-либо причине не выпил или выпил совсем немного.

- Нет, Ключ по неосторожности опрокидывает свой стакан и проливает водку...

- Тогда я ошибся. Постараюсь больше не допускать ошибок. Когда Ключ пролил водку, Юсуф сказал, что где пьют, там и льют. И оба рассмеялись.

- Нет...

- Мы всегда думали, что на небесах бог, а на земле Иван Васильевич, только они могут знать все тайны. А ты, Коля, как будто стараешься это правило опровергнуть, - влез лейтенант, поглаживая голову розыскной собаки и улыбаясь.

- Не надо, Коля, не подсказывай, сам исправлюсь, а то, как посмотрю, вы хотите надо мной немного посмеяться, не считаясь с моим "большим авторитетом", - проговорил в шутку Попов и продолжал: - Правда, смеялся один Юсуф, а Ключ, как хороший артист, сделал вид,

что очень смутился из-за своей неловкости. Потом он предложил распить бутылку Юсуфа. Правильно я говорю?

- Да, так и было...

- Юсуф пришел с работы домой, а поужинать не успел. Поэтому и захмелел быстрее. А Ключ, наверное, подкрепился где -нибудь и не думал пьянеть.

- Здесь вы пропустили одну деталь...

- Нет, ничего не пропустил. Это я сказал, как мог говорить тебе сам Юсуф, а дело было так: в водку, которую принес Ключ, было подмешано какое - то снотворное или что-то подобное... Хотя сам Юсуф утверждает, что сидели долго, но он быстро опьянел и уснул. А гость, уложив его в постель, ушел через окно. Перед этим он выливает остаток своей водки и полощет бутылку водой. Экспертиза потом и не смогла установить, что было в бутылке. А что было дальше, расскажи сам.

- А что?

- Следы Ключа обнаружили на подоконнике?

- Обнаружили, - признался Николай. А дальше было известно обоим.

... Подъехав, машина остановилась. Когда приехавшие сошли с нее, из лесополосы вышли навстречу люди. Они увидели человека с погонами капитана. Сперва пустили по следу собаку. Она, обнюхав землю вокруг машины, уверенно взяла след и помчалась по направлению к трассе. Попов, сделав несколько шагов за собакой, остановился и присел, начал внимательно рассматривать следы.

Такие следы он видел и на кошаре у чабана. То, что следы на кошаре и здесь оставил один человек, не было никаких сомнений. Он что - то вдруг вспомнил, и у него сильнее забилося сердце, он и сам не мог понять, отчего? Встал, потом еще раз присел, внимательней изучив следы, прикурив сигарету, снова поднялся и прошелся туда - сюда.

В это время и эксперт, и Коля искали следы на ма-

шине. Но не нашли. Преступник их нигде не оставил. И они отправились к Ивану Васильевичу. Но, взглянув на него, Коля остановился и придержал эксперта. Он находился в необычном для него состоянии. Потом они оба посмотрели на капитана, который стоял недалеко от них. Коля не был с ним знаком. Видимо, он был из какого-то близлежащего села.

- Что-нибудь нашли? - спросил он. Николай с экспертом, пошептавшись, ответили, что преступники не оставили никаких следов, на которые можно было обратить внимание.

- А почему вы перешептываетесь, или боитесь, что вас может услышать преступник, который угнал эту машину? - спросил капитан.

- Посмотрите на него, - ответил Коля, показывая на Ивана Васильевича. - Не будем ему мешать. Он, наверное, о чем-то догадывается, что-то не может вспомнить. Видите, как он вспотел и вытирает платком лицо?

- Мне приказали, чтобы я подождал вашего приезда здесь. И хотел сейчас уйти, но подожду, что он скажет...

... Коля посмотрел на дорогу, но ни собаки, ни лейтенанта, ни дружинников не увидел. Возле их машины лишь стоял мотоцикл ГАИ. На нем приехали еще двое милиционеров. И их тоже не было.

“Куда могли все пропасть?” - подумал он.

Чтобы выйти посмотреть на дорогу, нужно было пройти там, где стоял Иван Васильевич. И, подумав, что он может ему помешать, не двинулся с места. Через некоторое время Попов сам направился к ним. По его лицу можно было догадаться, что он узнал что-то важное.

- Хотя я и догадывался, что человек, который ездил на кошару и бросил здесь машину, одно и то же лицо, но у меня не было фактов, подтверждающих это. А теперь они есть, - заявил Иван Васильевич и добавил: - Я точно установил, что эти следы идентичны.

- Вы могли бы установить это и без таких усилий, -

сказал Коля и посмотрел на него с таким видом, будто спрашивал: "Что же дальше?"

- Да, ты правильно понял меня. Понимаешь, шаги у всех бывают разные...

- Вы говорите о том, что шаги бывают длинные и короткие? - спросил незнакомый капитан милиции.

- Не только это. Если проследить по следу, у некоторых он получается на всю ступню, прямо как по ниточке. А многие, когда ходят, ставят ступню носками чуть наружу. Вот и у Коли, и у меня тоже так. Наверное, и вы так ходите, - объяснял Попов. Он посмотрел на капитана, потом на землю, по-видимому, искал его следы.

- Нет, ваш след отличается от наших, - добавил он, - вы тоже ставите ступню прямо по отношению к пути движения. Очень редко встречаются люди, у которых носки ступни смотрят чуть внутрь, как бы загребают под себя. Это и встревожило меня.

- Так у преступника тоже такие следы? - спросил эксперт.

- Да. Такое я видел в своей практике только однажды, а этот самый след принадлежит убийце Раи, тогда он тоже оставил такие следы.

- Почему нам раньше не говорили этого? - спросил с нетерпением Коля.

- Может, я и говорил, но ты не помнишь. Сейчас дело не в этом. Только мы тогда упустили одно из виду: не сняли на пленку несколько отпечатков вместе.

- Так есть же у нас снимки каждого следа в отдельности, - напомнил Коля и посмотрел на эксперта таким взглядом, будто спрашивал, помнит ли он об этом?

- Вот в этом и заключается трудность. Там есть снимки только одних следов, а вот порядка следования этих следов на снимках нету. Ну, ладно. Вы снимите эти следы, ведь они, как и следы на кошаре, следы, оставленные возле трупа Раи, принадлежат одному человеку. Как вернемся в город, свяжемся с местом заключения

Ёжика, может, выясним, действительно ли он оставлял такие следы...

- Так это же известно, зачем тратить время? - спросил Коля.

- Кто его знает, - пожал плечами Иван Васильевич. - А где наша собака, люди? - удивляясь себе, что совсем о них забыл, поинтересовался он.

- После того, как они побежали по направлению к трассе за собакой, о них ничего не известно, - ответил эксперт. - Мы осматривали машину...

- По трассе они прошли вверх и вернулись, потом скрылись за дорогой. Может, они ищут в камышах, - предположил капитан.

- А вы что-нибудь нашли? - спросил Попов у Коли и эксперта.

- Ничего не обнаружили.

- Тогда оба займитесь следами, идемте, покажу, - сказал Иван Васильевич и пошел впереди. Николай и эксперт остались снимать следы и делать гипсовые отпечатки, а Иван Васильевич с капитаном вышли на трассу.

Он двинулся по следу, перешел дорогу, направился по ней вверх и вниз, но следов больше не было. В это время показались и те сотрудники, которые с собакой ушли раньше по следу. Они сообщили, что след теряется на трассе, а в камышах и в кустарниках искали, чтобы не осталось сомнений.

- Здесь, наверное, он остановил машину и уехал, - высказал свое мнение один из сотрудников. А Попов, соглашаясь с ним, кивнул головой.

9

В ауле, когда учились в старших классах, а позже и в институте, друзья Алибека удивлялись его терпению. По правде говоря, это так и было. Среди друзей он отличался атлетическим сложением, смелостью, но в то же время обладал большой выдержкой и спокойным характером.

ром. Какую бы работу он ни делал, никто не слышал от него каких либо жалоб. Бывало, на работе или в пути иногда некогда или негде поесть, и он оставался без пищи и воды целые сутки. Но, как другие, не начинал искать их и раздражаться.

В прошлом году, когда у него сучился перелом ноги, врачи, осмотрев ногу, сказали, что нужна операция. Они предупредили, что операция очень болезненная и должна пройти под наркозом. Алибек отказался от наркоза. Напрасно эскулапы пытались объяснить, насколько та операция будет для него тяжелой. Чтобы сломанная кость срослась, нужно было в нескольких местах сделать отверстия и скрепить проволокой. Когда ему об этом сказали и предложили не отказываться от наркоза, он ответил: "Нет ничего, чего бы человек не выдержал". И врачам пришлось сделать операцию без наркоза. И следовательно выдержал эту трудную операцию. Об этом вскоре узнали не только в больнице, но и во всем городе. А травматологу, который сделал операцию без наркоза, главврач объявил выговор.

... Но была у Алибека одна слабость, о которой никто не знал. Это был сон. Если он не выспался ночью, на второй день чувствовал себя прескверно. И перед его глазами до вечера стояла какая-то мутная завеса. В таких случаях, если предоставлялась возможность несколько минут поспать, он заново чувствовал себя хорошо, как будто спал целую ночь. А в этот раз такой возможности не было. Вчера, чтобы не опоздать на первый автобус, он встал в полночь и пришел на автовокзал. Некоторые, как займут свои места в автобусе, моментально засыпают. А у Алибека это никак не получалось.

После более трехчасовой езды он прибыл в Минводы. В аэропорту зашел в отделение милиции, объяснил, как нужно встретить Ёжика, и раздал тем, у кого не было, его фотографии. Предупредил и городской отдел внутренних дел. Всех поставил на ноги. В зале аэропорта, на посадочных площадках, на близко расположенных

улицах города, в автовокзалах и других местах должны были нести дежурство работники милиции. А сам он со вчерашнего утра не отдохнул и полчаса. Он проверил и изучил все возможные места появления преступника и его нахождения.

Но он знал, как бы ни крепился, у него ничего не выйдет, если на несколько минут не сомкнет слипающиеся веки. Но только времени на это никак не выкраивалось. Если бы даже и представилась такая возможность, он не смог бы отдохнуть. Нужно быть начеку. А еще Алибек никак не может связаться с Поповым. Сегодня три раза звонил ему, но его не было в кабинете. Позвонил и в другой кабинет, где они работали с Колей, откуда никто не ответил. Связался с работником прокуратуры, но и он не знал, где находились ребята.

Но, насколько он знает, они были где-то вблизи прокуратуры. С тех пор, как он приехал сюда, они должны были непременно известить его о новостях, которые могли появиться в его отсутствие. И Алибек не знал, что и подумать...

К усталости бессонной ночи и голоду, какой он сейчас испытывал, прибавились и эти невеселые мысли. Может, они уже там задержали Ёжика, а он здесь всех поставил на ноги и сам мучается зря? С такими мыслями он зашел в кафе, чтобы выпить чашечку кофе. Но сразу же вышел: оказалось в очереди много людей. Когда он смотрел на площадку для стоянки автомашин, кто-то сильно толкнул его в бок. Немного пошатнувшись, он быстро оглянулся. Был у него хороший товарищ, которого звали Сагид. Они вместе заканчивали первый курс, где готовили юристов, но потом тот почему-то перешел в политехнический институт. Сейчас работал в Челябинске.

Хотя они и не прекращали переписку, но не виделись давно. Этот человек и толкнул Алибека в бок. Неподалеку от Сагида еще стояли двое ребят, которые, улыбаясь вместе с Сагидом, смотрели на него. Все они были под изрядным хмельком. Друзья обнялись на радостях.

- Ну - ка, идем с нами! - сказал Сагид и взял Алибека под руку, потащил на стоянку, где стояли частные машины.

- Куда ты меня ведешь? - спросил Алибек. Но ему ничего не объяснили, кроме того, что он потом увидит. Они подвели его к двум автомобилям, которые стояли отдельно от других. В одном сидели шофер и две девушки. В другом, кроме шофера, никого не было.

- Ну, чучело, познакомься с этой красавицей, - предложил Сагид, открыв дверцу первой машины.

Алибек сразу узнал сестру Сагида. Он видел ее, когда они вместе учились с братом, после еще два раза, когда он приезжал вместе с Сагидом к ним. А другую девушку он не знал. Она была действительно красавица. Он поздоровался с ними за руку. Сагид вызвал свою сестру, и когда она вышла из машины, он туда втолкнул Алибека. Тот оказался рядом с незнакомой девушкой. С другой стороны Сагид посадил свою сестру. Так Алибек оказался между двух девушек. А друг его сел рядом с шофером.

- Ну, теперь гони, чего ждать? - приказал он водителю, и машина рванула с места.

- Подожди, Сагид, куда мы едем и зачем? У меня тут неотложные дела, - сказал Алибек и положил руку на плечо шофера, давая знать, чтобы тот остановил машину.

- Езжай, тебе говорят! - прикрикнул Сагид. - У него всегда какие-то дела, а чтобы он конкретно выполнял какую-то работу, я не видел. - Потом обернулся к Алибеку и продолжил: - У меня посерьезней дело, чем у тебя. Вот ту, которая сидит слева от тебя, везем в дом твоего лучшего друга. А ты - дела, дела...

- Да, кто - то женится, а ты говоришь о своих делах. Разве можно так? - спросил с улыбкой шофер. - Сагид женится, все остальное должно отойти на второй план.

- Так и должно быть, но что поделаешь? - ответил однокурсник, разведя руками.

- Поздравляю, я и не знал, - признался Алибек, смущаясь. - Я даю тебе слово, что к вечеру буду у вас. А сейчас не могу уехать отсюда.

- Что у тебя за дело, меня не касается, в конце концов, ты друг или подошва старых сапог?

- Не оставит, ты же видишь, он выпивший, - прошептала сестра Сагида. - Если нет возможности с нами поехать, сойдешь где -нибудь по дороге, где остановимся, а после, как освободишься от дел, приедешь к нам...

- Эх, старый приятель, друг ты мой, Алибек, сколько ни старался не связаться с женским полом, ничего не вышло, все равно попался я ей.

- Что ты говоришь, дурной, это может сказать по отношению к тебе твоя невеста, - перебила его сестра.

- Скажи нам, уважаемая сноха, неужели дурнее нашего Сагида ты не могла найти во всем миллионном Челябинске? - спросил водитель. Хотя Алибек не знал его, по тону разговора понял, что шофер тоже недалекий Сагиду человек. - Держали мы его у себя на цепи, но он как-то сорвался и убежал к вам, - добавил он.

Невеста, не поднимая головы, улыбалась. Видимо, стеснялась Алибека.

- То, что вы болтаете, до меня не доходит. Меня беспокоит другое, - перебил его Сагид. - Если бы слышали девушки моего родного города о моей женитьбе, все бы надели черное и носили траур...

Алибек слушал эти разговоры в машине, но смысл их до него не доходил. Они уже выехали к большой трассе. Но он еще не потерял надежду, что где -нибудь поблизости сойдет и на попутке вернется назад.

Когда Сагид выпьет, то сразу дуреет и от своего не отступится. Это Алибек помнил. Но надо вернуться, а как? Он знал и то, что Сагид - не какой -нибудь пьяница, пьет редко. Видимо, и на этот раз подзадорили друзья. Судя по разговору, Сагид дал телеграмму домой. Известил, что он летит не один, а с невестой. Наверно, поэтому их и ждали в аэропорту автомашины. Надо же

было ему очутиться там в этот момент? Хотя бы Ивана Васильевича предупредил, за него бы Колю послали...

А теперь как быть? Сегодня самый ответственный день. Как бы ни подходить к этому делу, Ёжик здесь должен появиться. Если даже не приедет в аэропорт, то должен приехать в Минводы. Иначе бы Ключ так не рвался сюда. Столько времени шли они за преступником, и в решающий день такой курьёз. При женщинах всего этого не скажешь. А если и скажешь, Сагид не поймет.

На дороге он заметил работников ГАИ. "Надо предупредить хотя бы одного из них", - пронеслось в голове. И Алибек попросил шофера остановить машину. Но Сагид начеку. "Только вперед!" - твердит он. Машина будет проезжать по трассе, которая проходит рядом с их городом. Алибек и здесь захотел позвонить из автомата Попову и предупредить, но машину не остановили. Хотя она мчалась на повышенной скорости, и работники ГАИ, что удивительно, не остановили за нарушение правил и превышение скорости. Они, наверно, обращали внимание не на тех, которые едут из Минвод, а на тех, которые едут в Минводы. Что было такое указание, Алибек знал...

Когда подъехали к городу Терк - Баши, время подходило к четырем часам. Невесту ожидали во дворе. Гармонь заиграла. Машину окружили близкие и соседи. Алибек поздравил родителей Сагида с невестой, и когда все занялись невестой, он попросил шофера, чтобы отвез его на почту.

- Сагид с меня три шкуры спустит, - возражал шофер.

- Я вернусь, только нужно своему начальству сказать несколько слов.

Он еще не знал, что будет делать, когда тронулась машина. Но когда приблизились к железнодорожному вокзалу, подумал, что может еще уехать на поезде, который может отправиться в Минводы.

- Почта есть и здесь. Останови - ка, - попросил он шофера. - Подожди тут.

Но поезда не было. Ближайший пойдет через два часа. "Может, на автостанции найдется такси?" - подумал он с надеждой и только повернулся назад, как открылась вторая дверь вокзала со стороны двора и чья - то голова просунулась в нее. Владелец той головы, не заходя внутрь, захлопнул дверь. Но Алибек узнал его. Если даже не был полностью уверен, но этот человек сильно похож на него. Хоть у него были и усы, но глаза, глаза были Ёжика. Те глаза, которые запечатлены на фотографии, которую он носил несколько недель в кармане. Еще и то, когда тот собирался зайти в вокзал, но увидел Алибека, то почему захлопнул дверь? Больше на обдумывание времени не было. Алибек рванулся за ним, за двери, в которые сам заходил. Когда он выбежал, краешком глаза заметил, что за угол вокзала промелькнуло такси. Не успел он сделать и нескольких шагов, как такси выехало на трассу.

Видимо, он приехал на нем, иначе бы так быстро не нашел такси. Алибек подбежал к машине, на которой приехал, и, открыв дверцу, крикнул:

- Гони за "мотором"! - А когда сел в машину, добавил: - Во что бы то ни стало, надо его догнать...

Но шофер почему - то медлил. Может, человек устал, а может, не знал, почему нужно гнаться за каким - то такси, а может, не захотел подчиниться требованию человека, которого знал первый день.

- В той машине сидит преступник, - сказал Алибек. - Преступник, который убил человека, и его нельзя упустить.

На этот раз водитель быстро понял ситуацию. Машина рванула с места, набирая скорость. Когда они выехали на трассу, такси показалось за километр впереди. Машина убистряла бег, стрелка спидометра приблизилась к отметке "130". Хотя они ехали и быстро, но расстояние между машинами не сокращалось и не уве-

личивалось. Алибеку нужно было хотя бы не потерять такси из виду. Но Ёжику, если в машине сидел он, такая езда не нравилась. Этому свидетельствовало следующее событие.

Такси, которое мчалось на большой скорости, вдруг замедлило ее. И сразу со стороны водителя открылась дверь, и оттуда кто - то вывалился на дорогу. Потом дверца захлопнулась, и машина полетела еще быстрее, словно у нее выросли крылья.

- Ты, как доедем, останешься с тем человеком. Я - тоже шофер и поеду сам на твоём месте. А ты остановишь какой-нибудь транспорт и отправишь пострадавшего в больницу, потом как-нибудь приедешь за мной...

- Если так надо, пожалуйста, - согласился водитель.

Когда они подъезжали к человеку, который лежал посреди трассы, к ним навстречу приближалась какая - то грузовая машина. Видимо, и водитель грузовика заметил этого человека и подъезжал на малой скорости. Здесь вылез из "Волги" шофер, и следователь занял его место за рулем. Когда он отъехал на небольшое расстояние и посмотрел в зеркало заднего вида, увидел двоих ребят, которые осторожно поднимали пострадавшего в кабину грузового автомобиля. А в это время такси все больше удалялось от преследователя.

... За несколько километров впереди дорога сворачивала вправо. Алибека это обстоятельство встревожило не на шутку, потому что преступник, пользуясь этим, мог свернуть куда -нибудь в сторону и скрыться. А расстояние между ними не сокращалось. Нельзя было сказать, что сыщик был мастером вождения автомашины. Он получил водительское удостоверение в институте. После окончания института еще несколько раз ездил с друзьями из прокуратуры. И то, когда ему давали управление, а шоферы сидели рядом. Поэтому сейчас ему было немного страшновато и непривычно. Но он, крепко вцепившись в руль, вел машину и не снижал скорости.

В том, что Ёжик вооружен, у него не было сомнений. И сам Алибек чувствовал кобуру пистолета под мышкой, прикрепленную специальными ремнями. Но если дело дойдет до перестрелки, трудно сказать, чем это закончится, хотя сам следователь не думал об этом. А думал о том, как бы скорее догнать преступника. Это его святая обязанность. А если это обязанность, то ее нужно выполнять любой ценой.

Когда такси приближалось к повороту, преступник сбавил скорость. И Алибек, не снижая скорости, несколько сократил отделяющее их расстояние. В этот момент он заметил инспектора ГАИ, который стоял перед приближающейся машиной, подняв регулировочную палку. Сперва такси будто замедлило бег, показывая вид, что хочет остановиться. Потом, когда сравнялось с инспектором ГАИ, резко рвануло вперед. Автоинспектор остался с поднятой рукой, а такси уменьшалось на глазах.

Наверно, инспектор понял, что и вторая машина пройдет так же, сперва поднял руку, а потом немного отступил назад и стал рядом с мотоциклом, видимо, готовясь к погоне за нарушителями. Следователь, не доезжая до “хозяина дорог”, опустил боковое стекло, показывая свое удостоверение, а когда сравнялся, крикнул: “Следуйте за мной”! И помчался, не снижая скорости. Может, автоинспектор не успел заметить его удостоверение, но то, что он должен был услышать его слова “Следуйте за мной”, Алибек не сомневался. Так или иначе, он уже выезжал за ним на мотоцикле. Алибек догадывался, что инспектор не сумеет догнать промчавшуюся на большой скорости машину, но был уверен в том, что он будет следовать за ними. От этой мысли на душе у следователя потеплело – все же он будет не один. Преследуемый и преследователь уже проехали около 50 километров, а конца гонки видно не было. Хотя Алибек пока и не догнал, но и из виду не упускал. Ему показалось, что сегодня встречных машин слишком много.

Несколько раз он их пропускал, чтобы избежать столк-

новения. А они иногда занимали всю дорогу, стараясь обогнать друг друга. Но с такими же трудностями встречался и преступник, так что большого разрыва между ними не было. То, что Ёжика не удовлетворит такая езда, следовательно уже знал. Потому что в такой обстановке ему трудно было скрыться от преследователей. Значит, рано или поздно его догонят. Да и где гарантия, что у такси не лопнут баллоны, не закончится горючее?

Зная все это, Ёжик должен был что-то предпринять. А что он предпримет? Если бы Алибек это знал, он бы смог подготовиться. Был бы Иван Васильевич, он бы подсказал, что делать.

Асфальтовая дорога тянется прямо, словно ниточка. Впереди виднеется возвышенный мост. Трасса проложена через этот мост, а под ним проходит железная дорога. Как только такси проскочит этот мост, то окажется вне видимости. “Это, наверное, единственно удобное место оторваться от преследования”, - подумал Алибек. Он нажал на газ, пока нога не уперлась в коврик. Машина от высокой скорости начала вибрировать и могла выйти из подчинения. Нет, этого делать нельзя. “Волга” и так неслась на предельной скорости. Вскоре такси приблизилось к мосту. За считанные секунды проскочило мост и скрылась из виду.

... И когда Алибек проехал мост, он не увидел на прямой трассе такси. Впереди метрах в 300 – 400 стоял автобус, здесь же было много народу, видимо, сошедшего размяться. Как бы внимательно он ни смотрел на дорогу, такси нигде не было видно. “Неужели упустил?” - подумал с тревогой Алибек, еще раз посмотрев по сторонам. Нет, того не было нигде видно, будто канул в воду. Такси не могло свернуть в сторону, потому что по обе стороны дороги были сделаны бордюры наравне с мостом, и здесь было невозможно свернуть, не проехав нескольких сот метров. Иначе обязательно перевернешь машину.

Когда он подумал об этом, решил, что увидит такси где-то впереди по ходу преследования. В эти секунды он

и начал подъезжать к автобусу. Там было много людей, и он сбавил скорость. Когда сравнялся с ними, увидел впереди автобуса стоящее такси. Алибек остановился и подбежал к машинам. Оказалось, что обе машины столкнулись. По сравнению с автобусом такси было сильно помято. От столкновения его мотор отошел назад. Некоторые пассажиры, проклиная все и вся, стояли, окружив место аварии. Неподалеку от него лежали несколько пострадавших и слышны были стоны. Алибек, отмечая все это на ходу, подошел быстрым шагом к такси и посмотрел внутрь. Там никого не было. Ни среди стоявших, ни среди пострадавших преступника не увидел. При таком столкновении, если даже Ёжик и не погиб, то должен хотя бы пострадать. А если это так, то он не мог уйти далеко. Может, зашел в автобус? Но и там его не было. Куда он мог деться?

- Кто водитель автобуса? - спросил он.

- Ну, я! - сердито отозвался мужчина средних лет. Лицо у него было бледное. Наверно, все еще находился под впечатлением происшедшего.

- Отойдем в сторону, - попросил Алибек, мельком глянув на подъехавшие машины. - Куда делся водитель такси?

- Не знаю...

- Неужели не заметил? - спросил он, показывая свое удостоверение. - Это был опасный преступник.

- Не заметил, - ответил шофер. - Когда такси таранил автобус, в нем никого не было.

- Как не было?!

- В такси никого не было. Я это заметил, когда увидел, что легковушка шла не по своей полосе. Сперва выехала на середину трассы, а потом на мою сторону. Сначала я подумал, что водитель пьян, и хотел избежать столкновения, да не смог. Только нажал на тормоза. В это время в машине никого не было.

- Когда такси приближалось, вы видели, что из машины выпрыгнул человек?

- Нет...

В эту минуту подъехал автоинспектор, которому следователь приказал ехать за ним. Пострадавших увезли проходящие мимо машины в больницу. Когда увидели автоинспектора, один из пассажиров начал что - то рассказывать, размахивая руками.

- О чем речь? - спросил Алибек, представляясь автоинспектору.

- Что-то говорит о такси, - ответил тот.

- Тогда займитесь людьми и машинами, а с ним побеседую я. - Когда автоинспектор ушел, Алибек спросил: - Ну, что видели, как видели, расскажите обо всем поподробней?

- Я сидел со стороны дверей, - ответил тот. - На дороге других машин не было. Такси я заметил сразу же, как только оно поднялось на мост. Хотя машина была видна и не вся, но передняя часть уже показалась. В этот момент и увидел, как открылась с правой стороны дверь машины.

- Это точно - с правой стороны?

- Да. Со стороны водителя дверцы не открывались. Не могу сказать, что машина останавливалась или замедляла ход. Полностью человека тоже не видел, но увидел голову и плечи шофера, который в спешке покидал машину. Далее точно не могу сказать, то ли он упал, то ли пригнулся к земле. Так или иначе, он скрылся, а что потом с ним было, я не видел...

Алибек и сам подозревал, что Ёжик каким - то образом успел покинуть машину, оставил включенной скорость, надеясь на аварию и людское замешательство, а сам скрылся. Теперь же его подозрения подтвердились. А коли этот так, значит, преступник далеко не ушел. Или где-то в районе моста, или прячется в какой - то канаве поблизости. Прошло всего 10 - 20 минут, как Ёжик оставил машину. Надо скорее организовывать поиски...

... Видимо, слух об аварии быстро дошел до милиции.

В это время милицейская машина и трехколесный мотоцикл ГАИ подъехали и остановились. Из них сошли еще несколько сотрудников ГАИ. И еще четверо автоинспекторов встали по обеим сторонам дороги, чтобы проходящие машины не останавливались и не мешали движению транспорта. Алибеку была дорога каждая минута. Он оставил на месте происшествия двоих милиционеров, а сам с остальными направился к мосту. Потом отправил на машине одного автоинспектора к близлежащему районному центру, чтобы он собрал всех работников районной милиции, свободных от наряда, и скорее вернулся.

В это время прибыл шофер машины, на которой они гнались за Ёжиком. В спешке Алибек не успел даже поблагодарить его.

Прошло уже более часа, и солнце клонилось к закату, крася окрестные поля и лесополосы в светло-розовый цвет. И людям казалось, что по ним шел розовый пожар. Причем пожар не обычный, не земной, а какой-то небесный, что ли. И они не боялись попасть в его пламя, ибо оно представлялось божественным и священным, очищающим от человеческой скверны. Но следов преступника так и не было обнаружено. Более двадцати человек метр за метром растянулись по обеим сторонам от моста, но все было тщетно. Все места, где мог спрятаться преступник, были обследованы. Да и мест таких было очень мало. Под мостом по обеим сторонам железнодорожной линии не было никакой растительности, а далее зелеными коврами раскинулись поля. И если преступник вдруг решится пойти через них, то ему трудно остаться незамеченным. Но коль пройдет и доберется до села, то может переждать погоню у какого-нибудь знакомого. Другой версии не было, ибо, кроме трассы, нет дороги, где бы он мог сесть на попутную машину и уехать. Люди уже не знали, где еще можно искать. Все вокруг было тщательно осмотрено. Ни Алибек, ни работники районной прокуратуры и милиции не могли найти отве-

та на таинственное исчезновение преступника. И было ясно, что в районе поиска его уже нет.

- Ну что ж, тогда возвращайтесь к своим служебным обязанностям и подбросьте меня по пути в Ак-Саут, - сказал Алибек. Нужно было немедленно известить о случившемся Попова.

10

... Когда Алибек заходил в кабинет Ивана Васильевича, то увидел Колю, сидящего за столом и что-то пишущего. А Попов стоял возле окна, курил и что-то ему диктовал. Они так оба смотрели на Алибека, словно видели его впервые.

- На, съешь это быстренько, пока тебя еще держат ноги, - произнес Коля, протягивая ему шоколадную конфету.

Хоть он протянул конфету шутя, не надеясь, что друг возьмет ее, но случилось другое. Алибек, который не любил сладостей, схватил протянутую конфету и быстро отправил в рот. После этого сел на диван и вытянул ноги, как сильно уставший человек. Иван Васильевич, который не любил шуток в серьезном деле, вместо того, чтобы, как прежде, сделать замечание Коле, обратился с вопросом к вошедшему.

- Почему столько времени молчал, не вводил нас в курс событий? - спросил он и добавил: - Мы три раза заказывали переговоры, но тебя не нашли.

- Потому, что я уехал из Минвод еще до обеда...

- Так где же ты пропадал? - по тону Ивана Васильевича не трудно было догадаться, что он им недоволен.

- История, случившаяся со мной, очень интересна, - заговорил Алибек и рассказал подробно с начала и до конца.

- А как же Ёжик попал туда? - спросил Николай, глядя по очереди на обоих.

- Не знаю, - мотнул головой Алибек.

- То, что он оказался не там, где мы ждали, а совсем в другом месте, говорит о том, что преступник умнее нас, - заявил Попов, присаживаясь на скрипучий стул. - Он каким - то образом догадался, что мы задержали Ключа. Или, если даже не догадался, он же не такой дурак, чтобы не понять, что совершенная кража денег в рабкоопе поставила все органы внутренних дел на ноги. Такую крупную кражу могли совершить только преступники с большим стажем и опытом. А то, что такие преступники стоят у нас на учете, знаем не только мы с вами, а и Ёжик тоже. Из этого следует, что преступник не мог отдать похищенных денег ни людям своего круга, ни близким. Потому что все слышали о краже и о том, что мы ищем и деньги, и вора. Если бы даже он решился кому -нибудь отдать эти деньги, никто бы их не взял. Поэтому он или отдает деньги на сохранение лицу, которое живет подальше от этих мест, или же под каким-либо предлогом оставит эти места. А после, когда все позабудется, может вернуться. Обо всем этом и подумал Ёжик. И то, что мы его не забыли, ищем, об этом он тоже знает. Из этих соображений он понял, что мы контролируем все дороги, особенно трассу в сторону Минвод.

- Так почему же он не поехал туда сразу, после того, как угнал машину? Ехать куда-то на кошару, потом опять угонять уже грузовик, что-то не совсем логично, - высказался Николай.

- О какой машине, о какой кошаре ты говоришь? - спросил Алибек, поднимая голову.

- Подожди, я совсем забыл, что в твое отсутствие здесь произошли кое-какие события, - сказал Попов. - Наверное, он все это проделал, чтобы сбить нас с пути. А может, он это понял, когда выехал на большую трассу. Он хотел попасть в Закавказье или же по другой дороге в Минводы...

- А деньги? Как он оставит эти деньги и смоемся? - перебил Николай Ивана Васильевича.

- Может, он взял с собой одну - две пачки, - высказал Алибек.

- Нет, деньги все здесь.

- После того, как деньги нашли в туалете, в сарае у Ключа нашли еще две пачки и одну пачку у его любовницы, - сказал Попов, удивляя Алибека последними новостями. - Пока тебя не было, мы зря не тратили время. Они, наверное, договорились, что если не смогут встретиться в Минводах, то встретятся в другом месте. А в каком именно месте, спросим у Ключа.

- Он ничего еще не говорил?

- Нет еще. Перед твоим приходом мы собирались вызвать его на допрос, - сообщил Иван Васильевич, прикуривая очередную сигарету. - Так куда же все-таки делся Ёжик на мосту?

- И как он мог узнать Алибека, то есть карачаевского Мегрэ? - добавил Коля.

- Видно, он не только Алибека, но и нас с тобой знает в лицо. За столько времени он каким - то образом "познакомился" с нами или кто-то нас ему показал. Дело не в том, а в мосту...

- Он не мог уехать с проезжающими машинами и спрятаться в районе моста тоже не мог. Если бы даже он и решился переждать где - то возле моста, мы бы его непременно нашли. И уйти далеко не мог, времени у него было мало. Поблизости нет никаких сел. Нет и такой реки, чтобы он мог переплыть и скрыться. Будто сквозь землю провалился, - удивился Алибек.

- А в это время поезд не проходил под мостом? - спросил Николай.

- Поезд, говоришь? - обернувшись к нему, спросил Иван Васильевич.

- Не знаю, я не обращал на это внимание, да и поезд ходят там быстрее, потому что никакого подъема нет. Если бы даже проходил поезд в это время под мостом, как преступник мог при такой скорости рисковать своей жизнью?

- Как мог рисковать преступник? - переспросил Попов. - В такой момент можно все сделать, даже жизнью рискнуть, потому что преступники, как ты сам знаешь, становясь на скользкий путь, рискуют и жизнью, и свободой...

- Так вы думаете, он мог спрыгнуть с моста? - удивленно спросил Алибек.

- Да, с моста. Между мостом и проезжающими вагонами расстояние не более двух - трех метров. А если еще повиснуть, держась руками за какие -нибудь торчащие под мостом арматуры, то этим можно сократить расстояние и уменьшить риск. По - моему, Коля прав. Преступник скрылся от погони на поезде, - и он, не договаривая, подошел быстрыми шагами к телефону и позвонил дежурному вокзала, спросив о времени прибытия к ним поездов и отходе из города Ак - Саута. Потом, положив трубку, Иван Васильевич сказал: - В течение одного часа проходили четыре поезда. Из них два выехали отсюда, один пассажирский отправился в Москву, а другой был загружен зерном. Но на эти поезда преступник не мог сесть. Потому что у них вагоны крытые, и если кто -нибудь захочет спрыгнуть на них, то вряд ли удержится.

- А в наш город какие прибыли поезда?

- Первый поезд был загружен цементом. Но эти вагоны тоже крытые. А второй поезд прибыл три часа тому назад со строительными материалами...

- А какие были там материалы? - заинтересовался Алибек, не дожидаясь дальнейших объяснений Ивана Васильевича.

- Доски, гравий, песок. Коля, ты побыстрее съезди на товарную станцию. На вагоны с лесом он не мог спрыгнуть, а на вагоны, куда были загружены песок, гравий... Впрочем, это узнаешь на месте. Если будет что-то, позвони.

После ухода Николая Попов подробно рассказал, что у них было здесь в отсутствие Алибека. Посмотрев еще

раз на его изнуренный вид, предложил ему идти домой отдохнуть, выспаться и прийти завтра утром.

- Нет, я останусь здесь, - не согласился подчиненный.

В это время позвонил Николай и сообщил, что обнаружил следы ног в пятом вагоне. В остальных вагонах гравий и песок остались такими, какими были при погрузке, то есть пирамидками, а в передней части пятого вагона на насыпи остались глубокие следы человеческих ног. И добавил, что больше ничего не обнаружил, что заслуживало внимания.

После этого сообщения Иван Васильевич позвонил в аэропорт Минвод и известил дежуривших там и в других местах, что все они свободны и могут вернуться к своим обязанностям. Передав эти распоряжения, он позвонил в управление местных органов внутренних дел и постов ГАИ, чтобы они сняли людей, которые были на дорогах, и рассредоточили вокруг города. А начальника УВД попросил, чтобы этой ночью в городе увеличили наряд дружинников и милиционеров.

Когда Иван Васильевич, закончив разговор с начальником управления, положил трубку, вернулся и Коля.

- Где же он мог сойти? Трудно сказать, - произнес Попов.

- Я так думаю, - заявил Алибек, впервые вставая с места с тех пор, как зашел и сел на диван. Он подошел к столу, налил из графина воды, выпил и поставил на стол стакан. - Он должен вернуться в город.

- И я такого же мнения, - поддержал Коля. - Посмотрите на карту. Не доезжая до города, у него по пути четыре маленьких селения. В этих местах у него не может быть знакомых. Главная явка у него здесь, в городе. Значит, он не остался в каком-то незнакомом селе или ауле. И, к тому же, он проехал три эти селения, когда еще не стемнело. Поэтому мог спрыгнуть, когда было еще светло, его могли увидеть люди. А, подъезжая к четвертому селу, он вряд ли спрыгнул бы с поезда, по-

тому что здесь такой большой откос, и запросто можно свернуть себе шею.

- Правильно говорите, ребята, - поддержал Иван Васильевич. - Здесь у него есть надежная явка. Об этом, наверное, знает и Ключ. Начнем допрос, дело покажет.

... Допрос начался, Николай ведет протокол. Алибек сидит на своем месте. Допрашивает только Иван Васильевич. Ключ отвечает на все вопросы. Когда родился, где и кем раньше работал? За что был осужден в последний раз и так далее. Все это следователи уже знают, но нужно соблюдать порядок допроса.

- Где вы были 13 мая вечером?

- Уже два раза отвечал на этот вопрос... Письменное показание тоже давал...

- Где были 13 мая вечером?

- На квартире своего друга Юсуфа. С 8 до 10 часов вечера. Не даете человеку ни днем, ни ночью покоя.

- Чем вы подтвердите, что в 10 часов ушли от него?

- Спросите у Юсуфа...

- Он вас провожал?

- Нет, я уходил сам.

- А Юсуф чем занимался, когда вы уходили?

- Он был сильно пьян. Я его уложил в постель, а уже потом ушел.

- Вы его уложили в постель, когда уходили, или он уже лежал?

- Когда уходил, нет. После того, как его уложил, выпил еще рюмочку и потом ушел...

- Дверь оставили открытой?

- Почему открытой? Закрытой!

- Как же вы замыкали дверь?

Ключ на некоторое время замолчал, испуганно озираясь, но вскоре нашелся.

- Нет, когда вышел и прикрыл, она сама замкнулась.

- Дверь его квартиры сама не замыкается. Замыкается только ключом.

- Этого я знать не могу, а обманывать не хочу. Дверь я закрывал плотно. Все-таки я тоже был тогда пьяным и не проверял, закрылась она или нет.

- У вас были две бутылки водки. Одну покупал Юсуф, а другую вы. Так?

- Да, было две бутылки водки, - нехотя сознался вор, обведя присутствующих ненавистным взглядом и закрипев ржавыми редкими зубами.

- Где покупали?

- В магазине.

- Я знаю, что не сами готовили. В каком магазине покупали?

- Он покупал бутылку в придорожном магазине...

- А вы?

- А я в "Центральном" магазине.

- До встречи с Юсуфом?

- Да...

- Вчера на допросе вы утверждали, что водку купили в магазине "Эльбрус". Выходит, вы нас обманывали?

- А какая разница? - недовольно ответил Ключ и, немного подумав, добавил: - Во всех магазинах водка одинаковая...

- Так где же вы все-таки купили водку? Верить вчерашним показаниям или сегодняшним?

- Сейчас вспомнил точно, я покупал в "Эльбрусе"...

- Когда?

- В тот день...

- В какое время?

- Это точно не могу сказать. После покупки я еще ждал Юсуфа. Наверное, был седьмой час...

- Вот подтверждающая бумага директора "Эльбруса". В ней говорится, что "Экстра" у них кончилась еще в обед...

- Тогда я, наверно, ошибся. Видимо, я все - таки покупал в "Центральном".

- А вот бумага от директора "Центрального". Такой водки у них в тот день в продаже вообще не было. Почему молчите? Скажите, наконец, где брали ту бутылку?

- Я бутылку покупал не в тот день...

- Так почему же сейчас обманываете?

- Если бы вы были на моем месте, я бы посмотрел. За то, что страдаю безвинно, все позабыл...

- Вечером часов в семь, а не в восемь, вы с Юсуфом зашли к нему. Это видели люди. А когда вы выходили оттуда, вас кто -нибудь видел?

- Кажется, во дворе были дети. Больше... не знаю...

- Это ваши туфли? - спросил Иван Васильевич и поставил на стол одну пару старой обуви, подложив под них газету.

- Нет... Подождите, еще раз взгляну... Кажется, мои... Давненько я их закинул с разным хламом в сарай. А зачем вам понадобилось это старье?

- Здесь допрашиваю я. Если давно вы их бросили в сарай, почему же их надели в тот день, когда шли к Юсуфу?

- Не одевал я их.

- Как же тогда остались от них следы на кухне?

- На кухне, говорите? Не знаю... Подождите, в тот день утром моросил дождь. Я, наверно, пожалел новые туфли одеть в такую погоду, одел эти, старые.

- Ну, вспоминайте...

- Да-да, так и было. Когда выходил, жена вернула назад и дала эти...

- Правильно, это нам говорила и ваша жена. Только одно здесь не ясно. Если бы следы этих туфель были только на кухне, то ничего. - Иван Васильевич внимательно посмотрел на него. После этих последних слов Ключ несколько обеспокоился. - Что вы делали на подоконнике?

- Я? Ошибаетесь, я там не был...

- Тогда посмотрите на отпечатки ваших туфель на подоконнике. Это заключение экспертизы.

- Тут что - то не то, гражданин следователь...

- Вы оставили свои следы, когда выходили через окно. Что же на это ответите?

- Я не выходил через окно.

- Тогда слушайте меня. Вы купили бутылку раньше. Раскупорив ее, насыпали туда снотворного. Потом дали выпить Юсуфу, а сами выпили из бутылки Юсуфа. Примерно через час он уснул. После этого вы дверей не открывали. Утром уборщица за свои труды начала собирать деньги с каждой квартиры. Она собирала всегда через месяц, как раз тот день и был таким. Когда она постучалась к Юсуфу, у него дверь была закрыта. А Юсуф не просыпался до тех пор, пока его не разбудила та женщина. Когда он проснулся, сам открыл двери ключом и тогда уже дал уборщице деньги. А вы ушли через окно. Перед этим вы вылили содержимое из своей бутылки, потом всполоснули ее под краном. Когда добрались домой, вы обули другие туфли, приклеили себе бороду, вышли на дорогу и остановили такси.

- Не останавливал я такси...

- А по пути взяли себе напарника и поехали грабить рабкооп...

- Я не грабил.

- Откуда же у вас было столько денег?

- Вы нашли при мне деньги?

- Нет.

- Так почему же грехи других вы приписываете мне? Вы же знаете, что я давно завязал. У меня дом, семья, работаю. Не смогли поймать настоящего преступника, и все это хотите пришить мне?

- Вы хорошо знаете законы. Чистосердечное признание облегчило бы вашу вину. Зря не хотите признаться? В туалет бросили деньги вы. Что деньги брошены тогда вами, известно...

- Ничего я не бросал. Если бы у меня было столько денег, я бы знал, что с ними делать...

- Значит, не бросали? А у себя в туалете откуда деньги, спрятанные в целлофановом мешочке?

- Какие деньги? Я никаких денег не видел...

- Известно и то, что вы одну пачку отдали Тоне.

- Какой еще Тоне? У меня нету никакой знакомой Тони.

- Вот ее показания. Ознакомьтесь, - сказал Попов, подвигая протокол допроса Ключу.

- Я ей ничего не давал! Это она мне мстит за то, что тогда я на ней не женился. Все знают, как она бегала за мной. Она, наверно, показала свои сбережения...

- Нет, в других пачках отпечатков ваших пальцев не было, а на этих есть. Вы, наверное, забыли надеть перчатки. В этой же пачке есть отпечатки пальцев кассира рабкоопа. Вот заключение экспертизы. Если хотите, мы можем пригласить на допрос Тоню. А если и этого мало, посмотрите на свои перчатки, - сказал он и бросил на стол пару женских летних, когда - то белых, а теперь уже грязных перчаток. - После того, как вы бросили пачку денег в туалет, эти перчатки выбросили в огороде. - Иван Васильевич закурил. - Можете закурить и расскажите правду, как было на самом деле.

Ключ, боясь, что Попов может передумать, быстро схватил протянутую сигарету.

- Вы сами видите, что отпираться бесполезно. С этого момента, как вы переступили порог Юсуфа, и до вашего задержания, нам известен каждый ваш шаг. Не теряя времени даром, вы должны признаться в совершенных вами преступлениях, это будет для вас только лучше. А мы и так знаем, как видите, немало. Если будет нужно, еще найдутся и свидетели, и документы. Нас можете не жалеть. Это вам будет нужнее, чем нам. В чем признаетесь, то и запишем. Вы же знаете, что это суд учтет.

- Да, вы действительно слишком много знаете, - через некоторое время ответил обескураженный Ключ. - Что поделаешь, дальше молчать не имеет смысла. Ду-

мал, больше никогда не делать недозволенного, но опять, ошибся...

- Если так, вот бумага, вот ручка, напишите сами обо всем.

Ключ не отказался, только приуныл и часто моргал, будто засорил глаза. Когда он писал, следовательно был занят другим и не обращал на него внимания. Ключ закончил писать, встал, протянул следователю бумагу, а сам отошел и сел на прежнее место. Попов прочел вслух, чтобы могли слышать коллеги, потом сказал:

- Вы забыли указать имя своего напарника, с которым тогда работали, - взглянул он с улыбкой на задержанного.

- Я был один...

- В такси садились вдвоем. И сторожа рабкоопа связали вдвоем.

- Нет, я был один.

- Если так, придется пригласить на очную ставку шофера и сторожа.

- Пригласите или нет, мне все равно. Я был один! Добавить мне нечего. Проводите меня в "мою гостиную". Я хочу спать.

- Кое-что еще нужно уточнить, потом можете идти...

- Что еще? В грабеже признался, а в другом преступлении, ни в домашней краже, ни в драке, ни в убийстве не участвовал. Что вы еще от меня хотите? Заявите, что раскрыли большое преступление, и передайте дело в суд. Большой почет и слава вам будут.

- Отдохнуть и мы не против. Но когда мы уйдем отдыхать - это в нашей воле. Об остальном можем поговорить и после. А сейчас вы должны ответить на один вопрос...

- Спрашивайте скорее, что хотите?

- Куда вы несли деньги и кому?

- Кому бы я нес? Знаете, что я был в отпуске. Хотел немного погулять и посмотреть мир. Только вы не дали развернуться, - улыбаясь, ответил он.

- Где же хотели развернуться?

- Эх, начальник, были бы деньги, с деньгами место везде найдется... Хотя я точно и не знал, куда поеду. Если бы доехал до аэропорта, полетел бы с любым рейсом, в любое место, куда нашел бы билет.

- А друг ваш, который должен был встречать вас в Минводах, полетел бы с вами?

- Друг, который должен был меня встречать? - с удивлением переспросил Ключ. - Нет, меня никто не ждал.

- Вы опять говорите неправду. Вы должны были там встретиться с Ёжиком...

- Ни о каком Ёжике я не знаю. В преступлении, к которому был причастен, признался, а к остальному меня не примешивайте...

- Один человек с такими деньгами на дорогу не выйдет. Об этом прекрасно знаем и мы, и вы...

- Почему не выйдет? Сколько бы не было, все равно израсходуется. Наверно, кончили допрос. Отправьте меня в камеру.

- Но вы не ответили на мой вопрос.

- То, что знал, рассказал. Если хотите, я могу повторить. Больше добавить нечего.

- Тот, кто помогал преступнику, скрывал его, и за дачу ложных показаний привлекается судом к уголовной ответственности, об этом вы тоже знаете. А на этот раз за совершенное вами преступление добавится и эта статья, и вы не скоро выйдете на свободу...

- Я никому не помогал и никого не скрывал, я о себе думаю.

- Вы сейчас лжете. Вы хорошо знаете Ёжика. Он преступник и убийца. О нем подано во всесоюзный розыск.

- Ищите, находите, задержите... Это меня не касается, не знаю, не видел, не знаком. Я все сказал.

- Нет, не все. То, что вы знаете Ёжика и вместе с ним грабили рабкооп, нам точно известно.

- Мне хочется спать.

- Подумайте до утра. Преступника мы и без вас за-

держим, но если бы вы оказали нам помощь в этом деле, вам же было бы лучше. Дом, семья, подумайте о них. Вы же не рецидивист, как Ёжик. Вы молоды. Скрывая его, как бы самому себе не сделали хуже.

Отправив Ключа в камеру, Попов обернулся к своим помощникам с таким видом, будто спрашивал: “Что вы можете сказать об этом фрукте?”

- Проклятый! И на этот раз ничего нового не сказал, зевая и вытирая сонные глаза, сказал Алибек.

- Как не сказал? Он же признался, что ограбил раб-кооп? - спросил Николай. - Если потом не откажется.

- Может, и не откажется, - заметил Иван Васильевич. - Впрочем, Алибек прав. Ключ и на этот раз ушел от ответа. Хоть и признался, что участвовал в грабеже, но не сказал, с кем. Пока это не узнаем, мы не можем сказать, что дело закончено.

- Если бы задержали напарника, он мог бы рассказать о Ёжике...

- Нет, Коля, - возразил Попов. - То, что Ёжик не любит заводить знакомства, мы с вами знаем. Если наша версия верна, что эти два преступления связаны между собой, то Ёжик знаком только с Ключом.

- Так ты сомневаешься, что Ёжик отправил Ключа за деньгами? - спросил удивленный Коля.

- Правильно понял, нам известно, где были, сколько раз судимы, где задерживались и в каких тюрьмах сидели - тоже. Так ведь?

- И я так думаю, - ответил Алибек, доставая сигарету из пачки Ивана Васильевича. - Ключ скажет, с кем грабил. В этом я уверен. Но сомневаюсь, скажет ли он что-нибудь о Ёжике. Если спросите, почему, отвечу. Первое, Ёжик пользуется большим авторитетом среди преступников. Второе, они знают друг друга и связаны между собой. Об этом у нас пока нет ни свидетелей, ни каких-либо документов. Ключ хорошо знает об этом. Так почему же он к делу Ёжика будет относить и себя? Я на его месте тоже бы не признался.

- Ребята, если дело в прикрывательстве мелкого хулиганства, даже с ограблением – одно, то тут ему надо признаться в том, что он знаком с Ёжиком, рецидивистом, а это другое. Потом в ходе расследования может выясниться, что они оба совершали и другие преступления, – заявил Иван Васильевич, шагая из угла в угол и продолжая: – Может, оно так и есть, хотя это всего – навсего догадки.

В это время резко зазвонил внутренний телефон, заставив вздрогнуть всех троих. Попов поднял трубу. Немного послушав, сказал:

- Приведите, мы все здесь, – и положил трубку. Потом, обращаясь к ребятам, добавил: – Когда он дошел до своей камеры, вдруг начал настаивать конвоиру, что хочет сообщить что – то новое.

- Кто? – спросил Коля.

- Ключ!

- Ключ? – переспросил Алибек.

- Дай – то Бог...

- Если что – то стоящее скажет, я принесу сейчас же из дому бутылку! – радостно воскликнул Коля.

- Бутылки будет мало, за это нужно сводить нас в ресторан, – улыбаясь, заявил Алибек.

- Ну, если дело дойдет до этого, я старше и по возрасту, и по должности, поэтому в кабак нужно вести мне, – предложил Иван Васильевич.

У всех троих заметно поднялось настроение. В это мгновение вошел Ключ и сел на свое место.

- Пишите, – сказал он. – В этот вечер со мной был Манаф.

- Кто он такой?

- Раньше он работал в том самом рабкоопе бухгалтером. Друг друга знаем давно. Он знал о моих способностях открывать любые замки. “Много времени прошло с тех пор, как ты вышел из тюрьмы и живешь теперь с семьей. Все уже забыли, что ты был когда – то осужден. И милиция не подумает о тебе”, – твердил он несколько

месяцев. Я долго не соглашался. Но шайтан попутал, и я поддался уговорам...

При последних словах он заплакал. Видно, вспомнил, что придется расстаться со свободой, семьей, хорошей работой, с этими горами и этим голубым небом над ними.

- Где сейчас находится Манаф?

- В Горячеводске, - сквозь слезы ответил медвежатник. Он попросил воды, выпил и продолжал: - Поэтому и напрашивался на второй допрос. Он ждет меня. Если завтра я к нему не приеду, он догадается, что меня задержали. И тогда уйдет. Чтобы не взять и эту ответственность на себя, как прикрывательство, я и поспешил к вам. Жалею, что не признался сразу.

- Где он будет ждать?

- На краю города. Вы без меня не найдете. Он меня ждал и вчера. Если к утру мы там не будем, он уйдет...

- А почему он не взял половину денег?

- Он живет в кооперативной квартире. Спрятать эти деньги негде. Боится, что его жена может заметить. А у меня собственный дом, огород, подвал. Мне спрятать легче.

- А почему вы отдали целую пачку Тоне?

- Она не говорила?

- О чем?

- Я ей был должен. Думал, что мы деньги потратим, и я ей не смогу вернуть долг, поэтому и отдал.

- Куда вы собирались ехать с Манафом?

- У него в каком-то селе есть собственный дом, о котором никто не знает. А рядом с его домом продается другой большой дом. Он предлагал купить его мне.

- А в том доме кто живет?

- Он сдал его квартирантам и получает за это каждый месяц хорошую сумму. Он говорит, чтобы и я так сделал. Это нам давало бы должный доход на всю жизнь.

- А с остальными деньгами что вы собирались делать?

- Вот уже месяц, как Манаф нигде не работает. И я

был в отпуску. Хотели попутешествовать по стране. Он еще говорил о каких-то двух женщинах...

- Времени остается очень мало, - напомнил Иван Васильевич, взглянув на часы. - Скоро два часа ночи. Пока мы доедем до места, пройдет еще несколько часов. Теперь еще ответьте на один вопрос.

- Спрашивайте!

- Что вы можете сообщить нам о Ёжике?

- Да, чуть не забыл. Я его знаю понаслышке, но никогда не видел в лицо. Если сомневаетесь и ждете, что я могу сообщить вам что - то дельное, то вы ошибаетесь и зря тратите время.

- Вы подождите в другой комнате, - сказал ему Попов, потом обернулся к ребятам и спросил: - Что вы теперь скажете?

- Что я могу сказать? Я напишу, чтобы меня освободили от занимаемой должности по собственному желанию, - ответил Коля. Оба следователя посмотрели на него: один с удивлением, другой нахмурившись. По лицу Ивана Васильевича было видно, что он сердится. А Алибек улыбнулся. Но когда друзья поняли, что он не шутит, оба смутились.

- Что - либо другое сказать не могу, - продолжил Коля. - Сколько времени прошло, а мы до сих пор не смогли задержать преступника, обнадеживая других, что задержим не сегодня-завтра. А то, что все наши версии не подтвердились, нужно и нам признаться, что не можем справляться со своими обязанностями.

- А я не хочу писать такое заявление. Это у тебя от недосыпания переворот мозгов, - вымолвил Алибек. - Но то, что наш труд пошел насмарку, ясно. Ясно и то, Ёжика нужно искать по-другому. И пока мы его не задержим, Коля, нам детские выходки ни к чему.

- Как мы задержим преступника за несколько дней, которого не смогли задержать за столько времени? - спросил раздраженно Николай. - Видно, не по Сеньке шапка. А если узнают допущенную нами ошибку, когда

мы связывали ограбление с Ёжиком, вообще опозоримся. А если еще это дело передадут другим, как говорил прокурор, тогда хоть из города убегай...

- Я у вас спрашиваю совета, а вы... - прикуривая сигарету, высказался Иван Васильевич. - Как же вы так растерялись и рассопливились? Кто вас услышит, то подумает, что Ключ вообще не преступник! А он украл большие деньги, и какие статьи по нему плачут, это вы тоже знаете. За несколько дней мы нашли деньги, вернули государству и задержали преступников...

- Одного...

- Да, Коля, пока одного. Задержим и другого. Я уверен, что Ключ не врет. Вы должны радоваться, что мы так быстро справились с этим делом. Да, пока не задержали Ёжика. Если бы это было так легко, его арестовали бы и до нас. Начальство это прекрасно знает. Хотя прокурор говорил, что дело передадут на этих днях другим следователям, он этого не сделает. Это он от злости и беспомощности. Ему же тоже нелегко. Наверное, мы все хотим спать, поэтому не можем понять друг друга.

- Хотите, чтобы мы пошли спать? - спросил насмешливо Коля. Видно было, что он еще не успокоился.

- Нет! - ответил Попов, делая вид, что не заметил насмешку товарища. - Сейчас вы оба поедете задерживать другого вора. Возьмите с собою еще людей и Ключа. Пока не вернетесь, я буду здесь. Если события будут развиваться, как мы думаем, там же на месте допросите. Во что бы то ни стало, постарайтесь вернуться скорее.

Не дожидаясь, пока они уедут, Иван Васильевич встал, открыл сейф, взял папку с документами и фотографиями Ёжика и сел на свое место.

... Алибек с Колей вернулись, когда еще не было и десяти часов утра. Ключ говорил правду. Подельник ожидал его. Когда стали задерживать, Манаф кинулся с

кинжалом в руке на Ключа и даже ранил его, пока подспели на помощь остальные. Рана оказалась неопасной. Чуть задел кинжалом руку.

- Допросили? - спросил Иван Васильевич.

- Хотели, но он только не литературно выражался, а отвечать на вопросы не захотел, - доложил Алибек.

- Никогда еще не встречал такого человека, кто мог бы так сильно материться, - добавил Николай.

Поздоровавшись с Сеитом, когда он вошел в кабинет, Попов распорядился.

- Ключа отведите в камеру. Манафа давайте сюда. - Потом повернулся к журналисту, спросил: - А ты где пропадаешь?

- Думал, что вам не нужен...

Звук открываемой двери прервал его рассказ. Манаф несмело переступил порог, стал и уставился на Ивана Васильевича. Он был в среднем возрасте. Человек атлетического сложения. При его появлении кабинет показался маленьким. Оглядевшись, он подошел к стульям и сел на один из них без разрешения. Воцарилась тишина. Присутствующие смотрели на Манафа, упершегося взглядом в пол. Так прошло несколько минут. Потом он обратился к Попову:

- Хочу с вами говорить с глазу на глаз.

- Здесь нет чужих людей.

- Есть вещи, о которых не говорят даже родителям...

- Ребята, зайдите в другой кабинет, - попросил Иван Васильевич.

Они предпочли выйти во двор. Пытались говорить о чем - то другом, но нет - нет, да и краешком глаза смотрели на окно Попова. А Коля несколько раз подходил к самому окну и возвращался. Ему не понравилось поведение Манафа, и он беспокоился, что тот может удрать. А Алибек об этом не думал, хотя спешил узнать, о чем идет разговор в кабинете. Сеит же краешком глаза смотрел на них и удивлялся, с чего у них сегодня такой измученный, усталый вид.

... Прошло полчаса, как ребята вышли из кабинета. Эти тридцать минут показались им целым годом. Наконец милиционер увел Манафа. Пока ребята раздумывали, войти в кабинет или ждать приглашения, Иван Васильевич вышел во двор. В первую минуту друзья его не узнали, до того он изменился в лице. Провозившийся всю жизнь с преступниками, человек со стальными нервами, он стал неузнаваем. Лицо напоминало бледную мертвую маску. Он пытался крепиться, но это ему не удавалось.

- Вы не отлучайтесь далеко, - попросил он друзей. - Если кто спросит, скажите, что на два дня уехал в командировку. Я вернусь к вечеру. Сюда придут двое из милиции. Все ждите здесь. А мы с тобой, Сеит, должны съездить в одно место, - следователь взял парня под руку, и никто не понял, опирался он на него или это был дружеский жест. Сеит почувствовал, как он весь дрожал.

Оба сели в машину Попова, и она тронулась. Скорость приближалась к 120 километрам, но Иван Васильевич не сбавлял ход, словно убегал от преследователей. Одна за другой летели из машины недокурные сигареты. Его брови сомкнулись на переносице. Сеит наблюдал за следователем, не зная, что и думать. Он молчал, связывая плохое настроение Ивана Васильевича с разговором с Манафом. Так, каждый думая о своем, они выехали из города и очутились у леса, прижавшегося к подножью горы. Попов въехал в лес и остановил машину под укрытием деревьев. Они вышли из кабины, и Иван Васильевич снова закурил, присев на траве, и указал Сеиту на место рядом с собой.

- Вот теперь мы оба в одинаковом положении, - заговорил он через некоторое время.

- Как это в одинаковом? - не понял его спутник.

- Нет больше ни твоей любимой, ни моей.

- ?!

- Да, Сеит, считай, что и моя жена умерла.

- Как умерла? Я утром видел ее. Так быстро...

- Ничего-то ты не знаешь. Она-то жива, но умерла для меня. Знаешь, что мне рассказал Манаф?

- Нет.

- Нет, говоришь? Я и сам бы рад не узнавать об этом. Ну ладно, сперва я расскажу тебе одну историю. А дело было на берегу Волги. “Помоги-ите!” - успела крикнуть женщина и пошла под воду. Этот душераздирающий крик слышали многие, но не все заметили, где именно она тонула. Первым опомнился парень, который только что подошел к берегу. Он в спортивных брюках, безрукавке бросился в воду и, сильно размахивая мускулистыми руками, поплыл. Отплыв от берега метров 10 – 15, нырнул в воду и через полминуты вынырнул. Рядом с ним показалось тело женщины. Тут ему помогли еще двое ребят. Тонувшую вынесли на берег. Среди отдыхающих оказался и врач. Он быстро откачал воду, сделал искусственное дыхание. Пока подъехала “Скорая помощь”, она пришла в сознание. После укола ее на всякий случай хотели отвезти в больницу, но она отказалась. Однако попросила, с трудом произнося слова, чтобы отвезли в дом отдыха. Прежде, чем сесть в “скорую”, она поблагодарила врача, который хлопотал возле нее.

- Меня не за что благодарить, - сказал доктор, - а вот его стоит, - и указал на парня, который стоял тут же. - Он вас спас...

Женщина внимательно посмотрела на него, но ей опять стало плохо, и она ничего не могла сказать. Так и увезли ее. Об этом случае домой не сообщала, чтобы не беспокоить. А сама больше не ходила купаться. Где бы она ни была, ее мысли часто возвращались к тому злощастному дню, который чуть не стал роковым. Ведь она даже спасибо не сказала спасителю. А потом его ни разу не видела, а может, и видела, но не узнала. Это еще хуже...

Вечером в зале дома отдыха должны были показывать кинофильм. Но она этот фильм смотрела еще дома,

потому отказалась идти с подругами по комнате. Подруги после ужина пошли переодеваться, а она вышла подышать свежим воздухом. Недалеко от дома отдыха начинался лес. По утрам многие и она, в том числе, ходили там вместо физзарядки. По привычке она пошла по асфальтированной дорожке. Потом села на скамейку, которая находилась под деревьями, у опушки леса. Оттуда было видно, как гуляли отдыхающие, но ее трудно было заметить.

Через некоторое время какой-то мужчина сел на эту скамейку. Она не поняла, откуда он взялся. Тут же с другой стороны подсел еще один. Она посмотрела на него и в тусклом свете недалеко находящейся лампочки увидела его наглое лицо. Она только хотела подняться и уйти, как услышала шепот нового соседа.

- Минуточку, красавица, - сказал он. - Ради всего прошу не шуметь, оставьте на память сумочку. - При этом она почувствовала, как он кончиком какого-то предмета коснулся ее бока. Она с ужасом поняла, что это нож, в надежде, что тот заступится за нее, посмотрела на другого соседа.

- Да, я здесь, - сказал тот, что с другой стороны. - Мне, пожалуйста, часы и кольцо. Понимаете, с детства обожаю золотые вещи.

В это время наглый парень вырвал сумку, где был кошелек с деньгами. Другой тут же взял за руку. Когда она с отвращением вырвала руку, золотых часов, подарка мужа на день свадьбы, уже не было.

- Не люблю резких движений, - сказал тот. - Тем более, когда они ни к чему. Прошу кольцо...

Только сейчас она заметила, что другой, с сумочкой, уже исчез. Женщина решила воспользоваться этим обстоятельством. Она резко встала и успела сделать только один шаг к ярко освещенному мосту, как тот схватил ее за плечо.

- Что тут происходит? - прозвучал угрожающий голос. Оба, вздрогнув, оглянулись. В двух метрах от них

стоял какой - то парень. Преступник сразу отпустил ее и рванул в лес. Но был пойман между первых же деревьев. Женщина посмотрела туда. Там было темно, и она не могла толком понять, борются они там или дерутся. Оба упали. Тут же один вскрикнул, другой сел на него.

- Хулиган обезоружен, подойдите сюда, - услышала она. - Не бойтесь. Идите же, нужно разобраться.

После этих простых слов она окончательно пришла в себя и поняла, что тот, который наверху, ее спаситель, и он ее зовет. С трудом преодолевая дрожь в коленях, она подошла. Хулиган лежал лицом вниз, а его закрученные назад руки держал этот парень.

- Что он у вас взял?

- Золотые часы. Хотел и кольцо забрать, но не успел...

- Где часы? - спросил он у лежащего.

- В кармане, - ответил тот, тяжело дыша.

- Возьмите и носите на здоровье, - передал ей парень часы. - Что он еще взял?

- Ничего больше не взял, а его друг унес мою сумочку, где был кошелек.

- Кто был с тобой? - спросил он хулигана. Но ответа не последовало. И парень начал крутить ему руки.

- Ой, ой, сломаешь, сволочь!

- Тебе не руки, а шею надо сломать, - сказал он и поднялся. Хулиган сел и уставился на него. - Я следователь Макаруч, - представился парень, - а это моя жена. Я отлучился на несколько минут, а вы напали на нее. Так вот, я отпускаю тебя. Но если через несколько минут наши сбережения не будут возвращены, я вас из-под земли достану. Тем более, уже успел сфотографировать тебя, - он показал какой-то предмет величиной с карманный блокнот. - А если вернете сумочку моей жены, в этот раз прощу обоих. Иди! - он взял удивленную женщину за руку, и они вдвоем вышли из леса. - Вы уж извините, что назвал вас своей женой, - сказал парень, улыбаясь, когда сели на ту же скамейку.

- Что вы, я так благодарна!

- Пока не за что. Вот если и сумочку принесут...

- Если даже не принесут, - от души призналась она, - не будь вас, может, и меня бы уже не было в живых...

- Ну, зачем же вы так? Лучше давайте о чем-нибудь другом.

- Понимаете, до сих пор все тело дрожит, - произнесла она. - Между прочим, вы - коллега моего мужа...

- Кем же он у вас работает?

- Тоже следователь...

- Нет, мы с ним не коллеги, - улыбнулся он. - Я инженер.

- Как? Вы же говорили...

- Иначе было нельзя. Вот и мой фотоаппарат. - При этом он показал портсигар и захохотал. Вместе с ним засмеялась и женщина. В это время из леса вышел хулиган. Он положил на край скамейки сумочку и исчез. - Очень хорошо. Посчитайте, все ли на месте. - Оказалось все на месте. - Ну что же, теперь можно трогаться...

Когда вышли на хорошо освещенное место, женщина удивленно посмотрела на него. Парень тоже посмотрел на нее. Оба остановились.

- Я вас где-то видела...

- Меня? - удивился парень. - Однако и мне кажется так.

- На днях вы не спасали утопающей женщины?

- Ну и что? - буднично ответил он, как будто ничего серьезного не произошло. - Не один я такой.

- Не скромничайте, - перебила она. - Это была я...

- Вы? Вот это да! Оказывается, мы старые знакомые...

- Выходит, так. Я даже не в силах была поблагодарить вас. А теперь вдвойне.

- Стоит ли? Я ведь выполнял свой гражданский долг, как иногда называют в газетах. Но, если вы действительно хотите поблагодарить, и если у вас нет срочных

дел, то пойдёмте куда -нибудь поужинаем. Понимаете, я из санатория. Как раз шел на ужин, а теперь опоздал...

- Так вот, Сеит, эта женщина была моей женой, - признался следователь, - а инженером был Ёжик. В первый же день приезда он заметил ее. Она ему очень понравилась. Незаметно начал присматриваться к ней. По ее поведению понял, что эту женщину так легко не соблазнить, и устроил эту клоунаду.

- Не совсем понятно, - высказался журналист. - Эти двое были из его шайки и ограбили ее по заранее составленному плану. А случай на воде как объяснить?

- Манаф не признался в этом, но я знаю, что когда -то занимался подводным спортом. По-видимому, подплыв под водой к жене, потянул ее за ногу. Ну а Ёжик ждал этого момента.

- Так это же давно было...

- Не так уж давно, - перебил его Попов. - Лет пять или шесть тому назад. Слушай дальше. Ёжик знал ее адрес. После побега приехал сюда, остановился в моем доме.

- В вашем доме?

- Вернее, в подвале моего дома.

- Значит, - Сеит, думая, что ему все это чудится, зажмурился и открыл глаза. Опять кругом лес, машина и Иван Васильевич...

- Да, Сеит, он находится там с тех пор, как мы сбились с ног, разыскивая его по всему свету. Короче говоря, он давнишний любовник моей жены.

- Не может этого быть, Иван Васильич! Манаф врет.

- Нет, он знает, что таким образом нас не проведешь. Надеется, что, боясь позора, я отпущу его. Это все ладно, но я-то, я - осел безмозглый, главный следователь прокуратуры! Как я посмотрю в глаза людям, Сеит? Я предоставил убежище человеку, розыск которого объявлен по Союзу, вдобавок отдал жену, чтобы не было скучно. И два месяца ходил, как слепой, ничего не видя и не замечая. Искал преступника, который сидел под носом в

буквальном смысле. - Иван Васильевич сжал голову ладонями, затем поднялся и торопливо зашагал по опавшим листьям и сучьям, которые жалобно шуршали под тяжелыми шагами смертельно подавленного человека. Это была трагедия.

- Манаф подтвердил, что Раю убил Ёжик. С какой целью - не знает. Однако известно, что Ёжик сидел в тюрьме с бывшим знакомым Раи. Короче, мы с самого начала шли по верному следу. И было лишь одно упущение - я тоже стал соучастником преступления...

- Иван Васильич...

- Что Иван Васильич? - разозлился тот. - Чтоб провалялся этот Иван Васильич! Ёжик вышел на убийство из моего дома. Это ли не соучастие?

Следователь сел и снова закурил.

- Валя знала, кто такой Ёжик?.

- Знала.

- Что же теперь делать?

- Вечером арестуем обоих...

- Вы тоже пойдете?

- Да, иначе нельзя. Ёжик вооружен, а я все-таки знаю расположение подвала. Требуется предельная осторожность, иначе могут пострадать ребята. Доводить дело до конца будет другой. Учитывая участие Вали, я не имею права вести дальше расследование. Рабкооп ограблен по указанию Ёжика Ключом и Манафом, - заявил следователь и встал. - Ты, наверно, удивлен, что я приехал сюда и привез тебя. Но в трудную минуту человеку необходимо с кем-то поделиться наболевшим. А выехал я из города потому, что боялся встретиться с Валею и не сдержаться. Уже пора, едем...

- Я сяду за руль, а вы пока отдохните, - предложил Сеит.

- А ты можешь водить?

- Перед вами шофер третьего класса.

- Тогда садись...

Сеит вывел машину на трассу и, к удивлению Попо-

ва, погнал не к городу, а в обратном направлении.

- Куда мы едем?

- Я не спрашивал, куда вы везли? - хитровато ответил Сеит. Следователь устало прикрыл глаза и махнул рукой. Скоро машина завернула к уютному кафе у подножия горы. - Сначала перекусим, - открыл Сеит дверцу машины.

* * *

... Около часа ночи человек восемь незаметно подошли к дому Поповых. Находившиеся здесь с вечера четверо милиционеров сообщили, что Ёжик никуда не отлучался, и снова разошлись по местам. Остальные прошли осторожно за Иваном Васильевичем к дому и остановились у стены, где не было окон. Согласно плану, у каждого угла оставили по одному человеку. Один из милиционеров остался у ограды на случай, если Ёжику удастся сбежать. С правой стороны стены раньше был вход в подвальчик. Потом хозяин сделал вход из коридора, а старый закрыл. За неимением цемента он закрыл вход простыми глиняными кирпичиками, которые портили весь вид фундамента, но до которых потом так и не доходили руки. Отсюда и собирался Иван Васильевич попасть в подвал. Дверь на веранде обычно заперта изнутри, а ключ остается в дверях. Бесшумно открыть невозможно. Было предложено выставить раму, но неизвестно, где будет в то время находиться Ёжик. Он вооружен, что и прибавляет новые трудности.

Человек, совершивший столько преступлений, будет сопротивляться до последнего. Все это требовало особой осторожности. Некоторые предлагали взять его на улице, подождав, пока выйдет. Но Ёжик - не Ключ и не Манаф. Он не даст себя взять так просто. Он левша, и где находится оружие, трудно угадать. Руки обычно держит в карманах. В крайнем случае, живым не сдастся, если уловит хоть малейший шорох...

Иван Васильевич, Алибек (Коля руководил оставши-

мися во дворе) и еще один милиционер, наконец, очутились в подвале. Усевшись, все трое притихли. Затем огляделись при свете фонарика. Постели не было видно, но в углу оставался явный след от нее. При мысли, что Валя, считая, что муж действительно в командировке, повела Ёжика в дом, у следователя закружилась голова и к горлу подступила неприятная тошнота. Он потушил фонарик и, тяжело дыша, закрыл глаза. То ли почувствовав, каково товарищу, то ли подставляя себя под удар, Алибек шепнул на ухо Ивану Васильевичу:

- Я выйду в коридор первым, - он попытался открыть дверцу. Но Попов коротким движением руки осадил его обратно. Он сам открыл дверцу и высунул руку, надев на нее фуражку и изобразив голову. Кругом было тихо. Он поднялся по лесенке, очутился в коридоре. За ним поднялись и остальные. Все три двери, выходящие в коридор, были закрыты. Какую же из них нужно открыть? Хозяин знает, что ответа ждут от него. А что отвечать? Если он случайно попадет в другую комнату и включит свет, тщательно подготовленная операция вряд ли будет иметь бесшумный исход. И тогда, возможно, пострадает не один из его товарищей.

Пока Иван Васильевич стоял в раздумье, из гостиной донесся скрип кровати. Послышались шаги, по которым он определил, что поднялась Валя. Все трое, не дыша, прислонились к стенке. Валя двигалась к двери. Включит свет или нет?

Если включит, появится еще одна сложность. Дверь открылась, Валя, не закрывая ее, прошла по коридору, оттолкнула дверь, вышла на веранду. Ждать дальше было нельзя. Увидев милиционера у калитки, Валя могла закрыть, на что бы мгновенно среагировал Ёжик.

Словно через порог тюрьмы переступил Иван Васильевич, входя в свою спальню. В это время раздался низкий мужской голос: "Ты что так быстро вернулась?" Не отвечая, Попов шагнул к кровати, а Алибек, как и планировалось, включил свет. От резкого света лежав-

ший зажмурился. А Иван Васильевич мгновенно очутился возле него и ловким движением подмял под себя. Преступник был не из слабаков, к тому же он сразу все понял. Пытаясь перевернуться, он сунул руку под подушку, но подоспевший Алибек завернул руку ему за спину. Милиционер вытащил из-под подушки пистолет и схватил за горло пытавшегося сопротивляться негодяя. Через две-три минуты борьба была закончена. Иван Васильевич, отирая пот, выходил из ставшей ему вдруг ненавистной комнаты. За ним вели в наручниках Ёжика. Включив в коридоре свет, Попов в последний раз оглянулся и, резко отвернувшись, столкнулся лицом к лицу с женой. Иван Васильевич ударил ее по щеке, и Валя пошатнулась, но ее поддержали. Полы халата от резкого движения разошлись и открыли изящно отточенные ноги, словно созданные талантливой рукой скульптора, вложившего в свое творение всю любовь к прекрасному. Находящиеся рядом мужчины невольно задержали на ней взгляд, а следователь сплюнул и вышел, не оглядываясь.

... Утром следующего дня Сеит вошел в прокуратуру. Алибек и Коля приветливо подняли головы от бумаг и сказали, что Иван Васильевич еще ночью уехал, сообщив, чтобы его не искали в течение четырех – пяти дней. Дело до конца будут доводить они сами. Ёжика допросили еще ночью. Поняв, что ему не отвертеться, он решил рассказать правду, попросив, чтобы его откровенное признание приняли во внимание. Было слишком много работы, и Сеита познакомили лишь с тем, что имело прямое отношение к Рае.

Один из бывших воров, который дружил с Раей, пронюхал, что его посадили благодаря ее стараниям, и решил отомстить. В лагере они сидели вместе с Ёжиком. Готовя побег Ёжику, он попросил его рассчитаться с девушкой. В награду обещал 50 тысяч рублей и адреса надежных людей. Деньги были спрятаны в Раином платяном шкафу – между фанерой и зеркалом. Ёжику нужны

были деньги, но Рая оказалась слишком осторожной. Ёжик попросил Магомета (как они познакомились, еще не выяснено) свести Анну с Раей. Магомет, не зная истинных намерений Ёжика и считая, что тот влюблен в девушку, помогает ему. Совершив убийство, Манаф и Ёжик хотят сразу взять ключ от квартиры и забрать деньги, но Анна мешает криком, и они уходят ни с чем.

- Мы нашли и деньги, и бумаги, - сказал Алибек.

- Узнали, почему они хотели избавиться от тебя, - вступил в разговор молчавший Коля. - Они думали, что Рая тебе все рассказала. К тому же они боялись, что ты, хорошо зная расположение вещей в комнате, можешь найти эти деньги или какие -нибудь ее записи, если они есть.

- А можно увидеть Ёжика?

- Скоро его приведут на допрос. Только тогда можешь увидеть, - пояснил Николай. - Теперь ты свободен. Могут вызвать лишь на суд. Да, чуть не забыл, вчера звонил Азрет, хотел встретиться...

ЭПИЛОГ

В нежаркий летний день все вокруг дышит счастьем и весельем. Куда ни посмотреть, радует глаза зеленая листва деревьев. Отовсюду доносится бойкий гомон птиц, и сквозь этот шум, словно сладкую музыку, слух улавливает приглушенный говорок случайного ручейка. Недалеко, на крутом склоне горы, мелькают светлые платица девочек, по движениям которых нетрудно определить, что они собирают яркие летние цветы, вобравшие в себя весь аромат лета и земли. Ласковый ветерок, дующий с вершины Эльбруса, иногда доносит веселые голоса ребят. По широкой прямой трассе, поблескивая ветровыми стеклами, быстро мчатся машины. Иногда с дороги доносятся звуки национальной гармоники и слова песни: “Эльбрус-красавец, гордый и смелый...”. Это молодежь из окрестных аулов, сел и города едет отдыхать в любимые горы, подышать свежим воздухом и плавно раскинуть руки в танце у подножия гор, горделиво и высоко поднявших свои вершины.

Как это ясное голубое небо, сердца людей распахнуты навстречу счастью и добру. Теплые лучи солнца согревают и старых, и молодых, успокаивают и наполняют радостью одних и зовут в неведомое других, не давая ни минуты на покой. В такой день притупляется боль утраты, забывается горе, но...

Но ничего не радует двоих, стоящих на коленях у невысокого могильного холмика. Они, словно в забытьи, усталились на могилу, находящуюся недалеко от дороги. Они настолько неподвижны, что издали никто не признает в них живых людей. Они не плачут, мужчины скупы на слезы. Глаза их сухи, но тяжесть их горя не в силах

были бы вынести и эти гордые горы, и выдавшие много на своем веку глыбы неподвижных камней.

На могиле есть и памятник. Он сделан из металла и покрыт белой, блестящей краской. С фотокарточки под стеклом улыбается девушка. Нежный румянец играет на ее упругих щеках. Волосы расчесаны на прямой пробор и густыми волнами спадают на плечи. Одна упрямая прядь, оторвавшаяся от других, чуть прикрывает левую бровь. Девушка устремила взгляд поверх холмов и склонов на вершину Эльбруса. Губы улыбаются чему-то застенчивому. Но парни не замечают всего этого, они смотрят на могилу. Лепестки цветов, любовно положенных на могилу, начали увядать. Но не увянут цветы любви, выращенные в сердце. Всю жизнь они будут цвести, болью и радостью наполняя сердца.

- Сеит, скоро отправится твой автобус, - не поднимая головы, нарушил тишину один из парней.

- Да, Азрет, пойдем, - нехотя отозвался другой, бережно трогая рукой зеленую травку могильного холмика.

Он еще долго и печально смотрел на фотографию девушки, затем поднялся. За ним встал и его друг. Они молча, часто оглядываясь назад, пошли в сторону города. Но Сеиту показалось, что его душа и пламенное сердце остались тут навсегда, чтобы верными часовыми сторожить покой его любимой женщины, его первой на свете любви.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	3
Часть первая	
Из записей Сеита	7
Часть вторая	
Рассказ следователя Ивана Васильевича	160
Эпилог	285

Аппаев Билял Добаевич

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Роман

Перевод автора

Редактор и корректор Кожевников В.И.
Оператор компьютерной верстки Кочагина В.С.
Художник Хубиев Вениамин

Подписано в печать 29.03.2010 г.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.
Физ. п.л. 18,0. Заказ № 246. Тираж. 1000.

Отпечатано с готовых оригинал-макетов в ООО «Полиграфист-2».
Свидетельство № 1040900954093 от 03.02.2004 г.
369000, г. Черкесск, ул. Первомайская, 47
Тел. (87822) 5-80-59.

За ошибки, допущенные в книге,
ООО «Полиграфист-2» ответственности не несет.

